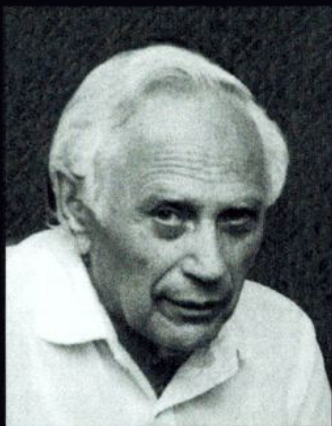

Марк Валкин

**ИЗ ЗАПИСОК
СТАРОГО МУЗЕЙЩИКА**

Ульяновск
2010

Памяти родных, погибших
от рук фашистских убийц и их
пособников, посвящаю.

Марк Валкин

ИЗ ЗАПИСОК СТАРОГО МУЗЕЙЩИКА

(воспоминания и размышления)

Ульяновск
2010

УДК 006.90
ББК 79.1
В15

Подготовка текста и компьютерная вёрстка:
Валкин М. М., Корнев Д. В.

ISBN 978-5-94655-166-3

Издательство «Корпорация технологий продвижения»
432012 Россия, г. Ульяновск, ул. Державина, дом 7а
тел. 38-79-08

Предисловие

Выдающийся деятель науки и культуры академик Д. С. Лихачев писал: «Воспоминания открывают окно в прошлое. Они не только сообщают нам сведения о прошлом, но дают нам и точки зрения современников событий, живое ощущение современников <...> Мемуаристы рассказывают то, что не получило и не могло получить отражения ни в каком другом виде исторических источников»¹.

Наверное, каждый человек мечтает, что после его ухода из жизни, о нем скажут доброе слово. Имеются в виду, в первую очередь, родные и близкие. Хочется также, чтобы соратники по профессии заметили что-то полезное из того, что ты успел сделать. Как мне думается, это особенно характерно для людей связанных с научной и творческой деятельностью. Судьбой мне было определено заниматься именно такой работой — музейным делом. Роль музеев, как хранителей сокровищ цивилизации, исторического опыта народов, общеизвестна.

В 1994 году вышли в свет мои воспоминания². Они охватывают период с 20-х до 80-х годов прошлого века. Судьба позволила мне шагнуть в новый, XXI век. В 2009 году мне исполнилось 87 лет. Из них без малого 50 отдано музейному делу, а из этих 50 более 30 лет довелось работать в Ульяновском областном краеведческом музее, в должности директора. Пришлось руководить научно-творческой работой по созданию новых музеев, многих музейных экспозиций, решать сложные организационно-хозяйственные задачи, встречаться с интересными людьми.

Как известно, любая работа неразрывно связана с личной жизнью человека. Поэтому в воспоминаниях я счел возможным рассказать и об основных моментах из моей личной жизни (родители, учеба, друзья, семья, участие в войне и т. п.), уделяя, конечно, главное внимание работе на музейном «фронте».

После первого издания прошло полтора десятилетия. Я задумываюсь о настоящем и, в известной мере, о будущем наших музеев. Появляется потребность рассказать о сделанном, поделиться своими раз-

¹Лихачев Д. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. Л., Сов. писатель, 1989, с. 7.

²Валкин М. Х. Из моей жизни. Ульяновск, 1994.

мышлениями с товарищами по профессии и вообще с людьми неравнодушными к судьбам культуры.

Учитывая все выше сказанное, у меня возникла мысль подготовить второе, дополненное, издание воспоминаний, имея в виду включить в них рассказ о продолжавшейся после 1982 года моей работе в ульяновских музеях (будучи уже пенсионером).

Первое издание вышло под названием «Из моей жизни». Второму я решил дать новое название: «Из записок старого музейщика». Думаю, что оно более соответствует содержанию книги, так как говорит читателю о профессии автора воспоминаний.

В настоящем издании использованы материалы из вышедших ранее моих печатных работ.

Хочется надеяться, что книгу прочтут люди, интересующиеся историей отечественной культуры и, конечно, сотрудники музеев.

ЧАСТЬ I

Я — МУЗЕЙЩИК

В 1946 году я демобилизовался из армии, возвратился в Казань и продолжил учебу в университете, на историко-филологическом факультете. В то время разрешалось свободное посещение занятий, поэтому я решил устроиться на работу. И, с 1947 года, по приглашению ученого секретаря Государственного музея Татарии Е. Г. Бушканца, я начал работать в этом музее.

Приняли меня на должность научного сотрудника отдела фондов. За мной был закреплен так называемый плоскостной фонд: различные рукописи, документы, фотографии, плакаты, карты, редкие книги, газеты и другое. Фонд этот, включавший свыше ста тысяч единиц хранения, находился в хаотическом состоянии. Пришлось разработать схему систематизации, шифровки, составлять картотеку. Удалось навести элементарный порядок. По картотеке стало возможным за короткое время находить хранившиеся материалы.

Моя работа в фондах проходила в доброжелательной обстановке. Тогдашний заведующий отделом Фард Гасимович Гасимов был не очень эрудированным научным работником, но как человек весьма порядочный. Свои административные обязанности он выполнял очень добросовестно.

Через некоторое время после моего прихода на работу в отдел фондов, там стал работать Нил Григорьевич Первухин. Наши рабочие места были в буквальном смысле рядом. Ему в то время, как мне помнится, было за семьдесят. Несмотря на физическую слабость, он отличался живым, острым умом. Это был высокообразованный, общительный, очень интересный человек. В свое время он занимал пост директора

гимназии в г. Ярославле. Его «хобби» было древнерусское искусство. Искусствоведам известны его книги о фресках ярославских церквей.

Между прочим, общаясь со мной, дружески, как-то незаметно, тактично, Нил Григорьевич вызвал у меня интерес к древнерусской живописи и архитектуре. Он научил меня читать «столбцы» (старинные документы).

Наряду с основными обязанностями (учет, описание и хранение реликвий), сотрудники отдела фондов обязаны были проводить определенное количество экскурсий в экспозиционных залах. Чтобы выполнить свою норму, Нил Григорьевич выходил в исторический отдел музея и подходил к какому-нибудь одиночному посетителю, рассматривавшему экспонаты. Подойдя, он, как бы мимоходом, говорил посетителю: «Обратите внимание, это старинные пуговицы. Такие были на меховых кафтанах бояр, которые они носили зимой и летом. А рядом, смотрите, чернильница семнадцатого века, на шнурке. Её носил на шее дьяк. Расхаживая по Ивановской площади Кремля, он кричал: «Кому челобитную, кому челобитную?». Желаящий подходил к дьяку и тот, опираясь на спину просителя, как на стол, писал нужный документ. Затем брал вот эту песочницу и сыпал написанное мелким песком, выполнявшим роль промокашки».

Проходившие мимо посетители останавливались, подходили к беседевавшим и с интересом слушали. Постепенно вокруг Первухина собиралась большая группа людей. Тогда он предлагал им прослушать экскурсию по отделу. Экскурсия заканчивалась искренней благодарностью посетителей. Многие из них просили книгу отзывов и записывали туда восторженные отзывы об экскурсоводе.

Примерно через год я был переведен на должность заведующего отделом истории советского периода. Отделу была поставлена трудная задача: впервые в музейной практике создать экспозицию, отражающую историю всего советского периода — от Октября до современности (конечно, на то время, 1949 год). Несмотря на малочисленность отдела — всего 5 сотрудников, удалось провести значительную научно — собирательскую работу. Кроме материалов по советскому периоду, хранившихся в фондах музея, в экспозицию был включен целый ряд вновь собранных в Казани и в районах республики. Между прочим, один из впечатляющих экспонатов удалось разыскать лично мне — трактор Фордзон-Путиловец. Он и поныне экспонируется.

Открытие отдела было приурочено к 20-летию Татарской АССР. Созданная экспозиция получила высокую оценку на состоявшемся в те дни в Казани всероссийском совещании музейных работников (с участием представителей союзных республик). В экспозиционные комплексы было включено большое количество подлинных памятников — свидетелей тех или иных исторических событий. Таким образом, был сделан определенный шаг в преодолении формалистических тенденций в музейном деле, характерных для 20—30 и в значительной мере 40-х годов XX века. Ведь в те времена экспозиции советских музеев были буквально забиты различными текстами, лозунгами, копиями, макетами. Все это было скучно, не вызывало интереса у посетителей.

Часть коллектива музея Татарии. В центре (сидят) В. М. Дьяконов и Е. Г. Бушканец (за ним автор). 1949 г.

Создание в музее Татарии новой, актуальной экспозиции явилось, в известной мере, оценкой и моей работы. Вскоре ко мне обратился Ульяновский областной отдел культурно — просветительной работы с предложением переехать в Ульяновск для работы в должности директора областного Краеведческого музея. Я тянул с ответом. С одной стороны, не хотелось уезжать из Казани — крупного научного центра, с другой — привлекала возможность самостоятельной работы по специальности. В конце концов, ульяновцы поставили передо мной вопрос «ребром». 11 ноября 1949 года заместитель заведующего отделом Ки-

рили писал мне: «<...> Сообщите, как скоро Вы можете решить вопрос с переездом в г. Ульяновск? Если Вы этот вопрос затянете, то на днях мы освободим директора Краеведческого музея и будем подыскивать другого. Откладывать это уже невозможно».

И я, наконец, решился и ответил согласием на предложение ульяновцев. Но прежде, чем расстаться с Казанью, мне хочется немного рассказать о людях, с которыми я там дружил, встречался.

О довоенном периоде моей студенческой жизни, о преподавателях, о друзьях (в том числе о Мунькове и Ханине) я расскажу во второй части книги.

Николай Петрович Муньков не участвовал в войне по состоянию здоровья (близорукость). Он окончил университет и успешно преподавал отечественную историю в педагогическом институте и в 24 средней школе. Позднее, Муньков защитил кандидатскую диссертацию (о Кутузове, как дипломате), заведовал кафедрой истории СССР, а затем стал проректором института по учебной работе. Он пользовался популярностью в городе, как лектор общества «Знание». Ему было присвоено Почетное звание Заслуженный работник культуры Татарской АССР.

Муньков женился на бывшей его студентке. Ее звали Нина. У них двое сыновей и внук. Бывая в Казани, я всегда встречался с ними, а иногда на сутки — двое останавливался у них на квартире.

Николай Петрович бывал у меня в гостях. Однажды он приехал в Ульяновск вместе с Е. И. Устюжаниным и В. М. Дьяконовым. Мы совершили прогулку по городу, побывали в ульяновских музеях, у здания Краеведческого музея сфотографировались. Затем я пригласил их к себе, на квартиру. За обеденным столом мы приятно провели время.

Муньковы любили отдыхать, путешествуя по Волге. Несколько раз я встречался с ними в каютах теплоходов, в речном порту Ульяновска.

Между мной и Николаем Петровичем никогда не возникали какие-либо ссоры. Но одно досадное недоразумение все же произошло. Перед защитой своей кандидатской диссертации он прислал мне автореферат с просьбой передать его на отзыв ульяновским историкам. Преподаватели педагогического института подготовили прекрасный отзыв и я его заказным письмом отправил в Казанский пединститут, на кафедру истории СССР. Можно представить, каково было мое огорчение, когда, уже защитив диссертацию, Муньков написал мне, что отзыв он не получил. Я оказался в неловком положении. Ведь он мог подумать, что я

Слева направо: Е. И. Устюжанин, М. Х. Валкин, Н. П. Муньков, В. М. Дьяконов у здания Краеведческого музея. 50-е годы

не помог ему в деле, связанным с очень важным событием в его жизни. Примерно через год выяснилась причина этого неприятного для меня случая. Новая секретарша деканата обнаружила в ящике письменного стола, за которым работала ее предшественница, мое письмо. В нем находился злосчастный отзыв. Об этом Николай Петрович немедленно сообщил мне. Так закончилась эта неприятная история.

В последние годы, в письмах ко мне, Муньков рассказывал о сложившемся у него тяжелом материальном положении, о переживаниях в связи со смертью его супруги, о жизни родных и друзей, о своем отношении к событиям, происходившим в стране. В 2002 году Николай Петрович ушел из жизни. В 2003 году в Казани состоялось расширенное заседание кафедры истории гуманитарно-педагогического университета, посвященное 80-летию Мунькова. На заседании с кратким словом о нем, как о верном друге, выступил я.¹

¹Валкин М. Х. Верный друг. (Из воспоминаний о выпускнике Казанского (ИЗ) универси-

Шамов Г. Ф.

Теперь несколько слов о других казанцах — моих друзьях и знакомых. Наряду с Муньковым, дружеские отношения у меня сложились с Георгием Федоровичем Шамовым (мы звали его просто Жорой). Характер у него был спокойный, разговор рассудительный, неторопливый. Он был очень дружен со своей женой Ритой. Жора часто бывал в нашей компании вместе с ней. Надо отдать ей должное. Она нам не мешала, как-то мягко «вписывалась». Он, также как и Муньков, не был мобилизован на фронт по состоянию здоровья. После окончания истфилфака был оставлен при университете, защитил кандидатскую диссертацию, написал книгу о М. Ковалевском. Некоторое время занимал должность проректора. В 1984 году Шамов ушел из жизни.

Леонид Иванович Ханин учился на курс старше, да и по возрасту он был на несколько лет старше нас. Не был женат. Мы его называли вечным холостяком. Особенность его характера, также как и у Шамова, внешнее спокойствие, неторопливость. В войне он также не участвовал по состоянию здоровья. После окончания университета работал в молодежной газете, защитил кандидатскую диссертацию, посвящен-

тета, профессоре Н. П. Мунькове). Музейный вестник Казанского государственного гуманитарно-педагогического университета. Выпуск 3. 2006, с. 110—114.

Ханин Л. И.

ную Отечественной войне. Затем преподавал в высшем учебном заведении (в каком не помню). Его уже также нет в живых.

С Владимиром Андреевичем Кузиным я познакомился в 1946 году, по возвращении в университет. Он учился в аспирантуре по специальности философия. В характере его, что удивительно, было много схожего с Ханиным и Шамовым. Та же неторопливость, обстоятельность. После защиты кандидатской диссертации Кузин работал в Казанском химико-технологическом институте. Позднее защитил докторскую диссертацию, получил звание профессора, заведовал кафедрой.

Между прочим, я у него был свидетелем при регистрации брака с интересной девушкой по имени Люда. Она увлекалась литературой, писала стихи. Но это было у нее своего рода хобби. У них два сына. Я бывал у них в гостях. Кузины так же бывали у нас. В 1992 году Володя ушел из жизни после тяжелой, продолжительной болезни. Через несколько

лет трагически погибла Люда. Ночью от электроприбора в квартире загорелся ковер и она задохнулась.

Теперь несколько слов о бывшем директоре Государственного музея Татарии Владимире Михайловиче Дьяконове. Это был человек среднего роста, очень энергичный, живой. Он переболел энцефалитом и писал как бы двумя руками, поддерживая одну другой. Жил он в это время в здании музея, один, без семьи. С женой, что-то у него не ладилось. Его иногда навещала дочь Светлана — симпатичная девочка лет семи. Как мне рассказывали, однажды Дьяконов и его супругу — двух руководителей (она была главврачом больницы или поликлиники, точно не помню), вызвали в обком партии и сделали «внушение». После этого Владимир Михайлович возвратился в семью.

Как руководитель музея, он уделял основное внимание массовой работе, связи с властями, с общественными организациями, а также с казанскими учеными-историками и искусствоведами. Нередко его посещали художники — участники проводившихся в музее художественных выставок. До прихода в музей (кажется в 1940 или в 1941 году) он работал в газете «Советская Татария». И на посту директора «журналистский» стиль, работа на злобу дня, были для него характерны. В коллективе музея считали, что он слишком много внимания уделяет массовой работе, в ущерб научной. Во всяком случае, авторитет музея при нём был высок.

Особенностью его характера была общительность, открытость. Бывало, если кто из сотрудников зайдет в кабинет и поделится секретом, то вскоре об этом будет знать весь коллектив. Это свойство характера, однажды, принесло ему большую неприятность. В наш коллектив пришел на должность научного сотрудника некто Байрамов, бывший инструктор райкома партии — человек злобный, непорядочный. Он стал шпионить за Дьяконовым, стремясь подорвать его авторитет. Рассчитывал Байрамов, по-видимому, занять директорское место.

Для атаки на Владимира Михайловича он использовал подвернувшийся удобный случай. В музее хранилось некоторое количество изящной японской мебели (письменный стол, книжный шкаф и др.). Она была обнаружена в Казани, в тайнике, во время капитального ремонта одного из домов. В свое время там жил профессор Флоринский. В дореволюционные годы он уехал в Томск, куда был назначен на должность ректора университета. Мебель и несколько найденных в тайнике других

вещей передали в музей. Среди них оказались стеклянные пластинки, типа диапозитивов, с цветными зарисовками на сексуальную тему. Их Дьяконов хранил в кабинете и периодически показывал, в том числе и сотрудникам музея. Байрамов об этом узнал и сообщил в райком. В докладе он приписывал директору и другие негативные факты, в том числе нарушение финансовой дисциплины. Райком направил в музей комиссию. Затем состоялось заседание партийного бюро, на котором обсуждалось поведение Дьяконова. Я не помню вынесли ли ему какое-либо взыскание. Пластинки же решено было уничтожить. Вскоре Байрамова в музее не стало.

Научно-экспозиционной работой музея руководил Ефим Григорьевич Бушканец, филолог, выпускник университета. Это был очень способный человек. Работая в музее, он значительное время уделял своей диссертации о Чернышевском. Дьяконов предоставлял ему эту возможность (командировки для работы в архивах и др.). Защитив кандидатскую, а затем докторскую диссертации, он перешёл на преподавательскую работу в пединститут. Большая дружба у Бушканца была с профессором Г. Н. Вульфсоном.

Жил Ефим Григорьевич с матерью и долго не был женат. После возвращения Дьяконова в семью, они некоторое время жили в освобождённой квартире в здании музея.

У меня с Ефимом Григорьевичем были нормальные отношения, а временами даже приятельские. Однажды, приехав в Ульяновск с супругой, они осмотрели экспозицию музея Гончарова и побывали у нас дома. Как мне рассказали сотрудники, выходя из музея, Бушканец заметил: «Умный музей!». К сожалению, я в то время был в командировке и не смог с ними встретиться. Его также уже нет в живых.

Примерно за год до отъезда из Казани, у меня произошла интересная встреча. На работу в музей пришел доктор исторических наук, профессор Сергей Митрофанович Дубровский. Это был внешне весьма оригинальный человек: высокий, с крупными чертами лица, с большими кистями рук, кажется с лысиной, с небольшими усами, с бородкой в «западной» манере. Между прочим, подобная мода сейчас распространяется среди творческой интеллигенции и бизнесменов.

Дубровский был известным в стране ученым, кажется выпускник существовавшего некоторое время Института красной профессуры. Он автор нашумевшей теории об «азиатском способе производства», круп-

ный специалист по столыпинской реформе. Я с ним сблизился, в известном смысле подружился. Говорю «в известном смысле», потому, что обстоятельства жизни заставляли его проявлять осторожность в общении с людьми. Постепенно я узнал от него об этих обстоятельствах.

До 1935 года он жил в Москве, работал заместителем директора по научной части Института аграрных проблем, который существовал при Коминтерне. Директором его был известный соратник Георгия Димитрова — Василий Коларов. Дубровский избирался секретарем парторганизации института. Рассказывал, что бывал в гостях у М. И. Калинина, который тепло к нему относился. На мои вопросы о Сталине я не получал от него членораздельного ответа. Он уходил от этой темы (не знал близко и т. п.).

После убийства Кирова Дубровского направили в Ленинград на «укрепление городской партийной организации» и назначили деканом исторического факультета Ленинградского университета. Но работать ему пришлось недолго. Его обвинили в участии в деятельности некоей контрреволюционной троцкистской группы Ванага, осудили на 10 лет и заключили в лагерь. Там ему, в некотором смысле, повезло, правда, не знаю как скоро. Его привлекли к работе в качестве экономиста.

После отбытия срока выдали костюм песочного цвета и отпустили на волю. В Москве жить не разрешили, направили в распоряжение Казанского филиала Академии наук. Но там бывшего «врага народа» принять не решились и предложили ему работу в музее. Дьяконов принял его доброжелательно, ввел в штат музея новую должность — заместитель директора по научной работе, предоставил ему комнату в здании музея. Я бывал у него на квартире несколько раз. Обратил внимание на его стремление «усовершенствовать» бытовые условия. В частности, он устроил над кроватью передвижной светильник (обычную электролампу). Это позволило ему работать на койке то лежа, то сидя.

Дьяконов порядочное время жил в здании музея (об этом я писал выше), а я жил в общежитии университета, почти рядом с музеем и мы втроем, довольно часто, вечером ходили на Казанку купаться. Река мне казалась не очень чистой. Однажды я сказал об этом Дубровскому. Он ответил: «пусть грязная, лишь бы холодная, полезно для здоровья».

Пребывание Дубровского в музее было весьма полезным. Это был энциклопедически образованный ученый и в высшей степени любезный человек. Он всегда старался помочь научным сотрудникам. Но ра-

бота в музее неожиданно окончилась для него печально. Кажется, в конце 1949 года, среди ночи, к нему в квартиру пришли «гости» из КГБ. В это время всех «отпущенных» политических узников административным порядком, без всякого суда, отправляли в ссылку. Дубровский оказался в Енисейске. Устроиться работать удалось ему в местном музее. Для жилья он сам начал себе строить дом.

Арест Дубровского доставил большие неприятности преподавательнице университета Вере Николаевне Смирновой. Она работала над диссертацией о революционном движении казанского студенчества и консультировалась у Дубровского. Постепенно их отношения стали близкими. В ночь ареста Дубровского она находилась в его квартире. За связь с «врагом» Смирнову уволили с работы и отправили учительствовать в глухую татарскую деревню. По возвращении из ссылки, Дубровский помог ей завершить работу над диссертацией. Она вернулась в университет.

После 1953 года Дубровский был реабилитирован, получил квартиру в Москве. Устроен он был в Институт истории Академии наук на должность старшего научного сотрудника. Как я уже говорил, у него было большое пристрастие к технике. Получив пособие от правительства, как жертва сталинских репрессий, он вскоре купил себе автомашину и активно ею пользовался.

С Дубровским я дважды встречался в Институте истории. Он очень тепло меня принял. Я попросил его прорецензировать подготовленную мною книгу об А. С. Бутурлине². Он весьма положительно ее оценил. Побутно замечу, что старший научный сотрудник того же Института, доктор исторических наук Ю. З. Полевой написал мне рецензию в том же духе. Больше я с Дубровским, к сожалению, не встречался. Читал только в исторических журналах его статьи против тирании (об Иване Грозном и др.). А также порадовался в связи с выходом в свет его большой книги о реформах Столыпина. Потом я услышал о его кончине. В моей памяти Дубровский остался как крупный ученый, мудрый и добрый человек.

Из эпизодических встреч в Казани, скажу о некоторых интересных, на мой взгляд, людях. В период моей работы в отделе фондов, туда иногда заходил архитектор, любитель старины, Василий Васильевич

²Валкин М. Х. Александр Сергеевич Бутурлин (Материалы к биографии). Ульяновск, 1961.

Егерев. Он, между прочим, автор брошюры о выдающемся архитекторе Коринфском, работавшем в Казани и Симбирске в первой половине XIX века. В. В. Егерев отличался метким, резким словом, был стариковски ворчлив. Выглядел он интеллигентно, одевался подчеркнуто аккуратно.

Заходил к нам искусствовед П. М. Дульский. Это человек по характеру прямо противоположный В. В. Егереву. В разговоре он был необыкновенно мягок, предупредителен. Добрая улыбка всегда светилась у него на лице. Он любезно сделал мне дарственную надпись на изданной в 1914 году его книге «Памятники казанской старины».

УЛЬЯНОВСК

В сентябре 1950 года я приехал в Ульяновск и приступил к работе. Состояние музея было крайне тяжелым. В нём практически не было экспозиций, хоть в какой-то мере, соответствующих элементарным требованиям музейного дела. Например, в отделе дореволюционного прошлого экспонировались типовые наглядные пособия из альбома по истории СССР. Отдела по истории советского периода вообще не было. В отделе природы, в центре зала, на ковре, были представлены чучела волка и белого медведя. А по стенам, в книжных шкафах, были выставлены чучела птиц с указанием их названий на латыни. Между оконными рамами существовал своего рода живой уголок (ужи, лягушки и др.). В первые дни моей работы произошёл неприятный инцидент. Уж, каким-то образом, оказался на полу и пополз навстречу одной посетительнице. Та приняла его за змею. Музей огласился громкими криками. Пришлось «живой уголок» ликвидировать.

Штаты музея были мизерными. Всего имелось одиннадцать с половиной (!) единиц: директор, четыре научных сотрудника, лаборант, завхоз, счетовод, истопник, уборщица (полторы единицы) и сторож.

Директор музея Петр Иванович Краденов, учитель по профессии, был активным деятелем народного образования в 20—30-х годах прошлого века. Принял он музей в преклонном возрасте, здоровье у него было очень слабое. Имевшиеся в штате музея сотрудники, в основном пожилого возраста, по состоянию здоровья и квалификации были не в состоянии вести активную научно-творческую работу. Скажу несколько слов о каждом из них.

Владимир Николаевич Грен, дворянин по происхождению, бывший военный, имел среднее образование. Поступил он на работу в музей, освободившись из заключения. Это был человек очень нервный, временами даже впадавший в истерику. Василий Сергеевич Смирнов вёл себя странно, всего боялся. В свое время он окончил Варшавский университет. Пришел в музей в пожилом возрасте, ему уже было за шестьдесят. Работала в отделе природы Зоя Ивановна Голенко, с высшим образованием, трудолюбивая, но без творческой жилки, очень замкнутая. Возможно, это объяснялось ее плохим слухом. В отделе природы работал также Олег Вячеславович Рождественский, с незаконченным высшим образованием. Он хорошо знал птиц, было это у него своего рода, хобби. Но в связи с болезнью (шизофрения), он был всё же неполноценным работником и доставлял коллективу немало неприятностей...

На должности лаборанта числился Константин Андреевич Кабанов — сын известного учителя А. С. Кабанова³. Он увлекался палеонтологией, был в этой науке человеком весьма компетентным. Появлялся в музее раз-два в неделю, на несколько часов. Остальное время он, как правило, собирал по правому берегу Волги материал для коллекции (в основном аммониты и белемниты). Жил он в отцовском доме, с садом и цветником.

Личную коллекцию Кабанов продал Палеонтологическому музею Московского университета. Для Ульяновского музея он собрал небольшую коллекцию образцов фауны мелового периода. В этом отношении можно его понять, ведь постоянных источников дохода у него не было. Между прочим, как рассказывал Константин Андреевич, во время войны его семья очень бедствовала. Он даже охотился на сусликов, как на «дичь».

Говоря о сотрудниках музея, надо иметь в виду, что их заработная плата была мизерной. Научные сотрудники получали 410 рублей, лаборант — 310. В известной мере, этим объясняется «своеобразный» состав штата музея.

Имея в виду необходимость «омоложения» коллектива и увеличения штата, тем не менее, начинать работать, решать неотложные за-

³Краткие сведения об А. С. Кабанове содержатся в статье «И. Н. Ульянов и его соратники глазами современника».(Валкин Марк. Краеведческие заметки. Ульяновск, 1998. с. 63—72).

дачи, пришлось с этим коллективом. Конечно, это было непросто. До моего прихода в музей было «тихо, спокойно», а я потребовал энергичной работы. Нередко возникали конфликты. Приходилось их разрешать, учитывая характеры, индивидуальные особенности сотрудников.

Как я уже говорил выше, в музее фактически не было ни одной экспозиции, хоть в какой-то мере, удовлетворявшей требованиям того времени. Поэтому, помимо вопросов связанных с капитальным ремонтом крайне запущенного здания (я об скажу особо), нужно было решать с чего начинать в экспозиционной и фондовой работе.

Фонды музея находились в хаотическом состоянии. Размещались они в одной комнате подвального этажа. Поэтому, прежде всего, надо было провести их инвентаризацию и создать хотя бы элементарные условия для хранения вещевого и документального материала.

В этих целях была образована комиссия, во главе, с назначенным мною, главным хранителем В. Н. Греном. Работала она несколько месяцев. В результате выявилась большая недостача, особенно нумизматики, а также некоторых документов периода гражданской войны. Когда директором музея был А. Я. Королев (1938—1940 гг.), музейные реликвии за бесценок распродавались, расхищались. Кроме того, им было уничтожено большинство инвентарных книг. К сожалению, за эти преступные действия Королев не был наказан.⁴ А в 1941 году директором Б. Н. Афанасьевым из музея были переданы ценнейшие материалы в фонд обороны. В том числе «...монеты разных достоинств, разных эпох и государств (...), общим весом 5 кг, 950 гр. (3172 штуки); золотые екатерининские монеты (полтины), турецкая золотая монета, футляр от часов, без крышки, золотой и серебряный, крест большой, серебряный, разные кресты, бокал серебряный, предметы церковные, в том числе икона. Всего 43 предмета»⁵ Конечно, передача эта была незаконной. Ведь музейные ценности должны храниться вечно.

Что касается недостачи документов периода Гражданской войны, то в вышедшей из печати в 50-х годах прошлого века работе Б. Афанасьева и Б. Чистова (партийного чиновника в Симбирске в 20-е годы), имеются ссылки на пропавшие документы. Думаю, что они в свое

⁴Савич М.М. Ульяновский областной краеведческий музей от основания до 1950-х годов. (в сб. Музей вчера, сегодня, завтра. Страницы истории Ульяновского областного краеведческого музея им. И. А. Гончарова. Ульяновск, 2005. с. 52—55).

⁵Гос. Архив Ульяновской области. Фонд 521, опись 20, ед. хр. 12, л. 15.

время были взяты ими из фондов музея и не возвращены.

Список недостающих материалов получился многостраничный. Облесполкому пришлось специально рассматривать этот вопрос и выходить в Управление музеев (Москва), с просьбой об их списании.

После проверки наличия музейных ценностей необходимо было восстанавливать научную документацию (инвентарные книги, описи, картотеки и др.). В помощь В. Н. Грену я перевел в отдел фондов З. И. Голенко.

Впоследствии, благодаря ликвидации котельной, помещение фондов удалось несколько расширить, но условия хранения продолжали оставаться неудовлетворительными.

Теперь отвлекусь от музейных дел и расскажу о неприятном случае, происшедшем со мной. Когда я работал в Казани, в Государственном музее Татарии, обком партии направил группу сотрудников учреждений образования и культуры, в том числе и меня, в сельские районы. Целью командировки была проверка библиотек на «засоренность» их книжных фондов идеологически вредными изданиями. Имелись ввиду произведения «врагов народа» и писателей, творчество которых осуждалось ЦК КПСС (Ахматова, Зощенко и другие).

Находясь в одной из библиотек, я заглянул в кладовую. Там на полу валялась «ненужная» литература (изорванные журналы, старые газеты и т. п.). Я решил порыться в этой свалке и неожиданно наткнулся на хорошо сохранившийся бюллетень XIII съезда партии (1924 г.). Раскрыв брошюру, я увидел два письма Ленина к делегатам съезда. В них давалась нелестная характеристика членам Политбюро, в том числе Сталину, которого предлагалось снять с поста генерального секретаря. Содержание писем меня поразило, вызвало беспокойство. Между прочим, тогда же я вспомнил, что в работе Сталина «Вопросы ленинизма» цитировались фрагменты из этих писем, но о ленинской характеристике самого Сталина там, конечно, не было ни слова. Я понял, что делиться с кем-либо о своей находке опасно. В 1950 году, уезжая из Казани в Ульяновск, я захватил с собой брошюру, а затем хранил ее в своем кабинете, в сейфе.

Тем временем, в обкоме партии, в беседе с инструктором отдела пропаганды И. С. Артемовым выяснилось, что во время войны мы были с ним в одной, 61 армии. Это послужило поводом для неофициального общения между нами. Прошло несколько месяцев. После работы,

вечером, Артемов как-то зашел в музей. Во время теплой, дружеской беседы, я открыл сейф, достал брошюру и дал ее ему прочесть. Прощаясь, я попросил Артемова никому не говорить о моей «реликвии». Он обещал.

Недели через две после этой встречи раздался звонок из обкома. У телефона был заместитель заведующего отделом пропаганды Д. Ф. Иванов. Он сказал: «Тут вот Иван Степанович поделился со мной о хранящейся у тебя находке, руководство хочет ее посмотреть». Я забеспокоился. Во-первых, мне было крайне неприятно, что Артемов не сдержал своего слова. Во-вторых, полностью не сознавая в то время об опасностях, связанных с хранением или даже знакомством с такими политическими документами, я все же подумал: не приведет ли это к встрече с КГБ?

На следующий день я принес брошюру в обком и передал ее Иванову. При этом он сказал, что как только с ней познакомятся секретари обкома А. П. Бочкарев и Ф. Чернявский, мне брошюру возвратят. Проходят день, два, неделя, месяц, полгода — никаких звонков из обкома. Полное молчание. Я тоже молчу, не спрашиваю. И вот наступил 1956 год. На XX съезде партии Хрущев доводит содержание писем до делегатов, затем до всех членов партии. Документы становятся известны всем.

Вскоре Иванов уезжает в Москву, на учебу в Академии общественных наук. Прошло несколько месяцев. И в один из своих приездов в Ульяновск он зашел в музей. Мы разговорились, и я спросил, какова же судьба брошюры, которую в свое время передал ему. Он ответил, что секретари обкома прочитали ее и бросили в камин. Оказалось, что тогдашние ульяновские руководители, хорошо понимая обстановку, по видимому, не пожелали иметь дело с КГБ. Я же сделал для себя вывод: в жизни бывают такие обстоятельства, о которых **ни с кем** нельзя делиться.

Наряду с проводившейся работой по наведению порядка в учете и хранению фондов, необходимо было незамедлительно приступить к созданию экспозиций. Начинать надо было, как мне представлялось, с создания так называемых «актуальных» экспозиций, чтобы заинтересовать обком партии в работе музея с целью получить помощь в укреплении материальной базы (ремонт здания, изготовление оборудования), а также в решении других вопросов (кадры, финансы, транспорт и др.).

С другой стороны, опираясь на поддержку партийных и советских органов, вести необходимую научно-собираТЕЛЬскую работу по дореволюционному прошлому, по природе края (экспедиции, приобретения через закупочную комиссию, изучение материалов в архивах и библиотеках). Думаю, что такой подход в целом оправдал себя. В подтверждение приведу несколько примеров.

В начале 1951 года мы начали работу по созданию отдела сельского хозяйства. В это время в области еще не было выставки «достижений передовиков сельского хозяйства». Создание такого отдела превращало музей в своеобразный центр пропаганды этой отрасли народного хозяйства. Мы нашли себе энергичных помощников в отделе пропаганды областного управления сельского хозяйства, в лице Б. С. Дриза (начальник) и М. Я. Татарского (заведующий сектором выставок). Сотрудничество это было выгодно обеим сторонам. Отделу пропаганды нужны были помещение и оборудование (стенды, витрины), выполнение художественно-оформительских работ. А нам нужны были их возможности оперативного получения экспонатов, а также профессиональные консультации.

За один, 1951 год, была выполнена вся работа по созданию отдела: составлены тематико-экспозиционный план и проект художественного оформления, изготовлено оборудование, выполнены оформительские работы.

Экспозиция отдела «Сельское хозяйство». 1952 год.

Экспозиция размещалась в зале площадью 130 квадратных метров. В ее создании приняли самое активное участие молодые научные

сотрудники А. Д. Огрызкова и В. Ф. Таманова, а также наши «помощники» из управления сельского хозяйства. Особенно потрудился М. Я. Татарский. Художественный проект экспозиции разработал художник В. О. Китаевский. Несмотря на преклонный возраст, он был полон энергии, настойчиво защищал свои художественные принципы («классика»). Созданная экспозиция отличалась высокой культурой (конечно по тогдашним меркам). Описание экспозиции и снимок зала опубликованы в «Краеведческих записках» (вып. 1, 1953 г., с. 323--328).

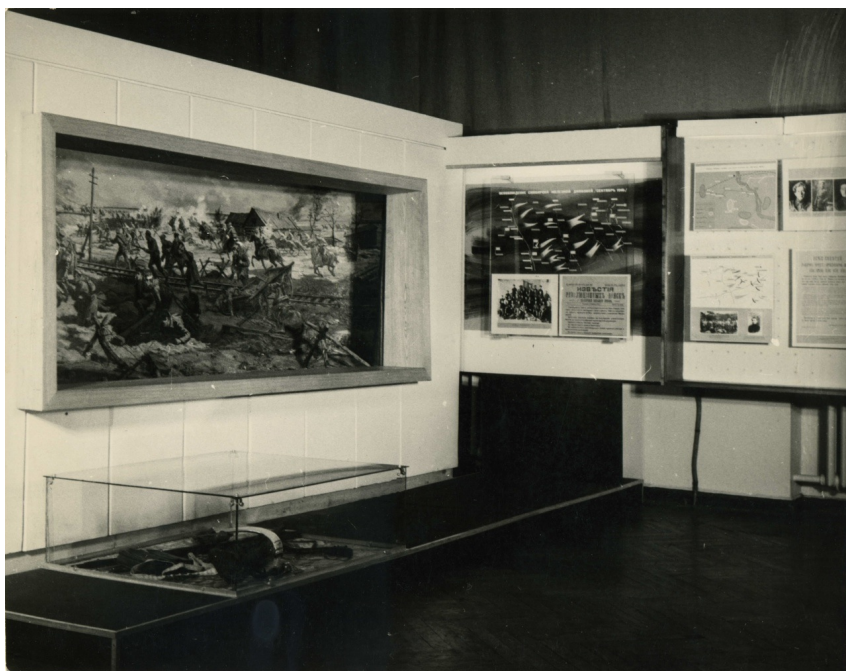
Открытие отдела привлекло внимание руководства области, нашло отклик в печати, показало, что музей, несмотря на малочисленный коллектив, способен решать серьезные задачи.

После открытия отдела сельского хозяйства началась работа по созданию отдела советского периода. Исходя из существовавшей тогда периодизации и учитывая, что в фондах музея имелось собранное в 20-х—30-х годах некоторое количество материалов по истории Октябрьской революции и Гражданской войны, решено было начинать строить экспозицию именно с этих разделов. Конечно, предстояло, по возможности, изучить документы по этому периоду в местных архивах, а также научные публикации, сосредоточенные в библиотеках.

Сделать это было совсем не просто, так как в государственных архивах часть фондов была засекречена, а в партийных архивах можно было работать только членам партии. Но все же, благодаря добрым отношениям с руководителями этих учреждений, удалось выявить целый ряд ценных для экспозиции материалов.

Пройдя необходимые в научно-экспозиционной работе этапы (замысел, тематико-экспозиционный план, художественный проект, изготовление оборудования, художественно-оформительские работы), новый раздел экспозиции «Симбирская губерния в годы Октября и Гражданской войны» был открыт в 1956 году. Он размещался в так называемом малом зале (площадь 60 кв. метров). В экспозицию был включен целый ряд уникальных экспонатов, в том числе оружие, личные вещи, документы и фотографии участников событий, плакаты, листовки, газеты. Среди экспонатов раздела особое внимание посетителей вызывали подлинные «свидетели» голода 1921 года: высохшие снопы ржи и пшеницы, «хлеб» из лебеды и др. В центре зала экспонировалась большая диорама художника Куликова «Бой за Симбирск». Художественное оформление экспозиции, изготовленное оборудование также отлича-

лись высокой для того времени культурой. Экспозиция получила высокую оценку у местных историков, в печати. О ней доброжелательно отозвался посетивший музей секретарь обкома партии по идеологическим вопросам В. Ф. Герасин — весьма властная и влиятельная в то время личность. Он рекомендовал мне выступить со статьей о новой экспозиции в «Блокноте агитатора» (орган обкома). Что я и сделал.⁶

Раздел экспозиции «Октябрь и Гражданская война». 1956

Конечно, во многом показ событий Октября и Гражданской войны был односторонним. Когда речь шла о белых интерпретация была «черная», когда же о красных — только «светлая». К сожалению, по-другому показывать тогда было невозможно.

Создание этой экспозиции еще раз показало общественную значимость деятельности музея. Позволило решать очередные задачи, опираясь на поддержку властей. А решать коллективу музея предстояло немало сложных задач в области экспозиционной, фондовой, массовой и административно-хозяйственной работы.

⁶Блокнот агитатора. Издание «Ульяновской правды», 1956. № 5.

Строить новые экспозиции, систематизировать и публиковать фондовые материалы трудно было бы без помощи местных ученых-краеведов. Необходимо было также наладить деловые отношения с руководителями родственных музеев учреждений (государственный и партийный архивы, дворец книги и др.). Организационной формой для этого, как мне представлялось, мог стать Ученый совет музея. Войти в его состав согласились: П. С. Бейсов (литературовед), историки Н. П. Гриценко, Я. М. Головчинер, М. А. Бутаев, М. А. Гнутов, А. П. Чевелев, биологи Э. Р. Геллер, С. С. Гайниев, Р. Е. Левина, В. В. Благовещенский и др. В работе совета стали принимать участие директор госархива А. Ф. Варламова и директор партархива М. И. Кривов, а также заведующая библиографическим отделом Дворца книги Н. И. Никитина и научный сотрудник госархива, опытный архивист Н. Н. Смирнов. Члены ученого совета активно включились в изучение и затем публикацию материалов из фондов музея,⁷ консультировали научных сотрудников.

Среди ульяновских краеведов выделялись в то время заведующий кафедрой истории СССР пединститута, кандидат исторических наук Николай Павлович Гриценко (1912-1971) и доцент того же института, кандидат филологических наук Петр Сергеевич Бейсов (1906-1976). Оба они были людьми увлеченными научно-исследовательской работой. Первый в области отечественной истории, второй-литературоведения. Между ними было своего рода соревнование. Каждый из них стремился выявить в архивах и музеях ранее неизвестные материалы и как можно быстрее их опубликовать. В 1948 году, к 300-летию Симбирска, вышла книга Гриценко «Очерки по истории Симбирска Ульяновска» (1648-1948). Позднее он защитил докторскую диссертацию «Удельные крестьяне Среднего Поволжья» и опубликовал на эту тему пространную монографию. В 1951 году была издана книга Бейсова «Гончаров и родной край». Петр Сергеевич долгие годы собирал материалы и публиковал статьи о жизни и творчестве В. Ф. Раевского. Он готовил на эту тему докторскую диссертацию, но защитить ее не успел. У него ушло много времени на работу над книгами и многочисленными статьями на другие темы.

Учитывая значительный вклад Н. П. Гриценко в изучение истории Симбирского края, я считаю целесообразным сказать несколько слов о

⁷См. Краеведческие записки, вып. 1, 1953 г., а также последующие выпуски.

судьбе этого незаурядного человека.

Когда я начал работать в музее, из ульяновских ученых-краеведов, кто пришел в музей, чтобы встретиться со мной, первым был Гриценко. Он познакомил меня с тем, что делается в Ульяновске в области краеведения, немного рассказал о своей работе, о семье. Касаясь работы Гриценко в институте, следует иметь в виду, что как преподаватель он пользовался большим авторитетом, много сделал по подготовке будущих ученых. Его ученики защищали диссертации, успешно работали в школах.

Постепенно наши официальные отношения переросли в дружеские. Он довольно часто бывал у меня дома. Встречи эти были интересными. Как правило, проходили они в вечернее время, за чашкой чая, за рюмкой вина, кстати сказать, от нее он никогда не отказывался... Николай Павлович был замечательным рассказчиком, с большим чувством юмора. У него был хороший голос. Навеселе он любил петь родные ему украинские песни. Мы в семье с удовольствием его слушали. Из многих

Слева направо: Валкин М. Х., Смирнов Н. Н., Валкина А. А., Гриценко О. М., Гриценко О. М., Гриценко Н. П. 50-е годы

встреч с Гриценко особенно запомнилась мне одна — трагическая. Как-то вечером, кажется, это было в 1952 году, в воскресенье, зашел он к нам. За беседой незаметно шло время. Около 12 часов ночи раздался звонок. Кто-то к нам пришел в такой поздний час. Неожиданным визите-

ром оказалась преподаватель древней истории Мария Георгиевна Иванова. Прежде чем войти в комнату, она тихо сказала мне: «Случилось несчастье, сын Гриценко, Лёва, повесился». Николаю Павловичу она объяснила, что приехали из ЦК и ректор его срочно вызывает. Он спросил: «Не случилось ли что с Лёвой?». Вероятно, какое-то предчувствие у него было.

Выяснилось, что Лёва оставался в квартире один. Мать его, Ольга Михайловна, находилась в больнице, дочери Гали дома также не было. Пятнадцатилетний мальчик был чем-то очень расстроен.

Лёву похоронили на старом кладбище. Вскоре Гриценко, с семьей переехал в г. Грозный, где жили родные Ольги Михайловны. Там он некоторое время работал в должности директора (или ректора?) педагогического института, избирался депутатом Верховного Совета Чечено-Ингушетии. Затем он из-за семейных коллизий был освобожден от работы в институте и переведен в научно-исследовательский институт истории, языка и литературы на должность заместителя директора по научной работе. В то время им был написан ряд монографий и статей по истории Чечено-Ингушетии. В Грозном закончился жизненный путь Н. П. Гриценко. Что произошло впоследствии, в ходе военных событий, с его семьей, я, к сожалению, не знаю. Хранившиеся у меня письма и книги Гриценко с дарственными надписями переданы в фонды Краеведческого музея.

С Петром Сергеевичем Бейсовым, также как и с Гриценко, наряду с деловыми, у меня сложились и дружеские отношения. Как правило, встречи с ним происходили в музее, в моем кабинете. У нас бывали довольно продолжительные беседы. Обычно разговоры велись о его и моей работе в области краеведения, о творческих замыслах, о положении на музейном «фронте». Делился он со мной о его работе в институте на посту проректора, а иногда и о личном. В институте он много уделял внимания студентам способным к литературному творчеству. Известный ульяновский поэт Николай Благов был его учеником. Петр Сергеевич участвовал в войне, был ранен. Два последних десятилетия он прожил с одной почкой. Несмотря на это, вел активный образ жизни, был заядлым любителем рыбной ловли. Я наблюдал, однажды, как летом, на солнцепеке, на лодке, на середине Волги, он и ректор Карманов несколько часов сидели с удочкой. В это время я, находясь на берегу, рядом с машиной, томительно ожидал их возвращения, скрываясь

П. С. Бейсов

под кустами от жары. Зимой Петр Сергеевич, в свободное время, также рыбачил, радуясь поимкой даже нескольких мелких рыбёшек.

Наряду с созданием ученого совета, весьма важным событием в работе музея было начало издательской деятельности. Дело в том, что в первые послевоенные годы в Ульяновске не было научного издания краеведческого профиля. Лишь одна-две статьи в этом плане периодически появлялись в ученых записках вузов. Обдумывая сложившуюся ситуацию, я пришел к выводу, что музею пора начинать издавать солидный краеведческий сборник. Об этом замысле я сообщил в педагогический и сельскохозяйственный институты, в областную партийную школу. Вскоре в музей стали приходить преподаватели этих учебных заведений и обращаться с просьбами о публикации их статей в предполагаемом сборнике. И я начал редактировать поступавшие рукописи.

В течение 1952 года сборник был готов к печати. В него вошло 19

статей, посвященных природе, истории и культуре края. В титульную редакцию я включил, кроме себя (в качестве ответственного редактора), профессора Э. Р. Геллера (сельхозинститут), кандидатов наук, преподавателей пединститута В. В. Благовещенского, П. С. Бейсова, Н. П. Гриценко.

Итак, рукопись сборника была готова к печати и встал вопрос: какое же дать ему название? Может быть «Ученые записки», «Известия», «Труды»? Все эти названия были традиционными. А хотелось, чтобы это было нечто новое, раскрывающее краеведческую тематику сборника. И, однажды, у меня мелькнула мысль: а что если «Краеведческие записки»? И я остановился на этом названии. Кстати, издание с таким названием появилось в стране впервые.

Но издать сборник, как оказалось, было совсем не просто. Ведь советские музеи, кроме нескольких союзного значения (Эрмитаж, им. Пушкина, Исторический), не имели права издавать книжную продукцию. Любое издание необходимо было «залитировать», т. е. получить разрешение цензуры, свидетельствующее, что книга издается на законном основании и идейно выдержана. Но что же делать, если права на издание нет? Пришлось вести своего рода унижительную, «дипломатическую» работу, просить содействия в обкоме партии (звонюк...), совершать визиты к цензору. В общем просить, просить... Наконец цензор «смилоствовался» и поставил на рукопись разрешительный штамп.

Однако, трудности на этом не закончились. У музея не было финансирования на издание и не было, тогда очень дефицитной, типографской бумаги. Бумагу, даже при наличии денег нельзя было приобрести без так называемых плановых «фондов». Пришлось «выбивать» и деньги и фонды, т. е., выпрашивать их у чиновников. Но, как говорят, «игра стоит свеч». Все эти трудности удалось преодолеть и рукопись была сдана в типографию. В 1953 году «Краеведческие записки» вышли в свет.⁸ Через некоторое время и в других регионах стали издавать сборники с таким же названием.

Издание «Записок» способствовало повышению авторитета музея, как научного учреждения. А для краеведов представилась возможность публиковать результаты своей деятельности. Естественно, что многие из них стали помогать музею в научно-собирательской работе, консуль-

⁸Краеведческие записки, вып. 1. Ульяновский областной Краеведческий музей. Ульяновск, 1953.

тировать сотрудников и использовать экспозиции в педагогической работе. Вслед за «Краеведческими записками» музей стал периодически издавать монографии, брошюры, каталоги. Издательская деятельность стала важным участком работы музея.

Прочные позиции в тогдашней общественной жизни музею можно было завоевать созданием полноценных постоянных экспозиций, а также временных выставок на актуальные темы. Одной из таких выставок была созданная в 1956 году промышленная выставка. В обком партии была направлена записка о целесообразности её создания. Бюро обкома приняло решение о создании выставки и обязало руководителей промышленных предприятий области представить на выставку все необходимые экспонаты согласно составленного музеем перечня.

Выставка размещалась в двух залах северной части здания (где ныне отдел природы). Наряду с образцами промышленного производства на ней были экспонированы действующие агрегаты, работавшие от установки со сжатым воздухом. Центральным экспонатом был легковой автомобиль ГАЗ-69 в экспортном исполнении.

«Промышленная выставка». 1956

Выставку посетил первый секретарь обкома партии Игорь Петрович Скулков. Посещение это подчеркнуло значение музея. Кроме того, оно помогло решить вроде бы небольшой, на первый взгляд, но крайне важ-

ный для музея, административно-хозяйственный вопрос. Скулков спросил у меня: «Как посещается выставка?». Я ответил: «Неплохо, но, к сожалению, нет возможности принимать предварительные заявки из-за отсутствия нормальной телефонной связи. На два музея (в здании размещены Краеведческий и Художественный музеи) лишь один номер (два параллельных аппарата)». Буквально через несколько дней музею был выделен дополнительный номер телефона. По тем временам это была большая «победа»: на неоднократные просьбы выделить музею отдельный номер руководство городской телефонной станции неизменно отвечало отказом.

*
* *

Как сказано выше, на начало 50-х годов в музее не существовало отдела дореволюционного прошлого. Его создание являлось одной из важнейших задач, вставших перед коллективом. Для её решения необходимо было энергично вести научно-собираТЕЛЬскую работу по огромному периоду — с древнейших времён до февральской революции. Началом экспозиции должен был быть раздел, посвященный до письменной истории края (каменный, бронзовый и железный века).

К сожалению, в фондах музея хранилась лишь небольшая коллекция из раскопок Муранского могильника, проводившихся в дореволюционные годы В. Н. Поливановым. В 1948—1949 в фонды поступили весьма скромные по количеству и научному значению материалы экспедиции музея под руководством П. Д. Степанова на городище Ашно-Пандо (Сурский район). Конечно, этими скудными материалами невозможно было отразить, хотя бы в общих чертах, древнюю историю края.

Между тем, крупнейшие по охватываемой территории и научному потенциалу, археологические исследования начали проводиться в Среднем Поволжье в 50-х годах прошлого века Институтом археологии Академии наук СССР. Это было вызвано строительством Куйбышевской ГЭС, предстоявшим затоплением значительной части побережья Волги. Там находилось большое количество археологических памятников (городища, селища, могильники и др.). Их до затопления надо было исследовать, спасти для науки.

Работой этой руководил видный археолог, доктор исторических наук, профессор Алексей Петрович Смирнов. Он был назначен начальником Поволжской археологической экспедиции.

Это был неутомимый труженик науки, достойный ученик выдающегося российского археолога А. В. Городцова. Работая в экспедициях под руководством Городцова, Смирнов получил серьезную научную подготовку, овладел передовой для своего времени методикой раскопок, а также, что совсем немаловажно для археолога, физическую закалку.

Талантливый ученый, обладавший большими организаторскими способностями, он совмещал заведование сектором в Институте археологии Академии Наук с должностью заместителя директора Государственного Исторического музея по научной работе. В течение многих лет Смирнов проводил раскопки памятников Волжской Болгарии, внося исключительный вклад в изучение истории этого первого в Среднем Поволжье государства. Он является автором целого ряда научных трудов по истории Поволжья и других районов страны.

Познакомился я с Алексеем Петровичем летом 1949 года. Под его руководством велись тогда раскопки на городище Великий Болгар. Директор Государственного музея Татарии В. М. Дьяконов, где я в то время работал, поручил мне поехать в с. Болгары и передать Смирнову документы, связанные с участием музея в раскопках городища. Я благополучно добрался на пароходе до пристани Тетюши, а затем популярным транспортом приехал в Болгары.

Профессор любезно встретил меня, провел по городищу, показал сохранившиеся наземные памятники болгарской столицы, ознакомил с ходом раскопок. Обратил я внимание, что сын Смирнова, Кирилл, которому было лет 13-15, работал вместе с отцом на раскопках. Алексей Петрович познакомил меня с художником экспедиции Дмитрием Ивановичем Архангельским. О встречах с этим интересным человеком я расскажу ниже.

Через некоторое время, работая уже в Ульяновске, я много раз встречался со Смирновым, как с начальником археологической экспедиции. В беседах с ним выяснилось, что несмотря на наличие в принципе достаточного финансирования, экспедиции не хватало так называемого внештатного фонда, необходимого для оплаты рабочим (в основном это были студенты). Поэтому А. П. Смирнов предложил средневолжским музеям, в том числе нашему, оказать возможную помощь экспедиции внештатным фондом. Со своей стороны, руководство экспедиции, в соответствии с заключенным в том случае договором, должно было передавать музеям все материалы раскопок на территории их

регионов. Учитывая, что сумма внештатного фонда, которую предстояло выделить, была весьма скромной, я решил заключить с экспедицией договор.

Следует особо сказать, что между мной и Смирновым, а также с его заместителем, кандидатом исторических наук (в настоящее время доктор наук) Н. Я. Мерпертом, установились дружественные отношения. Приезжая в Ульяновск по служебным делам, они и другие сотрудники экспедиции, встречали в музее теплый прием. Им оказывались необходимые бытовые услуги. Музей становился для них в известном смысле базой. Их транспорт с грузом размещался и охранялся на территории музея. Неоднократно Смирнов и Мерперт бывали у меня дома, за обеденным столом. Ради справедливости, хочу сказать, что Алексей Петрович, когда я бывал в Москве, не раз приглашал меня к себе домой и принимал, вместе с семьей, очень тепло.

Слева направо: Смирнов К. А., Валкин М. Х, Смирнов Н. П. 50-е годы

А. П. Смирнов и Н. Я. Мерперт выступали в музее с публичными лекциями, рассказывали о результатах археологических исследований на территории области.

Официальные и личные дружеские отношения с руководителями Поволжской археологической экспедиции Академии наук оказались

весьма полезными. Фонды музея пополнились памятниками Срубной культуры (второе тысячелетие до н. э.) и Волжской Болгарии (десятый-четырнадцатый века н. э.). Значительная часть их была включена в экспозицию отдела дореволюционного прошлого края.

Смирнов и Мерперт остались в моей памяти, как интересные, незаурядные люди. Поэтому я позволю себе к сказанному выше добавить несколько строк о каждом из них.

В экспедиции Алексей Петрович вел себя скромно, разделяя вместе со всеми трудности полевых условий. Как правило, с раннего утра и до позднего вечера, зачастую на солнцепёке, он находился на раскопе, хотя, как начальник экспедиции, мог этого не делать, ведь у него были опытные помощники.

Вспоминается случай. Однажды приехал я на раскопки Андреевского городища (у приволжского села Андреевки). Осмотр памятника, беседа с профессором затянулись до вечера и он уговорил меня остаться ночевать. Я отправился на сеновал. Алексей Петрович предпочел прилечь на крыльце деревенского дома. В середине ночи пошел проливной дождь. Я поднялся, подошел к крыльцу и посоветовал ему перейти на сеновал. Он категорически отказался и продолжал лежать на крыльце. Потоки воды проникали прямо под плащ-палатку, которой был накрыт профессор. Такие «демонстрации» были в его характере. В 1974 году Алексей Петрович ушел из жизни. Для меня это было потерей доброго человека, верного друга и, в известной мере, учителя.

Николай Яковлевич Мерперт нередко сопровождал Смирнова в его деловых поездках в Ульяновск. Тогда еще молодой человек, он показался мне по-своему оригинальным, интересным. Однажды его пригласили прочесть для студентов-историков пединститута небольшой курс лекций «Введение в археологию». Идя на лекцию он аккуратно одевался. В руках у него был, входивший тогда в моду огромный портфель. Читал он и выглядел эффектно, пользовался успехом, особенно у студентов...

У Н. Я. Мерперта необыкновенная музыкальная память: он может «на ходу» напевать большие отрывки из многих симфонических произведений. Я пишу об этом в настоящем времени, так как Николай Яковлевич в добром здравии. Находясь на пенсии, он поддерживает связь с Институтом археологии.

*
* *

Как выше было сказано, в 1994 году вышли в свет мои воспоминания «Из моей жизни». В них несколько страниц посвящено связям музея с Поволжской археологической экспедицией, с ее руководителем профессором А. П. Смирновым. И я решил послать книгу его сыну — К. А. Смирнову. В это время он был уже доктором исторических наук и работал в Институте Археологии Академии наук, в должности Ученого секретаря. В конце 1994 года я получил от него письмо (не датированное). В письме Кирилла Алексеевича содержится отзыв о книге. В ответном письме я поблагодарил его за положительную оценку моего скромного труда и попросил сообщить нет ли в книге каких либо ошибок или неточностей, где идет речь об отце. На мою просьбу он ответил в письме, датированном 14 июня 1996 года. В нем он сообщил, что ошибок нет. Но в письме содержится ряд весьма важных сведений, касающихся деятельности А. П. Смирнова по подготовке кадров археологов высшей квалификации (докторов наук) в Поволжье и в Приуралье, а также об оказывавшейся им помощи музеям. Интерес представляет и содержащаяся в письме характеристика, которую дает сын отцу как личности, как человеку и ученому.

Учитывая все это, я счел целесообразным опубликовать указанные письма в настоящем издании.⁹

«Дорогие Анна Андреевна и Марк Харитонович.

С огромным удовольствием и интересом прочитал книгу. Передо мной прошли события и люди, с которыми я встречался много лет назад. По моему мнению Вы очень хорошо описали обстановку первых послевоенных лет и поведение людей в те годы. Они ведь были очень неоднозначными и их нельзя оценивать упрощенно, как сейчас многие делают. Вы очень хорошо отразили сложность того времени. О довоенном времени прочитал с удовольствием и интересом. Но оценивать не могу — был ребенком,

⁹Публикуемое первое письмо К. А. Смирнова не имеет даты, письмо от 14.01.1996 г. опубликовано в журнале «Мономах», (№ 4, 2007). Письма хранятся в фондах Ульяновского областного краеведческого музея (инв. №№ 54311 и 54313).

не помню. Замечательно, что Вы опубликовали довоенную фотографию. Как она сохранилась? Хорошо, что Вы так подробно описываете свою семью. Прошло время пренебрежения прошлым. Ваши внуки будут знать кто их предки.

Очень интересно Вы описали работу в музее и сбор материалов, связанных с Бутурлиным и Гончаровым. Не всем понятно, что большое и ценное достигается всегда огромным трудом. А в России культурой и просвещением, по-моему, может заниматься только подвижник.

Поздравляю Вас с Новым годом и желаю, прежде всего вашим детям и внукам, счастья, здоровья, успехов во всех делах.

Кирилл Смирнов»

14. 01. 96.

г. Москва

«Дорогой Марк Харитонович.

Вы спрашиваете у меня, правильно ли в книге описан Алексей Петрович. Да, правильно, ошибок нет. Но Вы пишете, что еще будете писать о нем. Поэтому я остановлюсь на некоторых чертах отца.

Отец был в полной мере интеллигентный человек,¹⁰ очень образованный. Несмотря на огромную занятость, он всегда стремился просмотреть новые книги, посещать выставки. Приехав в другой город, посещал музеи, особенно картинные галереи.

Он был вспыльчивый, но при этом очень доброжелательный. Многим он помог занять свое место в жизни.

Он был ученый, (именно ученый, а не научный сотрудник). За отдельными фактами он всегда стремился видеть

¹⁰Недавно, в разговоре с бывшей научной сотрудницей музея М. М. Савич мы вспомнили об А. П. Смирнове. И она рассказала о встрече с ним в Москве, в его кабинете в Историческом музее. Смирнов встал из-за стола, подошел к двери и провел её к креслу. Впервые в жизни так встречал её руководитель. Вторым был Игнатий Константинович Юноша-Шанявский — в свое время главный конструктор Ульяновского завода тяжелых станков, интеллигентный, в высшей степени доброжелательный к людям, человек. Происходил он, как помнится из дворянской семьи. Несколько лет тому назад его не стало.

общие закономерности, исторический процесс. Небрежности в научной работе он не допускал сам и того же требовал от других.

Как он относился к музейному делу, Вы знаете сами. Всю жизнь, до самого конца, проработал в ГИМе, пройдя путь от экскурсовода до и. о. директора.

Много сделал и для других музеев. И не только снабжал их коллекциями из своих раскопок. Уже будучи тяжело больным он отредактировал каталог Казанского музея (часть коллекции).

Огромное внимание он уделял подготовке специалистов. Он всегда был среди молодежи. В Болгарский отряд люди ехали специально, чтобы познакомиться с методикой раскопок. Некоторые из них стали крупнейшими учеными. В 1950 году в Болгарах работал аспирант В. В. Седов — в настоящее время доктор наук, крупнейший археолог России. В 1949—50-х годах в Болгарах работал студент А. Х. Халиков — в дальнейшем выдающийся исследователь. К сожалению, его уже нет. Учеником отца был Г. А. Федоров-Давыдов, профессор МГУ. Среди его учеников надо назвать Г. А. Архипова, возглавлявшего марийских археологов. К сожалению, его тоже уже нет.

Осенью прошлого года защитила докторскую диссертацию Э. А. Савельева — одна из руководителей Коми научного центра. В марте должна защищать докторскую диссертацию последняя ученица отца — М. Г. Иванова, из Ижевска. В продолжение десятков лет он готовил научные кадры для центров Поволжья и Приуралья.

В быту, особенно в экспедиции, отец был спартанец. Вы это очень хорошо показали, описав, как он ночевал в дождь на крыльце.

Его идеал оснащения экспедиции: прекрасные приборы и инструменты и самый простой быт. Его страшно угнетало, когда старость и болезнь лишили его возможности жить в экспедиции, так как он хотел.

Это основное, что я бы хотел отметить, но, вероятно, у Вас при дальнейшей работе возникнут вопросы. Если

смогу, я с удовольствием на них отвечу.

Привет Анне Андреевне.

Смирнов»

*

* *

Как я уже упоминал, профессор Смирнов познакомил меня в Болгарии с художником экспедиции Дмитрием Ивановичем Архангельским. Дмитрий Иванович отнесся ко мне, тогда еще довольно молодому человеку, в высшей степени внимательно, тепло. Он оказался дружелюбным, я бы сказал веселым человеком. Позднее я узнал, что радоваться ему особых причин не было. Материальное положение его было более чем скромное, что и заставило работать в экспедиции.

Он показал мне красочные зарисовки образцов болгарской керамики, украшений из металла, древних монет и другое. Трудолюбие его буквально не знало границ. Помимо обязанностей художника, он выполнял работу «кока» экспедиции. Это были первые послевоенные годы и, можно представить, как «легко» было накормить два десятка молодых людей, работавших в полевых условиях.

В свободное же от работы время он рисовал чудесные этюды. Многие из них дарил товарищам по экспедиции и просто людям, с которыми встречался. У меня хранится, его подарок — этюд «Зимнее утро».

Прежде чем закончить разговор об Архангельском, расскажу о выявленном в 1988 году архивном документе. Работая в фондах Ульяновского облгосархива, я обратил внимание на небольшую рукопись под названием «Художник». Это оказался неопубликованный очерк известного симбирского учителя Андрея Сергеевича Кабанова, посвященный Д. И. Архангельскому. Написан он был, вероятно, в 1914 году. Кабанов хорошо знал Архангельского и высоко ценил его, как художника и педагога. Одним из первых он обратил внимание и на выдающегося ученика Архангельского — А. А. Пластова. Помещаю очерк с незначительными сокращениями.

«Митя Архангельский — недюжинный человек. Сын небогатого конторского чиновника, кончив курс в семинарии, в псаломщики не пошел, священником быть не желает: весь отдался рисованию акварелью, масляными красками и карандашом. Долго срисовывал самоучкой. Потом,

когда были открыты классы черчения при трудовом пункте, записался туда учеником и брал уроки у Пузыревского. Был принят им у себя, многое объяснил ему в частных работах, многое указал из своих работ и окончательно увлек Митю в область художества. Мать Мити — женщина умная, практичная, но и тактичная, бескорыстная. Пробовала уговорить Митю принять священство. Митя мягко, но настойчиво отказался от этой профессии и сделался учителем рисования в женской гимназии, в мужской гимназии, в городском училище. Дело преподавания повел на свой лад: с открыток, с фотографий, с реальных предметов.

Видовые оригиналы при помощи фотографий завел свои: это избышки, мельницы, волжские суда, а в последнее время — храмы и часовни. Мало-помалу накопил оригиналов, купив картин из иллюстрированных журналов, иностранных каталогов, путеводителей, даже коробок из кондитерских. Мастерски составил альбомы и в настоящее время обладает большой, оригинальной коллекцией. Дело преподавания поставлено очень живо, интересно, осмыслено. Ребенок и юноша с задатками к художеству будет непременно художником.

Одного юношу, сына умершего псаломщика, увлек, выдвинул, добился ему стипендии и тот в настоящее время учится в Москве, в рисовальной школе, намечен в Академию художеств.

Сам Митя вырос при простой обстановке: учился и помогал матери ухаживать за фруктовым садиком, чистил снег, рубил дрова, ходил с матерью на рынок. Без ложного стыда делал все домашние дела. Теперь ведет такую же простую жизнь и личным примером влияет на своего даровитого ученика. При его помощи обогащает свою коллекцию рисунков <...>

Его ученик летом живет у своей матери, просвирни села Прислонихи, жнет, косит, молотит хлеб, ухаживает за огородом, дружит с крестьянами <...> и рисует <...>. Морально находится под опекой Мити. Следовательно, есть надежда, что из него выйдет скромный труженик, если не

уведет с этого пути женщина. Митю не уведет».

Ученик из Прислонихи — это Аркадий Александрович Пластов. Забегая несколько вперед, как говорят, к слову, расскажу об одной деловой встрече с ним. В 1956 году мы задумали создать в музее, в разделе «культура», небольшую экспозицию, посвященную знаменитому земляку. Помимо фотографий и документов, хотелось в экспозиции иметь подлинное произведение художника. С этой целью, предварительно договорившись с Аркадием Александровичем, в жаркий июльский день, я отправился в Прислониху. Пластов встретил меня очень любезно. Показал свою мастерскую, помившуюся от этюдов и различных набросков. Обошли с ним окрестности. Обратил он мое внимание на особенно нравившиеся ему прислонихинские пейзажи.

Потом пригласил меня обедать. Запомнился медовый квас, приготовленный по какому-то старинному рецепту. Наконец, начался деловой разговор. Я сказал, что мне понравился этюд к картине «Девушка с велосипедом» («Почтальонша») и два этюда, на которых запечатлены прислонихинские луга. По поводу «лугов» он ответил: «Не могу с ними расстаться. Нужны они мне для будущей работы». «Ну тогда, — говорю я, — нас устроит хотя бы один этюд — «Девушка с велосипедом». «Вы знаете, — сказал он, — этот этюд мне очень дорог, не хочется с ним расставаться». «В таком случае, — ответил я, — может быть Вы сделаете для музея копию?». «Ну, хорошо, сделаю», — последовал ответ.

Прошло несколько месяцев и я по телефону напомнил Аркадию Александровичу об этюде. Наконец, в октябре 1956 года заехал в музей человек из Прислонихи и передал этюд с запиской ко мне: «...Копию этюда сделать не успел — очень много было дел перед отъездом (имеется в виду ежегодный отъезд на зиму в Москву, — М. В.). Посылаю оригинал. Арк. Пластов. 23. X. 56.». Поступление этюда в фонды музея было оформлено через закупочную комиссию. Художнику, согласно договоренности с ним, был выслан гонорар.

Так как речь идет о художниках, попутно хочу рассказать об интересной, на мой взгляд, встрече с народным художником СССР, покойным Николаем Николаевичем Жуковым. В период подготовки к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина он неоднократно приезжал в Ульяновск, знакомился с памятными местами старого Симбирска, смотрел материалы в фондах нашего музея.

В один из таких приездов, ко мне на квартиру позвонил тогдашний

председатель Ульяновского отделения союза художников Алексей Васильевич Моторин. Он сказал, что Жуков с супругой хотели бы осмотреть Гончаровскую беседку. Но выделить экскурсовода им не смогли, так как был воскресный день и в городе было много экскурсионных групп. Моторин не знал места нахождения беседки (она была перенесена на новое место) и очень просил меня поехать с ними. В это утро я с семьей собрался в лес по грибы и мне не хотелось лишиться этого удовольствия. Но я не мог отказать в просьбе и поехал в Киндяковскую рощу.

После осмотра беседки Жуков пригласил Моторина и меня пообедать в ресторане Волга. Я согласился. Во время обеда зашел разговор о кулинарных вкусах. Жуков заметил, что очень любит соленые грузди и пельмени. Тогда я сказал, что есть возможность попробовать эти блюда и пригласил его с супругой на обед к себе на квартиру в следующее воскресенье, 8 августа 1968 года. Они сразу же приняли приглашение.

Во время обеда, когда супруги уединились на кухне, у нас состоялся, как мне кажется, любопытный разговор. Я спросил, удовлетворен ли он жизнью, своим положением в обществе. Он ответил, что многого достиг, особенно в материальном положении. «У меня, — сказал он, — дома есть шкатулка, в которой всегда лежит стопка денежных купюр по сто рублей. Приходит ко мне зачастую дочь, которая замужем за сыном Д. С. Полянского (в то время член политбюро, первый заместитель главы правительства, — М. В.) и просит у меня немного денег, чтобы приобрести в ГУМе понравившиеся ей сапожки, костюм и т. п. Я говорю ей: возьми там, в шкатулке...

Приятно, конечно, что мне присвоено звание народного. Но, должен сказать, что меня все же обижают... Так, несколько раз академики бросали мне черные шары — проваливали мою кандидатуру на выборах действительных членов Академии художеств. Много лет я числюсь членом-корреспондентом. Говорят, что все рисую одного человека и то не с натуры. Но ведь какого человека! (Имеется ввиду Ленин, — М. В.). И я рисую не только его. У меня есть целый ряд произведений, посвященных детскому портрету, есть серия рисунков, сделанных на Нюрнбергском процессе и многое другое. Или вот такой факт. Я руковожу студией военных художников имени Грекова, в звании полковника, которое я получил еще во время войны. Прошло много лет, очередное звание мне не присваивают. А вот руководителю ансамбля песни Александро-

ву присвоили звание генерал-майора. Художник Верещагин в свое время был удостоен звания адмирала...». Во время обеда Николай Нико-

Ярик

лаевич обратил внимание на моего спаниеля Ярика. Это была крупная, черно-белого окраса, очень живая, с умным взглядом, собака. Художник достал из сумки листок ватмана и стал рисовать Ярика. Немного не закончив рисунок, он начал его снова: Ярик сменил позу. Так, на оставленном мне на память рисунке оказались «два» Ярика.

*
* *

Благодаря сотрудничеству с Поволжской археологической экспедицией археологическая коллекция музея пополнилась памятниками срубной культуры (второе тысячелетие до н.э.) и Волжской Болгарии (X—XIV в.в. н.э.). Значительная часть их была включена в экспозицию отдела дореволюционного прошлого, создание которого началось в 1956 году. Прежде чем приступить к стройке этого важнейшего отдела, коллективу необходимо было выполнить серьезнейшую научно-исследовательскую, собирательскую и организационно-хозяйственную работу: изучение фондов музея, ульяновских архивов, проведение этнографических и других экспедиций, поиск и приобретение предметов

Сотрудники краеведческого музея в экспедиции. 50-е годы

музейного значения через закупочную комиссию. Предстояло также изготовить новое оборудование (витрины, стенды, постаменты и др.) и произвести капитальный ремонт зала, в котором должен был размещаться отдел.

В июле 1958 года вся эта работа была завершена. В новой экспозиции на подлинных вещевых, документальных и изобразительных материалах освещалась история Симбирского края с древнейших времен до Февральской революции 1917 года. В экспозиции был представлен целый ряд уникальных экспонатов: именное оружие, царские грамоты, гравюры, редкие монеты и многое другое. Площадь отдела — 130 кв. метров. В его создании, в той или иной мере, принимали участие все работники музея. Наибольший вклад в экспозиционную работу внесли научные сотрудники: М. М. Савич, В. В. Казюхин, Е. В. Белокриницкий, М. С. Панкова, Н. А. Шаврыгина. Проект художественного оформления разработал, упоминавшийся ранее, художник В. О. Китаевский.

Научный уровень экспозиции, её художественное оформление соответствовали тогдашним требованиям советского музееведения. Описание отдела имеется во втором выпуске Краеведческих записок.¹¹

Следует заметить, что на последнем этапе, во время монтажа экспо-

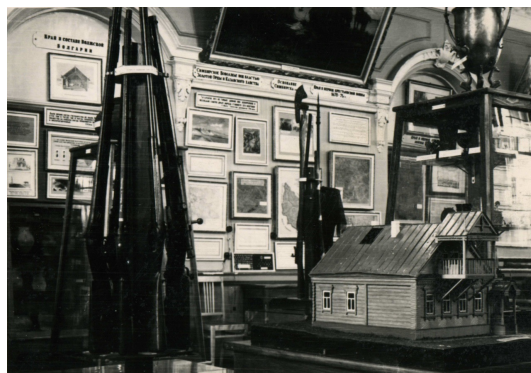
¹¹Ульяновский областной Краеведческий музей. Краеведческие записки., вып. 2, Ульяновск, 1958, с. 405—407.

зиции, сотрудники вынуждены были работать в условиях аврала. Дело в том, что Ульяновск должен был посетить Глава правительства Болгарии Антон Югов и музей неожиданно включили в список объектов для показа высокому гостю. Создание нового отдела явилось важным со-

Экспонаты отдела «Дореволюционное прошлое края». 1958 г.

бытием в культурной жизни области. Её жители, туристы из других регионов страны и из-за рубежа, а так же гости Ульяновска, получили возможность знакомиться с дореволюционной историей края на музейных экспонатах, то есть, как сказал поэт, «весомо, зримо...». Как известно,

Экспозиция отдела «Дореволюционное прошлое края». 1958 г.

в связи с приближением 100-летия со дня рождения Ленина, в стране велась активнейшая подготовка к этому юбилею. Ульяновск стал фактически общественно-политическим центром этой подготовки. Коллективу музея предстояло в это время полностью перестроить экспозиции всех отделов музея. Учитывая, что внимание руководства области было

приковано к развернувшимся в Ульяновске крупным стройкам, в первую очередь Ленинского мемориала, музею рассчитывать на их помощь в этой масштабной работе не приходилось. Коллективу необходимо было напрячь все силы и самостоятельно преодолевать возникшие трудности. Наряду с научно-исследовательской работой (разработка концепции, тематико-экспозиционных планов, проектов художественного оформления, поиск новых экспонатов и др.), встал вопрос об изготовлении нового оборудования для всех экспозиционных залов, площадь которых составляла свыше 500 квадратных метров.

Обдумав создавшуюся ситуацию, я решил использовать сложившуюся в стране обстановку своеобразного политического «бума», повсеместную подготовку к ленинскому юбилею и обратиться за помощью за пределы области. Из каких-то источников я узнал, что в Латвии, в ведении министерства культуры, имеется мебельный комбинат. И мне пришла в голову мысль поехать в Ригу и обратиться лично к министру культуры с просьбой о помощи. И я поехал. Но на душе было тревожно: «а вдруг откажет...». Ведь до 22 апреля оставалось менее полугода, а объем столярных работ был большой. Необходимо было изготовить по индивидуальному проекту, выполненному московским художником В. Н. Прусаковым, десятки витрин, стенов, постаментов и др.

Когда проект оборудования для экспозиционных залов был готов, художник зашел в кабинет и сказал мне: «нехорошо получается, для всех отделов музея будет изготовлено новое оборудование и только в вашем кабинете остается рухлядь: поношенный диван, ветхий книжный шкаф, разваливавшиеся стулья, старый, громоздкий стол. Все в музее должно быть прилично, в том числе в кабинете директора». Я согласился с художником. Тогда он спросил: «А какой бы Вы хотели иметь стол?». Я ответил: «В форме буквы «П», вспомнив виденный мною подобный стол в кинофильме.

Посмотрел я этот фильм благодаря любопытному, на мой взгляд, может быть не без интересному для читателя, случаю. А произошло следующее. В конце 1969 года меня вызвали в министерство культуры Союза на совещание директоров музеев из городов, связанных с жизнью Ленина. Перед нами выступила начальник управления культурно-просветительных учреждений Данилова. Говоря о подготовке к 100-летию вождя, она заявила, что в Ульяновске сносят исторические памятники, а Краеведческий музей не принимает мер, чтобы прекратить

эти возмутительные действия. Действительно, у нас. в ходе подготовки к юбилею, по указанию первого секретаря обкома А. А. Скочилова, был снесен замечательный памятник — дом губернатора. В нем в качестве гостя побывал А. С. Пушкин, работал И. А. Гончаров.

После выступления Даниловой я попросил слова и сказал, что упрек в адрес музея звучит довольно странно. Ведь все это делается по указанию партийного руководства. Кстати, в это время в городе побывала министр культуры Е. А. Фурцева. Почему же она не приняла мер, чтобы остановить беззаконие? Данилова промолчала.

А после совещания ко мне подошел начальник управления музеев министерства культуры РСФСР (фамилию его не помню) и произнес: «Молодец! Вот тебе два билета на просмотр американского фильма «Космическая одиссея XXI века». Такая реакция на мое выступление объяснялась натянутыми отношениями существовавшими между отделом музеев союзного министерства, которому непосредственно были подчинены лишь несколько музеев союзного значения и республиканским управлением, руководившим обширной сетью музеев федерации.

Посмотреть со мной фильм я пригласил А. С. Бутурлина (о нём в книге будет идти речь далее). Картина произвела на нас сильное впечатление: интересная интрига, величественная музыка, изумительные цвета — откровение для того времени.

Один эпизод в фильме вызвал у меня «прикладной» интерес. Во время аварийной ситуации командир корабля проводил в своем огромном кабинете совещание. Присутствовавшие там располагались за столом, имевшем форму буквы «П».

Между тем, через несколько дней после приведенного выше разговора с художником Прусаковым, он приходит ко мне, показывает проект мебели для кабинета и говорит: «Спроектировать стол в виде буквы «П» невозможно. Кабинет ваш круглый (он в башне). Можно спроектировать стол с двумя овальными приставками». «Ну что ж, заметил я, с приставками, так с приставками».

Итак, я приехал в Ригу. К счастью, министр был на месте. Встретил он меня весьма любезно, распорядился изготовить в комбинате необходимое музею оборудование. Но там возникли трудности. Директор комбината заявил, что в нужные нам сроки выполнить такой объем работы не возможно. Тогда я попросил разрешения поговорить с непосредственными исполнителями заказа — с мастером и рабочими. Я им

рассказал об Ульяновске, о нашем музее, о сложившейся ситуации: «единственная надежда на вас». Таким образом, удалось убедить их принять наш заказ и выполнить его к апрелю 1970 года.

В начале апреля из Риги прибыло прекрасно изготовленное оборудование для экспозиционных залов, а также стол для кабинета. Занесли его, поставили. Получилась довольно странная картина: стол должен был стоять у стены, напротив входной двери. Слева и справа у него — оральные приставки. Присев за стол, почувствовал себя неуютно. Положение мое напоминало рака с клешнями. Я расстроился: затрачены средства, а впечатление от интерьера получилось неприятное.

После работы остался и стал менять местами составные части стола. Это было нетрудно. И...эврика! Поставил стол на обычное место — слева от двери и рядом, друг за другом, вдоль стен, обе приставки. Получилось удобно, красиво. Прошло сорок лет, стол и по сей день украшает кабинет директора музея.

Изготовленное в Латвии новое оборудование давало возможность рационального использования пространства. Глубокие настенные витрины, с трансформирующимися креплениями, позволили обращать внимание посетителя на особо ценные, важные, по мнению экспозиционера, экспонаты. Существенно увеличивали экспозиционную площадь перекидные пристенные стенды.

Художественное оформление было выполнено с учетом архитектуры залов. В экспозиции удалось избежать перегрузки. Экскурсионные группы имели возможность свободного передвижения в залах, доступного осмотра всех экспонатов. К сожалению, впоследствии принцип этот был нарушен. В экспозицию отдела дореволюционного прошлого был включен целый ряд дополнительных стендов и витрин, свободное пространство перекрыто перегородками. Вследствие этого посетители лишились возможности воспринимать зал как целостный архитектурно-художественный комплекс. А главное, экскурсионным группам стал затруднительным осмотр экспозиции.

Открытие новой экспозиции, как и планировалось, состоялось в канун ленинского юбилея. Наряду с находившимися экспонатами в построенной в 1958 году экспозиции, в созданные заново экспозиционные комплексы были включены экспонаты, поступившие в музей в 50—60 годах в результате напряженной научно — собирательской работы, в ходе которой постоянно велся поиск вещевых, документальных и изоб-

разительных материалов, отражающих отдельные события из истории края, деятельность видных симбирян, жизнь народа. Наряду с экспози-

В отделе природы. Биогруппа «Волки» 1970 г.

цией по истории края, в 1970 году в музее была открыта новая экспозиция отдела природы. При разработке её тематико — экспозиционного плана были учтены новейшие для того времени достижения в области музееведения, опыт работы других музеев по созданию экспозиции по природе. В двух залах, общей площадью 170 квадратных метров, были созданы экспозиционные комплексы, характеризующие природу края: растительный и животный мир, полезные ископаемые, древнейшую историю (морская фауна и др.). В отделе были оформлены большие диорамы и биогруппы. На переднем плане диорам, в естественной обстановке (травяной покров и др.), представлены чучела птиц. На заднем плане — крупные фотографии водных просторов, выполненные на высоком художественном уровне. Диорамы представляют собой красочное зрелище, вызывают у посетителя чувства восхищения родной природой. В биогруппах представлены дикие животные, обитающие на

территории области: лоси, кабаны, волки, лисы, зайцы, бобры и другие. Чучела животных изготовил таксидермист В. С. Кожевников.

*
* *

В 60—80-х годах XX века в работе коллектива музея возникло новое направление — создание филиалов, фактически новых музеев. В связи с этим формировались новые коллективы научных сотрудников, не имевших опыта музейной работы. Для них необходимо было организовать профессиональную учебу, одновременно привлекая их к практической работе (изучение фондов музея, поиск экспонатов среди населения, выявление необходимых материалов в архивах, разработка тематико-экспозиционных планов и др.).

Первым филиалом, к созданию которого музей приступил в 1973 году, был музей «Конспиративная квартира Симбирской группы РСДРП (1904—1906 годы).

В Ульяновске, в бывшем Введенском переулке, сохранялся дом, в котором жила семья бакалейного торговца В. И. Орлова. Его сын Василий был одним из организаторов группы. В доме собирались социал-демократы, а также члены других партий (например эсеры). Там проводились собрания, велись дискуссии, хранились нелегальные издания, оружие. В мезонине дома жили Василий Орлов и его друг и соратник Валентин Рябиков.

Еще в первые годы после Октября возникла мысль о сохранении этого дома. Но до начала пятидесятых годов прошлого века мысль эта «висела в воздухе». В 1954 году, в канун 50-летия революционных событий 1905 года, Горком партии принял решение о создании в бывшем доме Орловых музея. Однако, какой либо работы по выполнению этого решения не велось (в решении не был указан исполнитель, не было предусмотрено финансирование).

Следует сказать, что в 1955 году, по приглашению Горкома партии, в Ульяновск приезжал Валентин Владимирович Рябиков. На старом вокзале его встречали секретари Горкома В. Ф. Праведнов и Ф. Д. Андриянов, а также автор этих строк. Семидесятидвулетний гость оказался очень живым, разговорчивым, остроумным человеком. Не успев вступить на симбирскую землю, он сделал замечание встречавшим его руководителям: «Зачем приехали на двух машинах? Вот

мы, в свое время, выезжая по партийному заданию в Сызрань или в другой пункт, получали командировочных пять рублей. Экономили и, как правило, возвратившись, деньги эти сдавали в партийную кассу».

Рябикова я пригласил домой, на пельмени. Вёл он себя раскованно, свободно. К сожалению, беседа с ним не сохранилась в памяти. Но это не так важно. Ведь в двух номерах «Ульяновской правды» были напечатаны его воспоминания!¹²

Понимая, что рано или поздно, музей создавать придется, я включал в годовые планы научно-собираТЕЛЬСкую работу по тематике будущего музея. В результате в фондах постепенно накапливались материалы для будущей экспозиции.

И действительно, в 1973 году пункт о создании музея появился в мероприятиях Горкома партии по подготовке к 70-летию городской партийной организации (1974). Работа по созданию музея была возложена на Краеведческий музей. Как видим, срок для создания музея был невероятно коротким — один год. Началась напряженная работа над тематико-экспозиционным планом и художественно-архитектурным проектом.

Но прежде чем продолжать рассказ о работе по созданию музея, необходимо сказать о сложившихся чрезвычайных обстоятельствах. Дело в том, что заселенный жильцами бывший дом Орлова оказался в зоне строительства Дворца пионеров, связанного с подготовкой к 100-летию со дня рождения Ленина. Накануне сдачи дворца в эксплуатацию, его осмотрел первый секретарь обкома партии А. А. Скочилов. Обратив внимание на дом Орлова, он распорядился немедленно снести его. Дом был снесён, а составные его части исчезли... В результате дом пришлось строить заново. К счастью, до его сноса были произведены обмеры и фотосъемка.¹³ Это позволило достоверно восстановить внешний вид дома, а также его внутреннюю планировку.

В первой половине 1973 года группой научных сотрудников (М. М. Савич, В. И. Панова, Ю. Д. Ефимов) была разработана тематическая структура будущей экспозиции. 20 ноября того же года в музее состоялась встреча краеведов, представителей интеллигенции города. Открывая встречу, я несколько слов сказал о значении прово-

¹²Рябиков. 50 лет назад. Ульяновская правда, 1955 г., 22 января. В. Рябиков. Симбирск 1904 года. Ульяновская правда, 1961, 12 июля.

¹³До сноса дома Всесоюзным научно-реставрационным комбинатом был разработан проект его реставрации.

димой работы по созданию филиала музея, о помощи, которую ждем от наших добровольных помощников — краеведов, от организаций (архивы, библиотеки и др.).

О тематической структуре будущей экспозиции рассказала М. М. Савич. В обсуждении приняли участие краеведы П. С. Бейсов, Г. Н. Федоров и Н. С. Гауз, секретарь Горкома партии Г. Н. Афанасьева и другие. Выступавшие одобрили экспозиционный замысел, структуру будущей экспозиции.

30 января 1974 года состоялось обсуждение архитектурно-художественного проекта будущего музея. Перед ульяновскими краеведами выступили его авторы И. Х. Сибгатулин и В. В. Академов. Проектанты предложили сохранить характерные особенности дома Орлова, когда там жили революционеры. Внутренние работы в нём ещё не были завершены: бревенчатые стены не оштукатурены, дощатый потолок не окрашен и др.

Впервые в экспозиционной практике были сконструированы электро-механические настенные турникеты, с откидывающимися вверх плоскостями (конструктор А. И. Тихонов). Такие турникеты дают возможность экскурсионной группе свободно, не мешая друг другу, обозреть размещенные на них экспонаты (например, листовки, фотографии, документы и др.).

В обсуждении приняли участие: Главный архитектор города А. И. Сорокин, редактор газеты «Ульяновская правда» К. П. Гайдашенко, Г. Н. Федоров; научные сотрудники музея: М. М. Савич, В. И. Панова, Ю. Д. Ефимов. Выступавшие отмечали оригинальный характер проекта, его новизну.

Подводя итоги обсуждения, я обратил внимание авторов проекта на необходимость тщательной проработки освещения экспозиции в целом, её конструкций (витрин, стендов, турникетов), а также отдельных экспонатов.

В ходе работы научные сотрудники постоянно советовались с местными учеными, краеведами-любителями. В этом плане следует отметить помощь, оказанную историком-краеведом Григорием Ниловичем Федоровым. Несмотря на преклонный возраст, он был активен, эмоционален и, главное, компетентен в вопросах истории местной партийной организации. Конечно, нужно учитывать обстоятельства того времени: не обо всём можно было писать и говорить, не все показывать в экспо-

зиции. Хочется также сказать, что тогдашний заведующий отделом пропаганды Горкома партии Ю. А. Ромбовский оказал помощь в создании материальной базы музея (размещение заказов на изготовление экспозиционного оборудования, проведение ремонтно-реставрационных работ и др.).

В экспериментальном цехе конструкторского бюро авиаприборостроения под руководством инженера Б. Крупского были изготовлены упомянутые выше, сложной конструкции турникеты. Художественно-оформительские работы выполнило Ульяновское отделение Художественного фонда.

Особо следует отметить самое активное участие в работе по созданию экспозиции научного сотрудника В. И. Пановой, назначенной на должность заведующей музеем.

29 мая 1974 года, в торжественной обстановке, музей был открыт в качестве филиала областного краеведческого музея. Экспозиционная площадь его весьма скромная — всего 120 квадратных метров. Однако, включение в экспозицию целого ряда интересных экспонатов: вещей, документов, фотографий, а также оригинальное художественное оформление, вызывают большой интерес у посетителей.

Особенно их впечатляет воссозданная «светёлка» — мезонин, где жили революционеры и где находились тайники. Любопытна история их выявления. Как-то директор партийного архива М. И. Кривов и доцент сельскохозяйственного института М. А. Бутаев навестили в Москве В. В. Рябикова. Беседа с ними Рябиков вспомнил о тайниках и описал их примерное расположение. На поиски тайников отправились Кривов, Бутаев, столяр Краеведческого музея В. И. Пугачёв и я. Произошло это до сноса дома.

В результате скрупулезного осмотра столяр обнаружил в расщелине между досками стенки лестничной клетки еле заметные навесы. Продолжая осмотр, он обратил внимание на показавшийся подозрительным небольшой сучок на одной из досок. Сучок извлекался, а под ним оказалось замочное отверстие. Мы увидели опускающуюся вниз горизонтальную дверь, прикрывавшую обитую толстым слоем войлока нишу. В ней стоя могли скрываться три человека или храниться оружие, нелегальная литература, множительная техника и т. п.

А в нижней части двери «светёлки» удалось обнаружить второй тайник, где можно было спрятать пистолет, листовки.

Когда в Ульяновск приезжали коммунисты-подпольщики из-за рубежа, посещая музей, они с большим интересом знакомились с устройством тайников, говорили, что используют этот интересный, по их мнению, опыт.

После ухода Рябикова из жизни (1962 г.), его сын — Владимир Валентинович, передал в фонды музея двадцать книг из библиотеки отца. Среди них дореволюционные издания произведений Маркса, Аксельрода, Коллонтай и других. Некоторые книги с автографами. Например, на «Карманном словаре иностранных слов» надпись: «Переплел сам в Симбирской тюрьме в 1909 г. из тюремного материала. В. Рябиков».

Василий Васильевич Орлов умер в 1913 году. Сын его Юрий ушел из жизни в 1950 году. Ульяновская журналистка Н. С. Гауз разыскала их потомков и сообщила об этом в музей. Оказалось, что в Москве живет сноха Орлова Бэлла Соломоновна с сыном Михаилом и дочерью.

Б. С. Орлова передала музею большое собрание фотографий и почтовых открыток. Среди них подлинные фото членов группы, их родных и друзей.

*
* * *

Одной из крупнейших и интереснейших по содержанию является Бутурлинская коллекция музея. Фамилия Бутурлиных мне была известна из литературы по истории России (В. В. Бутурлин — посол на Украине в 1653—1654 гг. и Д. П. Бутурлин (1790—1849) — государственный деятель, историк). Приступив к работе в музее, я начал знакомиться с его фондами. Бегло просматривая рукописные материалы, я обратил внимание на письма, написанные очень мелким, аккуратным почерком. Письма начинались фразой «Любезный Сережа» и заканчивались подписью «А. Бутурлин». Их содержание показалось мне очень интересным. В письмах нашли отражение важные политические события в жизни дореволюционной России, говорилось об отношениях автора с Л. Н. Толстым, упоминались известные участники революционного движения, деятели науки и культуры, обсуждались актуальные вопросы естествознания.

Это побудило меня познакомиться и с другими материалами коллекции. В результате выяснилось, что все они в свое время принадлежали

всемирно известному ученому, выдающемуся орнитологу и охотоведу Сергею Александровичу Бутурлину.

Детские годы его прошли в Симбирске и в селах Белый ключ и Лава, Карсунского уезда (ныне Сурский район). Там, в замечательных охотничьих угодьях, в бассейнах рек Суры и Барыша, начал охотиться будущий ученый и вести дневники. В них он записывал свои наблюдения за пернатыми, анализировал результаты стрельбы. За три десятилетия самоотверженного научного труда, совмещая его сначала с учебой, а затем с государственной службой, он сумел собрать огромную коллекцию тушек птиц, насчитывавшую 12 тысяч экземпляров. За это же время у него сформировался большой архив: дневники, рукописи, отчеты экспедиций, переписка, фотографии, личные документы (удостоверения, наградные и др.). Все это составило десятки тысяч листов. Библиотека ученого включала около 8 тысяч томов книг.

Первая мировая война застала Бутурлина в небольшом эстонском городе Везенберге (ныне Раквере), где он служил в скромной должности мирового судьи. Большую часть свободного от службы времени он отдавал научным занятиям.

Приближение немецких армий к Прибалтике заставило ученого принять срочные меры к сохранению коллекции, архива и библиотеки. Он решил отправить их по железной дороге в Симбирскую губернию, в село Усть-Урень, Карсунского уезда, в усадьбу его знакомых — помещиков Кротковых. Упакованные материалы составили 70 ящиков по 60-80 кг. каждый. Груз благополучно прибыл к Кротковым.

Однако, надежды Бутурлина, что груз у них будет сохранен, к сожалению, не оправдались. Революционные события 1917 года обернулись для него настоящей катастрофой. По распоряжению местных властей имущество ученого было конфисковано и перевезено в Карсун. Там ящики вскрыли и их содержимое раздали разным учреждениям и отдельным лицам. Некоторые материалы поступили в Симбирский Народный музей (ныне областной Краеведческий). Вот, что писал он по этому поводу: «... погибла вся моя библиотека (вероятно, в остатках бесполезно гниющая где-нибудь в Карсуне) и большая часть моих коллекций (остатки около 4,5 тыс. экземпляров я спас — они в музее 1-го Государственного Московского университета, которому, как и книги, давно были мною завещаны). Погибли и рукописи определителя, как и других более или менее законченных, работ». В предисловии к восста-

новленному «Определителю птиц СССР» Бутурлин написал: «Нет ничего более тяжелого, чем повторение раз уже проделанной работы».¹⁴

Кроме писем отца ученого, в фондах находились письма к нему целого ряда видных деятелей науки и культуры: В. П. Филатова, М. М. Пришвина, Б. М. Житкова, А. П. Ивашенцева, Н. А. Зворыкина, В. Л. Бианки (отца известного писателя), В. К. Арсеньева и других. В фонды музея попала также небольшая часть орнитологической коллекции Бутурлина — свыше двухсот экземпляров тушек птиц.¹⁵

В ходе изучения литературных материалов выяснилось, что после Октябрьской революции ученый жил в Москве. И у меня возникла мысль: не проживает ли там в настоящее время кто-нибудь из его родных? Если да, то не сохранились ли у них какие-либо принадлежавшие ему архивные материалы или памятные вещи?

В очередной приезд в Москву я обратился в адресный стол с просьбой сообщить адреса и номера телефонов, проживающих в городе граждан, имеющих фамилию Бутурлиных. Первыми в списке оказались Александр Сергеевич и Константин Сергеевич Бутурлины. Зная, что отца ученого звали Александр и, что, поэтому, внук мог быть назван по имени своего деда, я решил позвонить Александру Сергеевичу. Услышав доброжелательный голос, я сказал: «Можно Александра Сергеевича?». В ответ услышал: «Это я». Оказалось, что я разговариваю с сыном С. А. Бутурлина. Он сразу же согласился встретиться со мной.

Считаю уместным немного рассказать об этом человеке. Родился Александр Сергеевич в 1924 году, в Москве. Отец, несмотря на ухудшившееся здоровье, уделял внимание воспитанию своих двоих сыновей: старшего Константина и младшего Александра. Известен такой факт. Когда Константин, попав под дурное влияние, стал плохо вести себя, то Сергей Александрович включил его в состав экспедиции, отправлявшейся на Крайний Север, где условия жизни были исключительно трудными. Такая строгая мера подействовала. Впоследствии Константин стал высококвалифицированным фотографом.

Александр Сергеевич в 1942 году был призван в армию. Окончил Горьковское училище зенитной артиллерии и служил в должности ко-

¹⁴Бутурлин С. А. Определитель птиц СССР, их подвидов, распространение, польза и вред для хозяйства. Вып. 1, Книгосоюз, 1928, с. 4—5.

¹⁵Позднее Бутурлинский архив значительно пополнился. Об этом будет сказано ниже.

мандира огневого взвода на Восточном и Юго-Западном фронтах ПВО, был ранен. В 1957 году окончил инженерно-артиллерийскую академию и в звании подполковника работал в одном из военных научно-исследовательских институтов.

Будучи неравнодушным, прогрессивно мыслящим человеком, Бутурлин внимательно следил за обстановкой в стране и в мире, остро переживал все наши беды. В 1967 году, во время «пражской весны», он пригласил выступить в клубе института Александра Солженицина. Писатель согласился. «Ни я, ни командир части, — вспоминал Бутурлин, — не могли предположить во что выльется эта встреча. Когда Солженицин прочитал отрывок из «Круга первого», офицеры оказались в шоковом состоянии. После перерыва он начал отвечать на вопросы, рассказал о своем детстве, о фронте, о лагере.

Так совпало, что в тот день открывался IV Всесоюзный съезд писателей. Солженицина туда не пригласили. Но он обратился к съезду с письмом, которое зачитал на вечере. Зал взорвался овацией. А на следующий день в нашем институте разразилась гроза. И кончилось все тем, что меня, мягко говоря, проводили на пенсию...»¹⁶

После ухода на пенсию Александр Сергеевич ведет богатую духовную жизнь. Об эрудиции и незаурядных способностях этого человека свидетельствует такой факт. Присутствуя однажды на Ученом совете Государственного музея А. С. Пушкина он прослушал сообщение М. Яшина. В сообщении шла речь об известном анонимном пасквиле присланном поэту и послужившим поводом для дуэли. Яшин утверждал, что одним из авторов пасквиля был князь И. С. Гагарин. Надежных свидетельств, подтверждающих свою версию, он не привел.

В обсуждении сообщения принял участие и Бутурлин. Он заметил, что Яшин фактически предъявляет тяжкое обвинение давно ушедшему из жизни человеку, естественно, не имеющему возможности себя защищать. Это обстоятельство должно было бы побудить автора сообщения быть в высшей степени доказательным, опираться на неопровержимые факты. А вместо этого мы видим одни предположения. Не случайно сообщение изобиловало словами: вероятно, возможно, может быть и т. п. Бутурлина поддержали известные пушкинисты Т. Г. Цявловская, К. В. Пигарев и другие.

Исходя из того, что И. С. Гагарин является предком Бутурлина по

¹⁶Газета «Ленинское знамя», 1992, 11 января (записал А. Нефедов).

женской линии и полагая, что честь предков дорога их потомкам, он решил ознакомиться с литературой и архивными материалами, касающимися личности князя. Проведя значительное время в московских библиотеках и архивах, А. С. Бутурлин пришел к выводу, что Гагарин был благородным, честным человеком. Он, в частности, послал в пушкинский «Современник» стихи Ф. Тютчева и, таким образом, представил обществу нового поэта. До этого Тютчев не считал себя профессиональным поэтом, свои стихи не публиковал, а дарил их друзьям и знакомым.

И. С. Аксаков — первый биограф поэта, писал: «Русская литература обязана вечной благодарностью И. С. Гагарину: он не только первый сумел оценить поэтический дар Тютчева, но и обратить его в действительное достояние России. Без его усилий, без его посредства, едва ли бы когда эти перлы русской поэзии увидели свет в русской печати».¹⁷ Бутурлин напомнил также, что Гагарин был первым издателем сочинений и писем Чаадаева, а также, что он основал Славянскую библиотеку в Париже. Он обратил внимание и на тот факт, что Гагарин по идейным мотивам перешел из православия в католичество. В результате, согласно российским законам, потерял право владения доставшимся ему в наследство от отца обширными поместьями, включая три тысячи крепостных. Ясно, что такой человек не мог совершить приписываемую ему Яшиным подлость.

В 1968 году, по просьбе Бутурлина, в Центральном научно-исследовательском институте судебных экспертиз была проведена экспертиза. Она показала, что ни почерк Гагарина, ни его слуги, не имеют ничего общего с почерком автора пасквиля.

Завершив научное исследование, Бутурлин подготовил пространную статью под названием «Имел ли И. С. Гагарин отношение к пасквилю на А. С. Пушкина?». Рукопись он прислал мне. Я внимательно ее прочел, кое-что предложил улучшить, исправить и посоветовал убрать из текста слишком резкие выражения в адрес Яшина. Он согласился со мной. Статья была напечатана в авторитетнейшем издании — в «Известиях Академии Наук СССР».¹⁸ По выходу в свет журнала, Бутурлин прислал мне оттиск статьи с благодарностью «за большую помощь в

¹⁷ «Русский архив», 1879, вып. 5. с. 140.

¹⁸ Известия Академии наук СССР (сер. литературы и языка), т. XXVIII, вып. 3, 1969, с. 277—285.

подготовке этой статьи». Мне, конечно, было приятно получить такой подарок.

На даче у А. С. Бутурлина. Слева направо: А. С. Бутурлин, М. Х. Валкин, Л. М. Валкин. 2001 г.

Появление статьи Бутурлина — профессионального военного, никогда ранее не занимавшегося научными исследованиями в области гуманитарных наук, в академическом журнале, безусловно, сенсация, свидетельство о его интеллекте и творческих способностях. Забегая несколько вперед, скажем, что впоследствии он подготовил ряд крупных статей, посвященных жизненному пути отца, а также его предкам, сыгравшим видную роль в истории России. Статьи были напечатаны в московских и ульяновских научных изданиях.¹⁹

1 июня 2010 года Александр Сергеевич ушел из жизни.

Но вернемся к первой встрече с Александром Сергеевичем. После телефонного разговора с ним я отправился на квартиру Бутурлиных (Ленинский проспект 20, кв. 18). Жили они в двух комнатах четырехкомнатной квартиры (две комнаты занимали другие жильцы). В этом доме Сергею Александровичу жить не довелось. До его смерти семья жила в

¹⁹Ульяновский областной краеведческий музей. Бутурлинский сборник. Ульяновск, 2003, с. 7—48, 77—83, 86—95. Бутурлинский сборник. Ульяновск, 2006, с. 9—17.

другой, коммунальной, квартире.²⁰ В момент моего посещения семья состояла из четырех человек: Александр Сергеевич, его мать — Амалия Ивановна, супруга — Галина Павловна и дочь Ирина. Встретили они меня тепло, гостеприимно. По ходу беседы выяснилось, что в семье бережно хранится все, что связано с памятью о Сергее Александровиче. Это, прежде всего, большой, красного дерева, письменный стол, за которым долгие годы работал ученый. Затем настольная лампа, этажерка для книг, шкаф-секретер, микроскоп, морской бинокль, охотничьи ружья, часть научной библиотеки, многочисленные фотографии и личные документы.

Большую ценность представляют, хранившиеся у Бутурлиных изобразительные материалы. Среди них портреты князя Сергея Ивановича Гагарина, его жены Варвары Михайловны, урожденной Пушкиной, их дочери Марии Сергеевны, упоминавшегося выше князя Ивана Сергеевича Гагарина.

Особо надо сказать, что в семье сохранилось несколько вещей, принадлежавших отцу ученого — Александру Сергеевичу Бутурлину: старинные очки в металлической оправе, бумажник из тисненой красной кожи и другие.

Мир вещей, окружавших ученого, доносят до нас его духовный облик, атмосферу напряженного труда, отражают его выдающийся вклад в отечественную и мировую науку.

Мне не пришлось убеждать Александра Сергеевича, как часто бывает в аналогичных случаях, о целесообразности передачи памятных вещей его отца на вечное хранение в музей, приобщение их к имеющейся в фондах Бутурлинской коллекции. Более того, Бутурлины высказали желание передать музею все вещевые, изобразительные и другие материалы ученого, безвозмездно. Думаю, что приобретение их через закупочную комиссию вылилось бы в несколько сот тысяч рублей в тогдашнем денежном исчислении, а в нынешнем — в миллионы. Мотивируя это решение, Бутурлин сказал, что он поступил так, как поступил бы, в подобном случае, его отец.

Дар Бутурлиных является ценнейшим пополнением музейного фонда страны.

²⁰До переезда в дом на Ленинском проспекте Бутурлины жили в так называемом 3-м доме Советов в двух смежных комнатах пятикомнатной квартиры. (Садовая-Каретная улица, Божедомский пер., дом 1, кв. 47).

*
* *

Уже при первом знакомстве с письмами А. С. Бутурлина к сыну мне стало ясно, что их автор — незаурядная личность, что содержание писем представляет определенный интерес для истории общественной мысли в дореволюционной России. Это побудило меня в свободное от работы время заняться изучением писем, выяснением биографических данных об отце ученого. В архивах, библиотеках и музеях Москвы мне удалось выявить материалы о жизненном пути этого человека. Выяснилось, что Александр Сергеевич Бутурлин — участник революционного движения на протяжении двух десятилетий — с конца 60-х и до конца 80-х годов XIX века. Родился в 1845 году в Москве, в семье генерал-майора. Вопреки семейным традициям, он отказался от военной карьеры. Сдав экстерном экзамены за гимназический курс, в 1863 году Бутурлин поступает в Московский университет, на естественное отделение физико-математического факультета. В 1867 году он оканчивает курс по «отделу естественных наук» и за отличные успехи утверждается советом университета в степени кандидата. Окончив физико-математический факультет, 22-х летний Бутурлин поступает на медицинский.

Он являлся одним из организаторов многодневной забастовки студентов-медиков четвертого курса, выступивших против методов преподавания бездарного профессора Полунина. В результате, в числе пяти «зачинщиков» забастовки Бутурлин был исключен из университета, арестован и отправлен в ссылку в Ярославскую губернию под надзор полиции. Позднее выяснилось его членство в революционном кружке нечаевцев и он в 1871 году оказался в числе обвиняемых на суде над ними. О виновности Бутурлина, в докладе министра юстиции говорилось: «Дворянин Александр Бутурлин, 26 лет, хотя и не сознался в том, чтобы ему было даже известно о каком-либо тайном обществе, уличается, однако, в принадлежности к Московскому заговору». «За недостаточностью улик» Бутурлин по суду был оправдан. Но ему было запрещено продолжать учебу в высших учебных заведениях и не разрешалась преподавательская деятельность.

В 1872 году Бутурлин вместе с женой выехал в Швейцарию. 10 (22)

сентября того же года, в Монтрё, у них родился сын Сергей, будущий ученый.

Невзирая на семейные заботы, в это время Бутурлин вступает в группу революционеров, возглавлявшуюся известным идеологом народничества П. Л. Лавровым, и принимает деятельное участие в издании лавристовского журнала «Вперед», в организации его провоза через границу.

В 1874 году он возвращается в Россию. Проживая в Москве, Бутурлин выполняет обязанности агента «Вперед», налаживает связи, явки. Ему были известны, в частности, явки нелегальных квартир, которые посещали Софья Перовская, Герман Лопатин, Марк Натансон и другие видные революционеры.

В 1881 году, по постановлению особого совещания, Бутурлин ссылается в Западную Сибирь на пять лет. В 1883 году ему было разрешено отбывать оставшийся срок в Симбирске, куда он прибыл 17 июня 1883 года. Симбирск в то время был одним из мест ссылки «политически неблагонадежных» лиц. Среди ссыльных находился известный по процессу 193-х доктор Александр Александрович Кадьян. В донесении губернатору Жандармское управление характеризовало его как «весьма ловкого и осторожного пропагандиста». Бутурлин и Кадьян были в дружеских отношениях.

В летнее время Бутурлин имел возможность жить со своей семьей в селах Белый Ключ и Лава, в имении принадлежавшем его матери Марии Сергеевне (урожденной княгине Гагариной).

В сентябре 1886 года Бутурлин возвратился в Москву. На этом, собственно, завершается революционная деятельность А. С. Бутурлина — типичного народника-семидесятника.

Современники отмечали у Бутурлина гибкий, светлый ум, обширные, разносторонние знания. Он в совершенстве владел английским, французским и немецким языками, являлся знатоком древних языков, любил и хорошо знал русскую и зарубежную литературу. Изучая медицину, Бутурлин в то же время глубоко интересовался вопросами естествознания в целом. Он был лично знаком с К. А. Тимирязевым, В. В. Марковниковым и другими выдающимися учеными, деятелями культуры. Большое влияние оказал Бутурлин на формирование мировоззрения своего сына Сергея — будущего ученого.

Особого рассмотрения заслуживает история взаимоотношений Бу-

турлина и Льва Толстого. Вопрос этот подробно освещён в изданной в 1971 году моей публикации «А. С. Бутурлин о Льве Толстом»²¹ Здесь я вкратце познакомлю читателя с этой интересной страницей биографии революционера-народника.

С А. С. Бутурлиным Толстой познакомился в 1879 году и между ними стали складываться дружественные отношения. В декабре 1881 года, в связи с предстоявшей высылкой Бутурлина в Сибирь, писатель приехал к нему, чтобы выразить сочувствие, оказать моральную поддержку революционеру.

Как выше сказано, в 1883 году Бутурлину разрешено было отбывать оставшийся срок ссылки в Симбирске. В это время между ним и Толстым велась переписка. В письмах обсуждались вопросы, связанные с религиозным учением Толстого. Бутурлин, будучи несогласным со взглядами писателя, доказывал их ошибочность, тактично критиковал его.

Однако, переубедить Толстого, заставить его отказаться от своих взглядов, было невозможно. Поняв это, Бутурлин не стал больше вступать в полемику с великим писателем и продолжал поддерживать с ним самые сердечные, дружеские отношения. Одним из первых его визитов после возвращения из ссылки, была поездка в Ясную поляну. Дружба Бутурлина с Толстым продолжалась три десятилетия. Небезинтересно, что писатель при работе над евангельскими текстами советовался с Бутурлиным. В сентябре 1902 года Толстой писал ему: «Спасибо Вам, дорогой Александр Сергеевич, за Ваше письмо и за ваш очень полезный для меня труд (...). Очень жалею, что не увижу Вас».

Их связи нашли отражение в письмах, в дневниках, в записных книжках, в записях бесед писателя, в воспоминаниях современников, а также в дневниковых записях его жены — Софьи Андреевны. Старший сын Толстого в своей книге «Очерки былого» посвятил Бутурлину отдельный очерк²²

После смерти великого писателя Бутурлин старался сделать все, что мог, чтобы его наследие дошло до народа²³

²¹А. С. Бутурлин о Льве Толстом. Избранные письма. Вступительная статья, подготовка текста и примечания М. Х. Валкина. Ульяновск, 1971.

²²Толстой С. Л. Очерки былого. Изд. 3-е. Тула, 1965.

²³См. А. С. Бутурлин о Льве Толстом. с. 98—118.

*
* *

Более полувека Коллектив областного Краеведческого музея ведет работу по популяризации научного наследия С. А. Бутурлина и общественной деятельности его отца — А. С. Бутурлина, по увековечению их памяти в Ульяновске.

В этих целях организуются общероссийские и международные научные конференции, издаются научные труды, публикуются материалы в средствах научной и массовой информации. В изданных музеем научных сборниках помещены и написанные мною в последнее время статьи, посвященные Бутурлиным.²⁴

Имена ученого и его отца стали широко известны. Они увековечены в названии одной из улиц Ульяновска. На доме, где жили Бутурлины, установлена мемориальная доска. Имя С. А. Бутурлина носит Сурский государственный заказник. В Краеведческом музее имеется Бутурлинская комната.

Заканчивая разговор о Бутурлинской коллекции музея, позволю себе привести отзыв о проделанной лично мною научно-собирательской работе по этой теме. Надеюсь, что читателю не покажется это не скромным с моей стороны. В 2003 году музеем издан «Бутурлинский сборник», посвященный памяти ученого. В альманахе «Охотничьи просторы» о сборнике был напечатан отзыв известного историка-охотоведа М. Поддубного, под названием «Знаменательное событие». В нём, в частности, говорилось: «... директором Ульяновского музея в 1950 году назначен был Марк Харитонович Валкин, культурный человек, сумевший не только понять ценность неучтенного до того бутурлинского архива, но и по собственной доброй воле, через адресное бюро, разыскать в Москве Александра Сергеевича Бутурлина. А последний, в свою очередь, сразу же подарил музею бесценные семейные реликвии. Ведь мог же на месте распорядителя судьбы бесхозных документов оказаться иной директор и возможно не имели бы мы теперь ни бутурлинского

²⁴Валкин М. Х. К вопросу о формировании и изучении Бутурлинской коллекции Ульяновского областного Краеведческого музея. (в «Бутурлинском сборнике», Ульяновск, 2003, с. 108—112) и Валкин М. Х. К вопросу о популяризации научного наследия С. А. Бутурлина и увековечении памяти в Ульяновске. (Бутурлинский сборник, Ульяновск, 2006, с. 66—74).

На открытии мемориальной доски. А. С. Бутурлин, И. А. Бутурлина, С. Бутурлин

архива, ни выполненных на его основе работ, ни сборника, в котором как раз помещена статья М. Х. Валкина об этой истории полувековой давности».²⁵ Не скрою, приятно было прочесть эти доброжелательные строки в мой адрес, а также о благородном поступке семьи Бутурлиных.

*
* * *

Последней, самой значительной и удачной, выполненной коллективом под моим научным и административным руководством, стала, по многочисленным отзывам, работа по созданию единственного в мире музея И. А. Гончарова. Мысль о необходимости создания музея великого писателя высказывалась неоднократно. Важный шаг на пути к его

²⁵Альманах «Охотничьи просторы», книга 1(39), 2004, с. 269—270.

созданию сделала Симбирская архивная комиссия. В 1912 году, в дни празднования столетнего юбилея Ивана Александровича, члены комиссии организовали в Доме дворянского собрания большую выставку. Это была первая попытка собрать воедино, сохранившиеся после смерти писателя, окружавшие его в петербургской квартире предметы, изобразительные, рукописные и другие материалы, хранившиеся у родных и близких, а также в музеях и библиотеках. Видный симбирский литературовед, член Архивной комиссии М. Ф. Суперанский составил подробный её каталог, включавший 189 экспонатов:²⁶ Но в нём не были учтены экспонаты, переданные на выставку в канун её открытия (письма писателя и другие). Всего на выставке было представлено, по-видимому, более 200 экспонатов.

После закрытия выставки большая часть её экспонатов была возвращена владельцам. Но значительное количество поступило на хранение в фонды Архивной комиссии. Имелось в виду в дальнейшем включить их в постоянную экспозицию, которую предполагалось создать в строившемся Доме-памятнике Гончарову. В связи с начавшейся мировой, а затем и гражданской, войнами, осуществить этот замысел удалось лишь в 1919 году, когда в Доме-памятнике открылся единый Народный музей. На втором этаже здания, в центральном зале, с видом на Волгу, была создана «Гончаровская комната».

В 1932 году, в связи с вселением в Дом-памятник (на второй этаж) Художественного музея, Комната вошла в его состав. Её экспозиция из центрального зала была перемещена в угловую комнату этого же этажа (северо-западная сторона здания). При этом площадь Комнаты сократилась вдвое — с 80 до 40 квадратных метров.

Прежде чем продолжать разговор о дальнейшей судьбе Гончаровской комнаты, считаю необходимым остановиться на событии, связанном с увековечением памяти писателя на его родине. В 1948 году отмечалось 300-летие Симбирска — Ульяновска. Среди юбилейных мероприятий было торжественное открытие памятника И. А. Гончарову у здания Дворца книги. К сожалению, при благих намерениях, совершилось кощунство над памятью двух великих людей России. Дело в том, что бронзовый бюст писателя установлен на гранитном пьедестале, снесенного в дни революционных событий 1917 года, памятника Сто-

²⁶Столетие со дня рождения И. А. Гончарова. Юбилейные праздненства в Симбирске. Издание Симбирской губернской ученой Архивной комиссии, 1912, с. 27

лыпину. Думаю, что настало время восстановить этот памятник. Для бюста же Гончарова не трудно подыскать другое место. Кстати, замечу, что в 1965 году, в сквере, вблизи дома, где родился писатель, установлен ему новый памятник по проекту московского скульптора Л. И. Писаревского.

В связи с тем, что речь идет о памятниках, позволю себе остановиться еще на одном сюжете. В 1997 году, в канун 350-летия Симбирска, ряд ульяновских историков обращались к властям с предложением установить в городе памятник его основателю, выдающемуся государственному деятелю — Богдану Хитрово. Против этой идеи выступили некоторые ульяновские краеведы (С. Л. Сытин, М. М. Савич и др.). В опубликованном в «Симбирском курьере» за 13 мая 1997 года «открытом письме» они утверждали, что «известные исторические документы не дают возможности точно установить роль Б. Хитрово в строительстве города», что она «сильно преувеличена историками XVIII-XIX веков». Вместо памятника основателю города авторы письма предлагали установить «четырёхгранную стелу», на которой обозначить дату основания Симбирска.

Ознакомившись с содержанием письма, «логика» его авторов показалась мне, по меньшей мере, странной и я решил публично им возразить. Подготовил статью, которую, кроме меня, подписали ульяновские историки-краеведы В. Казюхин, Л. Константинова и архитектор Б. Аржанцев. Статья была опубликована в «Симбирском курьере» за 19 июня 1997 года. В ней, в частности, было сказано следующее. Ни один историк не сомневался, что Хитрово является основателем Симбирска. Наоборот, все исследователи, касавшиеся этого вопроса, как в дореволюционное время, так и в советский период, связывали появление на карте России города Симбирска с именем Богдана Хитрово. Известно, что по указу царя Алексея Михайловича от 10 февраля 1648 года ему было велено «на степи города поставить и всякие крепости устроить». Для строительства города Хитрово выбрал исключительно удачное в военно-стратегическом отношении место: высокий правый берег реки Волги, «венец» Симбирской горы. Это позволило Симбирску сыграть важную роль в ходе исторических событий в России, начиная с XVII века, превратиться в один из крупных экономических и культурных центров Поволжья.

Авторам «открытого письма» не удалось помешать соорудить па-

мятник основателю города. 2 сентября 2008 года, на Венце, над Волгой, был торжественно открыт памятник Богдану Матвеевичу Хитрово. Проект памятника разработал ульяновский скульптор Олег Анатольевич Клюев.

Но вернемся к Гончаровской комнате. В 1950 году, начав работать в Краеведческом музее, я ознакомился с экспозицией Комнаты. Показалось странным, что она находится в Художественном, а не в Краеведческом музее. Выяснилось, что Комната находилась ранее в Краеведческом музее и вошла в состав Художественного музея чисто случайно, оказавшись на одном с ним этаже.

И я решил попытаться вернуть ее «законному хозяину». Удалось убедить директора Художественного музея возвратить нашему музею экспонаты Комнаты. 26 мая 1954 года управлением культуры был издан соответствующий приказ и Краеведческому музею было передано 60 экспонатов, находившихся в экспозиции Художественного музея.

Позднее выяснилось, что некоторые предметы из гончаровской коллекции не находились в экспозиции и, к сожалению, не были переданы. В качестве примера укажем на первое издание трех глав «Фрегата Паллады» (1855), с дарственной надписью писателя. Книга была случайно обнаружена мною в библиотеке Художественного музея, хотя находиться она должна была или в экспозиции, или же в отделе фондов. Судьба целого ряда предметов, экспонировавшихся в Комнате в довоенные годы, вообще неизвестна.²⁷ Они или утрачены, или же хранятся в фондах Художественного музея, без указания в учетной документации о том, что входят в гончаровскую коллекцию. Во всяком случае, необходима кропотливая работа по их выявлению.

Приняв гончаровскую коллекцию, музей стал уделять внимание возникавшим, в связи с этим, текущим и перспективным вопросам. Одним из шагов, в этом плане, было ходатайство о присвоении музею имени писателя. В 1955 году я направил в обком партии письмо с просьбой возбудить ходатайство по этому вопросу перед правительством. Мотивировал я это 60-летием музея (основан в 1895 году) и тем, что научно-экспозиционная работа коллектива, в значительной мере, свя-

²⁷Валкин М. Х. К вопросу о формировании и изучении Бутурлинской коллекции Ульяновского областного Краеведческого музея. (в «Бутурлинском сборнике», Ульяновск, 2003, с. 108—112) и Валкин М. Х. К вопросу о популяризации научного наследия С.А. Бутурлина и увековечении памяти в Ульяновске. (Бутурлинский сборник, Ульяновск, 2006, с. 66—74).

зана с гончаровской тематикой, а также, что музей размещается в Доме-памятнике писателю. 27 января 1956 года Президиумом Верховного Совета РСФСР был издан Указ о присвоении Ульяновскому областному Краеведческому музею имени И. А. Гончарова. Местом для разме-

И. А. Гончаров. Фото с портрета Н. А. Майкова (1859 г., масло)

щения «Комнаты памяти И. А. Гончарова», так мы её назвали, стала небольшая комната на первом этаже, расположенная между отделами природы и до революционного прошлого. При этом, часть из поступивших к нам предметов, не имевших прямого отношения к гончаровской теме, не была включена в экспозицию. О её составе дает представление, изданная в 1962 году памятка для посетителя.²⁸ Среди экспонатов комнаты «Летописец», начатый ещё дедом писателя, портрет матери писателя, портрет Гончарова кисти художника Н. А. Майкова, портреты Н. Н. Трегубова и Н. А. Гончарова (младшего брата писателя), прижизненный скульптурный портрет писателя, работы Л. А. Бернштама, два

²⁸Ульяновский областной краеведческий музей. Комната памяти И. А. Гончарова. Памятка для посетителя. Составитель М. М. Савич. Ульяновское книжное издательство, 1962.

Авдотья Матвеевна, мать писателя. Фото с портрета неизв. худ. (нач. XIX в., масло)

кресла из петербургской квартиры, серебряный венок с портретом писателя, возложенный на его гроб студентами Петербургского университета, акварели, привезенные им из кругосветного путешествия и некоторые другие предметы. Комнату ежегодно осматривали десятки тысяч ульяновцев, туристов из разных регионов страны, а также из-за рубежа.

В начале октября 2010 года мне стало известно, что Нина Николаевна Резвцова (о семье Резвцовых ниже будет идти речь, — *М. В.*) передала музею Гончарова письма известного гончарововеда, научного сотрудника Пушкинского дома (С.-Петербург) Александра Дмитриевича Алексеева к Б. Д. Резвцову. В одном из писем, не датированном, с пометкой Резвцова «Отвечено 10 декабря 1956 года», Алексей сообщает адресату о своем впечатлении от посещения в Ульяновске «Гончаровской комнаты»: «<...> был там в местном Краеведческом музее, где имеется Гончаровская комната <...> Комната содержится в идеальном порядке, чувствуется, что сделано все с любовью». (Письмо не инвентаризовано, с его содержанием меня ознакомила научный сотруд-

Серебряный венок, возложенный студентами Петербургского университета на гроб писателя

ник музея М. Б. Жданова, — *М. В.*). Было, конечно, приятно узнать о таком отзыве видного ученого о проделанной нами работе.

А тем временем, приближался большой юбилей. В 1962 году исполнилось 150 лет со дня рождения писателя. Мы считали, что инициатором и организатором мероприятий, связанных с юбилеем, должен стать музей и решили внести в обком партии предложение о проведении в Ульяновске юбилейных торжеств. Если не ошибаюсь, в конце 1961 года письмо и проект решения от имени музея были в обком направлены. Основная идея проекта заключалась в том, чтобы провести юбилей масштабно, широко, привлечь для участия в юбилейных мероприятиях литературоведов из других регионов страны и, таким образом, сделать определенный шаг к превращению Ульяновска в центр изучения творческого наследия писателя.

Наши предложения были приняты, решение бюро состоялось в начале 1962 года. В марте месяце была образована юбилейная комиссия, в которую вошли писатели, ученые, работники культуры, представители партийных и советских органов. Председателем её был назначен тогдашний заместитель председателя исполкома областного совета М. И. Астапов. От музея в комиссию был включен директор.

Деятельность комиссии, к сожалению, носила формальный харак-

Комната памяти И. А. Гончарова. 1962 г.

тер, собиралась она всего три раза. Всю организаторскую работу по подготовке юбилейных мероприятий выполнил коллектив Краеведческого музея. 18 июня 1962 года, в день 150-летия со дня рождения И. А. Гончарова, в областной филармонии состоялось торжественное заседание отделения Союза писателей и Ученого совета Областного краеведческого музея, совместно с общественностью Ульяновска, посвященное этому событию. На заседании присутствовало около 500 человек. Открыл и вёл заседание первый секретарь обкома партии А. А. Скочилов. С докладом о жизни и творчестве писателя выступил П. С. Бейсов. Для участников торжественного заседания был дан концерт, в котором принял участие Народный артист СССР Борис Штоколов. А 14-15 июня 1962 года в Доме-памятнике состоялась юбилейная научная конференция. В ней приняли участие ученые из разных регионов страны, занимающиеся исследованием творчества Гончарова. Сделанные ими сообщения были опубликованы в 1963 году в изданном музеем сборнике «Материалы юбилейной гончаровской конференции».²⁹ В целом проведенные юбилейные мероприятия способствовали

²⁹Описание юбилейных мероприятий содержится в статье М. М. Савич «Гончаров-

Александра Резвцова (Саня). Фото 1891 г.

осознанию широкой общественностью, местными властями, огромного значения творчества писателя. Празднование юбилея вылилось в крупное общественное событие, нашедшее широкое отражение в средствах массовой информации, в том числе в республиканских и союзных.³⁰ В дальнейшем всё это помогало решению практических вопросов, связанных с созданием Гончаровского музея.

*

* *

Для коллектива Краеведческого музея стало очевидно, что по своим размерам, количеству экспонатов, Комната памяти Гончарова не соответствует масштабу его творческой личности, месту в отечественной и

ские торжества на родине писателя в 1962 году». Материалы юбилейной Гончаровской конференции. Ульяновск, 1963, с. 308—314.

³⁰Гончаров И. А. Список юбилейной литературы. Книги и журнальные статьи. Составила Никитина Н. И. (Материалы юбилейной Гончаровской конференции. Ульяновск, 1963).

Кофейный столик. Подарок Гончарова начальнице Петербургского Николаевского сиротского института Е. Н. Шостак

мировой литературе, что пришло время поднимать вопрос о создании музея писателя. Однако, с точки зрения музееведческой, вопрос этот был совсем непростой.

Мысль о том, что музей необходим, высказывалась неоднократно. Но где он должен размещаться, каков должен быть его профиль, не было ясно. О превращении Дома-памятника в музей Гончарова, думать не приходилось, так как в нем находились экспозиции двух музеев — Краеведческого и Художественного. Вести речь можно было лишь о размещении музея в доме, где писатель родился. Попутно заметим, что в начале 60-х годов дом был занят вечерней школой и несколькими мелкими учреждениями.

Что касается профиля музея, то среди краеведов преобладало мнение, что Ульяновску необходим литературный музей, в котором, наряду с гончаровскими, необходимо экспонировать материалы и о других писателях — симбирянах. На первый взгляд, такая точка зрения вполне обоснована. Ведь Симбирск дал стране целую плеяду литераторов. Среди них Н. М. Карамзин, Н. М. Языков, Д. В. Григорович, Г. Н. Потанин, Д. Н. Садовников, Д. Д. Минаев. Здесь творили Денис Давыдов, Н. П. Огарёв, С. Т. Аксаков, С. Г. Скиталец и многие другие.

Но когда этот вопрос стал изучаться, выяснилось, что для создания такого музея потребовались бы десятки лет научно-собирающей работы, без твердой уверенности в успехе. Ведь речь шла о музейном показе жизни и творчества целого «букета» писателей, которые давно ушли из жизни. А сколько-либо значительного собрания, посвященных

им реликвий, в фондах Краеведческого музея не было. Кроме того, следовало учитывать, что в сравнительно скромном по площади доме, где родился Гончаров, невозможно было создать полноценную экспозицию о литературной жизни края от «Адама и Евы» до конца XX века. В на-

Во время экскурсии в Киндяковской роще. Справа налево: Н. Н. Резвцова, М. Х. Валкин, Н. Б. Резвцов, М. Б. Жданова, Анна и Александра Резвцовы. 1984 год.

чале 70-х годов П. С. Бейсовым и некоторыми другими краеведами высказывалась также мысль о создании в доме писателя мемориальной экспозиции, с восстановлением бытовой обстановки. О Бейсове я уже выше писал. Здесь хочу добавить, что, внося большой вклад в изучение симбирского периода жизни писателя, он в тоже время был и одним из самых активных инициаторов создания музея. Учитывая это, некоторые учителя, бывшие ученики Бейсова, публично стали называть его

«создателем» музея Гончарова. Однако, при всем моем глубоком уважении к Петру Сергеевичу, как к литературоведу, должен, со всей ответственностью, сказать, что такое утверждение не соответствует действительности. Бейсов, на самом деле, не был ни теоретиком, ни практиком музейного дела. К сказанному, хочу добавить, что даже физически Петр Сергеевич не мог участвовать в работе по созданию музея. Ведь он ушел из жизни в 1976 году, когда эта работа только-только начиналась. Всю огромную работу по созданию музея выполнил коллектив областного краеведческого музея. При разработке концепции и тематико-экспозиционного плана музея, посвященного всей жизни писателя, научные сотрудники опирались на многочисленные исследования литературоведов, а также на публикации по вопросам музееведения.

Попутно скажу об одной неточности, имеющейся в изданном в 1997 году «Каталоге основного фонда музея И. А. Гончарова (выпуск 1)». На странице 166 написано, что старший научный сотрудник Ю. М. Алексеева — «автор экспозиции музея И. А. Гончарова». В действительности Алексеева является автором лишь нескольких разделов экспозиции (об авторах экспозиции см. ниже).

Внимательно изучив предложение Бейсова, мы пришли к выводу о не возможности создать сколько-либо достоверную мемориальную экспозицию, так как никаких документальных данных о планировке дома, об обстановке в его комнатах, не сохранилось. Как известно, в результате опустошительного пожара 1864 года были уничтожены симбирские архивы. Поэтому найти какие-то нужные нам для создания мемориального музея архивные материалы надежды не было. Создание такой экспозиции явилось бы настоящей фальсификацией, обманом посетителей музея. Этого нельзя было допустить. В конце концов, мне стало ясно, что единственно возможным и целесообразным в этой ситуации было бы создание в доме, где родился писатель, историко-литературного музея, полностью посвященного его жизни и творчеству. Первоначальным «заделом» такого музея должны были быть экспонаты Комнаты памяти И. А. Гончарова. В коллективе музея поддержали эту точку зрения. Надо было действовать.

В начале 1975 года в бюро обкома КПСС нами было внесено предложение о создании в доме, где родился писатель (улица Гончарова, 20), музея Гончарова, в качестве филиала Областного краеведческого

Н. А. Гончаров (старший брат писателя)

музея. В проект решения бюро был включен важный пункт: «Обязать Ульяновский Горком КПСС (т. Золотова А. С.) оказать необходимую помощь в создании музея». В городе, в те времена, власть первого секретаря была огромной и нам крайне полезной оказалась эта запись.

Решение было принято. Теперь надо было добиваться его выполнения. Для размещения музея, к сожалению, выделялся только первый этаж дома. Верхние два этажа занимала вечерняя школа. На первом этаже, как выше было сказано, располагались разные мелкие учреждения. Их надо было выселять.

В течение года «жильцов» удалось выселить. В освобожденном помещении необходимо было провести ремонтно-реставрационные работы, а тем временем начинать разработку научной документации для создания будущей экспозиции и организовать поиск новых экспонатов.

Но, прежде всего, мы решили публично посоветоваться с учеными, с работниками культуры, с краеведами. 5 октября 1975 года в газете «Ульяновская правда» появилось наше извещение: «7 октября, в 17 часов, в Областном краеведческом музее состоится творческая беседа на тему: каким должен быть музей И. А. Гончарова? Приглашаются

все желающие». Аналогичная информация давалась по местному радио. Кроме того, были разосланы приглашения членам Ученого совета, краеведам.

На беседу пришло 40 человек. Краткая информация о её содержании была помещена в «Ульяновской правде» за 12 октября (корреспондент Н. А. Малинин). В ней говорилось: «Краеведческий музей, начиная работу над созданием гончаровского мемориала, решил обратиться за советом к историкам, краеведам, знатокам и почитателям творчества писателя. Собравшись на днях в музей, они с большой заботой и заинтересованностью обсуждали проблемы будущего музея.

Открывая встречу, директор Краеведческого музея М. Х. Валкин подчеркнул, что гончаровский мемориальный филиал (краеведческого музея, — М. В.) должен носить историко-литературный характер В его экспозиции следует отразить жизнь и творчество писателя, истоки его литературных образов.

Большой знаток творчества Гончарова, кандидат филологических наук, писатель-литературовед П. С. Бейсов, автор известной книги «Гончаров и родной край», сказал, что необходимо, прежде всего, раскрыть общерусское значение творчества Гончарова, одного из великанов русской литературы.

По мнению руководителя Ульяновской писательской организации В. И. Пыркова, в музее должна быть представлена и современная литература, как наследница традиций классического реализма, представителем которого был Гончаров <...>.

Наиболее сильно убеждают подлинные музейные экспонаты, заметила искусствовед Н. А. Агафонова, хотя время неумолимо, но можно собрать немало подлинных вещей и документов эпохи Гончарова: мебель, фарфор, произведения искусства <...>. Участники разговора решили и впредь советоваться по всем вопросам создания музея».

Для нас было крайне важно, что практически все выступавшие поддержали идею создания именно историко-литературного музея.

29 октября того же года в ДOME-памятнике состоялась встреча с ульяновскими художниками. На ней обсуждались принципы разработки архитектурно-художественного проекта будущего музея. Участники встречи обратили внимание на необходимость подготовки, для работы над проектом, нужной документации: акта технического обследования здания, планов старой и новой застройки и др.

Для разработки экспозиционного замысла в Краеведческом музее была создана творческая группа во главе с заведующей научно-методическим отделом Мирой Мироновной Савич. В ноябре 1975 года экспозиционный замысел музея Гончарова был рассмотрен и одобрен ведущим методистом Государственного исторического музея (г. Москва) Анной Борисовной Закс. Она рекомендовала дополнить разработанный документ разделом «Гончаров и современность». Мы согласились с её мнением.

А тем временем, Министерство культуры Федерации разрешило создать в нашем музее «Мемориальный отдел И. А. Гончарова» в составе трех человек. Во вновь созданный отдел на должность заведующей была принята Маргарита Борисовна Жданова и в качестве научных сотрудников: Юлия Михайловна Алексеева и Антонина Васильевна Лобкарёва. Каждой из них была поручена разработка отдельного раздела тематико — экспозиционного плана.³¹ Впоследствии в отдел из основного музея в музей Гончарова были переведены научные сотрудники Ирина Вениаминовна Смирнова и Нина Михайловна Егорова.

Молодые сотрудники нового отдела не имели опыта научно — экспозиционной работы. Поэтому им приходилось учиться, постигать основы музееведения, знакомиться с опытом работы литературных музеев и, в то же время, скрупулезно изучать произведения Гончарова, литературу о нём.

В 1976 году музей издал второй сборник научных статей на гончаровскую тему: «И. А. Гончаров. Новые материалы о жизни и творчестве писателя». Это было, в известном смысле, подкреплением «гончаровских позиций», завоеванных во время юбилейных торжеств 1962 года, продвижением к намеченной цели: создать в Ульяновске музей Гончарова и сделать родной город писателя центром изучения его наследия. Важной формой пропаганды творчества писателя стали ежегодные Гончаровские праздники в Киндяковской роще. Эти праздники в дни рождения Ивана Александровича музей начал организовывать с 1979 года.

А впереди было самое трудное. Ведь, чтобы создать музей на

³¹ Сотрудники работали над следующими темами: Лобкарёва А. В. — Первые годы жизни Гончарова в Петербурге. Служба в департаменте. Начало литературной деятельности. «Обыкновенная история». «Фрегат Паллада». «Обломов». Алексеева Ю. М. — Учёба Гончарова в коммерческом училище и в университете. «Обрыв». Гончаров и Симбирск. Жданова М. Б. — Последние годы жизни Гончарова. Гончаров и современность.

Здание Музея И. А. Гончарова

основе подлинных реликвий, повествующих о жизни и творчестве великого писателя, необходимо было провести огромную научно-сборательскую работу, необходим был музейный поиск.

Прежде всего, мы решили через газеты крупнейших городов известить граждан о начале работы по созданию в Ульяновске музея И. А. Гончарова и обратиться к ним с просьбой оказать возможную помощь в этом благородном деле. Такие извещения были напечатаны в газетах Москвы, Ленинграда, Нижнего Новгорода, Саратова, Пензы, Ростова, Риги, Таллина и других.

С разных концов страны в Краеведческий музей стали поступать письма, в которых выражалось желание помочь в создании музея, предлагались старинные вещи, картины, книги. Сенсацией было для нас письмо из Днепропетровска от Н. М. Казас. Она сообщала, что хотела бы передать музею столик, принадлежавший Гончарову. Автор этих строк побывал в Днепропетровске и встретился с Натальей Марковной — вдовой профессора медицины И. А. Казас. Выяснилась история столика.

Известно, что Гончаров был дружен с начальницей Петербургского Николаевского института Е. Н. Шостак. Он подарил ей оригинальный кофейный столик, может быть ко дню рождения. После смерти Шостак столик оказался у любимой её воспитанницы З. А. Алеевой (в замужестве Крумбмиллер), мать которой служила в институте учительницей рукоделия. Позднее семья Крумбмиллер переехала в Екатеринослав (Днепропетровск). В 1922 году Крумбмиллеры подарили столик своим друзьям — семье Казас. На склоне лет Наталья Марковна, оставшаяся одинокой, подарила столик создававшемуся в Ульяновске музею писателя. Так Гончаровское собрание пополнилось уникальным экспонатом.

Следует сказать, что для любого литературного музея представляют особый интерес предметы, окружавшие писателя в жизни, как бы хранящие память о нём. Абсолютное большинство таких реликвий давно уже экспонируется в музеях или хранится «за семью печатями» в их запасниках. Трудно представить, что в наше время у кого-то на квартире, хранятся, например, часы Пушкина, чернильный прибор Льва Толстого или трость Чехова.

И все же, как мы убедились, иногда, совсем неожиданно, бывают удивительные находки. Одна из самых замечательных находок музея произошла в семидесятых годах прошлого века благодаря «подсказке» посетителей. Однажды, посетившие комнату памяти И. А. Гончарова москвички, мимоходом, сообщили экскурсоводу, что в Москве, в семье Резвецовых, они видели вещи, принадлежавшие Гончарову. Но адрес их не могли сообщить, так как семья переехала на другую квартиру.

Помочь разыскать Резвецовых мы попросили Александра Сергеевича Бутурлина (о связях музея с семьей Бутурлиных сказано выше, — *М. В.*). Он узнал адрес Резвецовых и встретился с ними. Глава семьи — Нина Николаевна Резвецова, выразила согласие на мою встречу с ней.

При первой же возможности, я отправился в Москву. Встреча с Резвецовой состоялась на её квартире (ул. Трифоновская, д. 54). В беседе принял участие сын Нины Николаевны — доктор технических наук Николай Борисович Резвецов. В ходе беседы выяснилось, что действительно у них бережно хранится часть вещей, в свое время принадлежавших Гончарову.

Напомним кратко об отношении писателя к этой семье. Известно,

что после смерти в 1878 году своего камердинера Карла Трейгут, Гончаров принял на себя всестороннюю заботу о его семье, оставшейся без кормильца. Семья в это время состояла из четырех человек: вдовы и детей — мальчика и двух девочек. Старшей из них — Александре (Сане) было девять лет. Писатель особенно заботливо, с трогательной любовью, относился к ней. Как писал Иван Александрович графине А. А. Толстой, он учил детей «читать, писать, считать», смотрел «чем они питаются, есть ли обувь»³² и т. п.

В 1878 году Саня была принята в Ивановское училище при Коломенской гимназии. Благодаря стараниям Гончарова, учёбу её оплачивали великие князья Сергей Александрович и Павел Александрович.³³ В это время писатель по-прежнему заботился о Сане, следил за её подготовкой к занятиям, обеспечивал всем необходимым.

После окончания училища Иван Александрович выдал Саню замуж за её домашнего учителя музыки, преподавателя Петербургской консерватории (впоследствии профессора, — *М. В.*) Александра Дмитриевича Резвцова. Писатель дал ей солидное приданое и завещал значительную часть принадлежавшего ему имущества.

Эта была обеспеченная, высоко культурная семья. У Резвцовых бывали Глазунов, Римский-Корсаков и другие выдающиеся люди.

Нина Николаевна — вдова сына Резвцовых, покойного Бориса Дмитриевича Резвцова, 3 марта 2009 года ушла из жизни. Потомками Резвцовых являются ныне здравствующие, упоминавшийся выше Николай Борисович Резвцов и его дочери: Анна, Екатерина и Александра.

Я много раз встречался с Ниной Николаевной, рассказывал ей о ходе работы по созданию музея. Я надеялся, что она решится уступить музею хранившиеся у неё вещи из гончаровского наследства, заручившись согласием Николая Борисовича. Однажды, мне даже пришлось встречаться с ним и беседовать по этому вопросу в стенах военной Академии, где он работал. В конце концов, удалось убедить их передать музею, за скромную оплату, дорогие для них памятные вещи. Произошло это, когда им стало ясно, что в Ульяновске действительно ведется серьезная работа по увековечению памяти писателя, по созданию му-

³²Литературное наследство. И. А. Гончаров. ИМЛИ, РАН. М., 2000, с. 42.

³³Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.-Л., 2000, с. 274, 276.

зая. Всего от Резвецовых было получено 22 предмета.³⁴ Из поступив-

Золотые часы — подарок писателя сыну А. К. и А. Д. Резвецовых

ших в музей вещей назовем, прежде всего, карманные золотые часы писателя, швейцарской фирмы «Тобиас». Он завещал их старшему сыну Сани. Когда Борис окончил гимназию, бабушка (вдова слуги писателя, — М. В.) часы ему вручила. Переданы музеем три шкатулки, украшенные восточной росписью, привезенные Гончаровым из кругосветного путешествия на фрегате «Паллада». Передана также деревянная трость с серебряной рукояткой. Сын племянника писателя, М. В. Кирмапов, в своих воспоминаниях замечает, что у Гончарова была большая коллекция тростей, собранных «со всех стран земного шара. Коллек-

³⁴О поступивших в музей от Резвецовых предметах из гончаровского наследства см. Валкин М. Х. Музей И. А. Гончарова (из истории создания). Изд. 2-е, дополненное, Ульяновск, 2009. С. 43-46.

ция эта в виде объемистой пачки покоилась на двух кронштейнах над его кроватью».³⁵

Поступление это явилось выдающимся событием не только в жизни нашего музея: музейный фонд России пополнился уникальным, редчайшим собранием.

В 1977 году отозвался проживавший в Москве правнук младшей сестры Гончарова, Анны Александровны — Владимир Владимирович Музалевский. Известно, что писатель с особенной симпатией к ней относился. Оказалось, что у Владимира Владимировича хранились написанные маслом большие портреты Анны Александровны и её мужа Петра Авксентьевича Музалевского, а также письмо Гончарова к сестре от 26 июня 1877 года. Эти ценнейшие материалы были приобретены музеем.³⁶ Кроме Резвцовых и Музалевских сотрудникам музея удалось разыскать и других потомков родных и близких писателя.³⁷ Значитель-

П. А. и А. А. Музалевские. Масло. Неизв. худ. 2-я половина XIX в.

ное место в экспозициях литературных музеев занимают иллюстрации художников к отдельным произведениям. Они дают возможность посетителю зримо представить облик литературных героев, окружающую их среду. Предпринятый научными сотрудниками поиск дал возможность обогатить фонды музея значительным количеством иллюстративных

³⁵Кирмалов М. В. Воспоминания об И. А. Гончарове. В сб. И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Подготовка текста и примечания А. Д. Алексеева и О. А. Демиковской. Л., 1969, с. 110.

³⁶Подробнее о приобретенных у Музалевского материалах см. примеч. 36.

³⁷Там же, с. 45—49.

материалов, в том числе подлинных авторских экземпляров видных художников (например, И. Глазунова). Большинство из них вошло в экспозицию музея Гончарова.³⁸

К просьбам музея об оказании помощи в пополнении фондов изданиями произведений Гончарова, исследовательской литературой о нём, книгами писателей — его современников, внимательно отнеслись библиотеки нашей страны, а также ряда иностранных государств. В присланных ими посылках оказались ценные и даже редкие издания. Некоторые нужные для будущей экспозиции книги удалось приобрести в букинистических магазинах.³⁹

Для воссоздания исторической среды, обстановки, в которой жил и творил писатель, помимо реликвий, имеющих прямое к нему отношение (принадлежавшие ему вещи, рукописи, книги, фотографии и т. п.), в музейных экспозициях, как правило, присутствуют экспонаты — своего рода памятники эпохи. Приведем пример.

В будущем музее было намечено, хотя бы несколькими штрихами, показать «салон Майковых», постоянным посетителем которого был Гончаров. Но как это сделать? Известно, что это был салон богатых людей. И авторы экспозиции решили создать условный уголок салона, в котором должен быть дорогой ломберный столик, изготовленный в XVIII или в начале XIX в.в. К сожалению, в фондах Краеведческого музея такого столика не оказалось. В комиссионных магазинах также не удалось найти подходящего. Помог случай. Из Ростова на Дону пришло письмо от гражданина З. Л. Варшавского. Прочитав в газете наше обращение, он решил предложить музею имевшийся у него ломберный столик. Попавший в ростовскую семью во время Отечественной войны столик, оказался замечательным произведением прикладного искусства и был приобретён музеем. У других жителей города также было приобретено несколько нужных для экспозиции вещей.

Можно было бы продолжать перечисление поступивших в гончаровское собрание за семь лет (1975—1982) различных вещественных, изобразительных и документальных материалов. Мы назвали лишь некоторые из них, как примеры результативной научно-собирательской работы коллектива, позволившей построить экспозицию, отображающую жизнь писателя, весь его творческий путь.

³⁸Там же, с. 52, 53.

³⁹Характеристика поступивших изданий дана там же, с. 53, 54.

Постепенно, с учетом результатов музейного поиска, рождалась основная научная разработка — тематико-экспозиционный план. Успешно шла эта работа у М. Б. Ждановой, Ю. М. Алексеевой и А. В. Лобкарёвой. У них проявились способности к научной работе, интерес к литературному наследию Гончарова.

Ход работы над тематико-экспозиционным планом еженедельно обсуждался в дирекции Краеведческого музея. Заслушивался каждый научный сотрудник, ответственный за тот или другой раздел экспозиции. Выявлялись пробелы в работе, находились лучшие варианты.

Раз в две недели в дирекции рассматривались художественные решения интерьеров, экспозиционных комплексов. Зачастую возникали разногласия с художником-проектантом. В конце концов, мы приходили к «консенсусу». В результате художнику В. В. Академову удалось разработать оригинальный проект экспозиции.

Как известно, во время пожара 1864 года дом Гончаровых сильно пострадал. После пожара его приобрел и восстановил купец Юргенс. При этом дом был расширен и надстроен. Художник сумел выявить «гончаровскую» часть здания. Это позволило отразить в экспозиции особенности провинциального интерьера второй половины XVIII — начала XIX веков (деревянные дощатые полы, характерная окраска стен, своеобразная форма светильников и другое). Именно в этой части создавался экспозиционный комплекс, повествующий о детских годах писателя.

Интерьеры в «новой» части здания также создавались с учетом «места и времени». Так, в зале, посвященном петербургскому периоду жизни Гончарова (салон Майковых и др.) показано характерное для столицы великолепие интерьера: рисунчатые паркетные полы, изящные обои, портреты в богатых рамах и т. п. Эти приемы дают возможность посетителю «настроиться» на восприятие исторической среды, в которой жил и творил писатель.

Проектант успешно решил вопрос с отоплением помещения. Дело в том, что установка батарей центрального отопления в музейном интерьере, воспроизводящем старую планировку, нарушает его достоверность. С другой стороны, восстановление печного или калориферного отопления в современных условиях было бы анахронизмом. Художник нашёл выход из этого положения. Он предложил скрыть трубы отопления под полами музейных залов. Созданная конструкция обеспечивала доступ к трубам в случае аварии или их ремонта.

Приведем еще один пример удачного решения интерьеров. При входе в музей посетитель оказывался в маленьком, тесном вестибюле. Планировка экспозиционных залов не позволяла ни расширить вестибюль, ни перенести его в другую часть здания. Чтобы «сгладить» ощущение тесноты центральная стена вестибюля была полностью закрыта зеркальным стеклом и помещение «расширилось».

Дальше мне хочется немного сказать о том, как создавалась материальная база нового музея. Прежде всего, необходимо было, с учетом разработанной планировки, провести на первом этаже крайне запущенного здания ремонтно-реставрационные работы. Предстояло полностью заменить коммуникационные сети (отопление, водоснабжение, электросеть), смонтировать противопожарную и охранную сигнализацию. Требовалось выполнить большой объем общестроительных и отделочных работ. Всю эту программу можно было осуществить при наличии необходимого оборудования и материалов. Чтобы получить их у снабженцев, нужны были «дипломатические» усилия и поддержка «сверху». Нелегко было и решить вопрос о подрядчике. Ремонтно-строительные организации старались не связываться с музеями, так как выполнение работ с высоким качеством им было не выгодно. Утвержденные расценки, как правило, были рассчитаны на вал, на количественные объемы (квадратные и кубические метры). Заполучить подрядчика, даже при нормальном финансировании, удавалось только заручившись постановлением высокой партийной инстанции (обком, горком КПСС). Поэтому в проект решения обкома мы внесли соответствующие пункты. Управление снабжения облисполкома обязывалось выделить музею необходимое техническое оборудование и материалы. Согласно решения, нашим подрядчиком стало Ремонтно-реставрационное управление Горремстроя. Курировать его работу было поручено заместителю председателя горисполкома Б. А. Чеченеву.

И всё же с выполнением работ строители не торопились. У них было много более «легких» объектов. Для ускорения работы приходилось неоднократно использовать «тяжёлую артиллерию». Я приходил в кабинет первого секретаря Горкома партии А. С. Золотова и говорил ему: «Александр Семенович, требуется Ваша помощь». Он спрашивал: «Что нужно сделать?». Я в ответ: «Вам нужно побывать на объекте». Появление там Золотова оказывало «магическое» действие. На все его вопросы был один ответ: «Будет сделано!». И, действительно, происходило

заметное ускорение работы.

Сложное положение было и с изготовлением оборудования. В соответствии с упомянутым решением обкома, заказы на изготовление витрин, стендов, светильников, металлических конструкций были размещены на крупных предприятиях города. Но работа эта шла очень медленно. Оставалось несколько месяцев до намеченной даты открытия музея, а оборудование не было готово. Отдельные предприятия вообще не приступали к этой работе. Заказанные нами изделия были не стандартными и сложными по технологии. Предприятиям изготовление их было невыгодно с финансовой точки зрения, а главное — мешало выполнять план.

Пришлось в очередной раз обращаться к Золотову. В доме Гончаровых состоялась его встреча с директорами предприятий, на которых были размещены наши заказы (заводы: имени Володарского, тяжелых станков, приборостроительный; мебельное объединение). «Все ли понимают значение юбилея великого писателя? Будут ли в срок выполнены заказы?», — спросил Золотов. Все, кроме директора приборостроительного завода, ответили утвердительно. Зорин же сказал: «У меня есть вопрос». Тогда Золотов ему: «Останьтесь». И мне: «Тоже останьтесь». Произошёл «оригинальный» разговор. Золотов: «Какой у Вас вопрос?». Зорин: «Заводу поручено изготовить для музея сложные конструкции под старинное литьё. Но у нас некому их выполнять, опытные мастера ушли на пенсию». Золотов: «Учить надо молодых!». Зорин: «И делать такую сложную работу они отказываются». Золотов: «Воспитывать людей надо!». Зорин: «Будем делать, Александр Семёнович».

Разговор оказался полезным. Все предприятия выполнили заказы своевременно. Конечно, обращаться к «первым» руководителям города и области можно было в исключительных случаях, когда нависала угроза срыва работ. Повседневно же все вопросы с подрядчиком и субподрядчиками, с предприятиями, приходилось решать дирекции музея.

Создавая экспозицию, как правило, на подлинных экспонатах, у нас возникла идея изготовить «рабочую» мебель (не экспонаты) для всех помещений (вестибюль, гардероб, комнаты научных сотрудников и др.) в стиле XIX века. С таким расчетом, чтобы вся обстановка в музее соответствовала эпохе, в которую жил и творил писатель. Но осуществить этот замысел в Ульяновске не было возможности. Наши предприятия такую мебель не могли изготовить.

Но нам повезло. В министерстве культуры мне кто-то сказал, что в Ленинграде есть фабрика, где изготавливается мебель по антикварным образцам, хранящимся в музеях. Вместе с заведующей будущим музеем М. Б. Ждановой и художником В. В. Академовым я поехал в северную столицу. Оказалось, что такая фабрика действительно там есть (экспериментальная, «Интурист»). Работала она на материалах из Франции (гобелен, красное дерево и др.). Её продукция предназначалась, главным образом, для членов правительства.

Нас принял директор. Он сказал, что мебель изготавливается только по лимитам Совета министров РСФСР. В ходе разговора я обратил внимание на тот факт, что Гончаров большую часть жизни провёл в Петербурге, заметил, что в Союзе нет другого предприятия, где можно было бы разместить наш заказ. И директор согласился изготовить на фабрике нужную музею мебель, конечно, если представим лимитную справку. Справку и её финансовое обеспечение в сумме 100 тысяч рублей (по тем временам крупная сумма) удалось получить. В мае месяце 1982 года мебель нам была отгружена. Она прекрасно вписалась в интерьеры музея.

И все же, когда начался монтаж экспозиционного оборудования, без «цейтнота» не обошлось. Времени до юбилейной даты оставалось совсем мало. Открытие музея, естественно, нельзя было отложить ни на один день. На предстоявшем торжественном митинге мы попросили выступить председателя областного Совета А. М. Большова. За сутки до открытия, вместе со своим заместителем, нашим куратором — А. А. Ланковым, он посетил музейную стройку. Увидев «свалку», он сказал: «Да у вас ещё конь не валялся!». Я ему ответил, что у нас все подготовлено, к завтрашнему дню закончим монтаж.

В эту ночь сотрудники музея работали до 3 часов. 17 июня, в 16 часов, музей был торжественно открыт. Через день в «Ульяновской правде» появилась корреспонденция под названием «Гончаровский, историко-литературный». В ней, в частности, говорилось: «...Это событие, приуроченное к 170-летию со дня рождения И. А. Гончарова, готовилось несколько лет. Музейные работники, краеведы, проектанты, художники, строители, просто люди, хорошо знающие и любящие писателя, каждый вложил в создание музея частицу своей души.

И вот долгожданный день. У дома Гончарова собрались партийные, профсоюзные и комсомольские работники, преподаватели, студенты

Открытие музея И. А. Гончарова. Выступает А. М. Большов. 1982 г.

вузов, писатели, краеведы, книголюбы, общественность города.

Торжественный митинг открыл секретарь Ульяновского горкома КПСС Д. И. Баранов. Председатель облисполкома А. М. Большов поздравил всех с большим и важным событием в культурной жизни не только нашего города, но и всей страны, говорил о заслугах И. А. Гончарова перед русской литературой, о связях его с нашим краем, о не умирающей славе его творений. На митинге выступили: директор Государственного краеведческого музея М. Х. Валкин, кандидат филологических наук, доцент пединститута имени И. Н. Ульянова И. Д. Хмарский, управляющий трестом «горремстрой» В. Г. Михайлов. Разрезается красная лента. Распахнута настезь парадная дверь. Экскурсоводы ведут по музею первых посетителей ...»⁴⁰

Сохранился текст моего выступления на торжественном митинге. Думаю, что он представляет некоторый интерес, как документ, поэтому привожу его полностью:

«Дорогие товарищи ульяновцы, уважаемые гости! Сегодня мы с Вами являемся участниками крупного события в истории нашего края, в культурной жизни всей страны. Рождается музей, посвященный жизни и творчеству одного из великанов русской классической литературы.

Здесь, на нашей Симбирской — Ульяновской земле, Гончаров ро-

⁴⁰Нилина В. Гончаровский историко-литературный. «Ульяновская правда», 1982, 19 июня.

дился. Здесь увидел он многое, что позднее вошло в художественную ткань его произведений. Всю жизнь Иван Александрович поддерживал связь с родным краем, делал, что мог для его культурного обогащения.

Прогрессивные силы старого Симбирска еще в дореволюционные годы начали благородное дело популяризации творчества писателя, увековечения его памяти в родном городе. Создав первый в стране музей писателя, мы продолжили эти традиции.

Товарищи! Создание государственного музея — это плод напряженного труда многих сотен людей. Хотелось бы в эти торжественные минуты отдать должное этим людям. Научную разработку экспозиции осуществили сотрудники областного Краеведческого музея: Юлия Михайловна Алексеева, Антонина Васильевна Лобкарёва, Маргарита Борисовна Жданова, Мира Мироновна Савич. Проект художественного оформления разработан Виктором Викторовичем Академовым.

Семь лет велся всесоюзный поиск необходимых для музея экспонатов. В результате собрана коллекция уникальных памятников материальной и духовной культуры, всесторонне отражающих жизненный путь писателя, его творческий вклад в русскую и мировую литературу.

Помощь в создании музея оказали работники архивных учреждений, библиотек и музеев Ульяновска и многих регионов страны. Посылки с зарубежными изданиями произведений писателя прибыли из Венгрии, Польши, Германской демократической республики.

Большую помощь в создании материальной базы музея оказали рабочие коллективы области. Реставрацию здания осуществил коллектив Горремстроя. Экспозиционное оборудование изготавливали: заводы тяжелых станков, приборостроительный, имени Володарского, Кузоватовская фабрика объединения «Ульяновскмебель», Новоспасская бумажная фабрика, Ульяновское отделение Художественного фонда РСФСР.

Особо хочется сказать о вкладе в создание музея потомков родных и близких писателя: москвичей Нины Николаевны и Николая Борисовича Резвцовых, Владимира Владимировича Музалевского, Александры Николаевны Маркеловой, семьи Рудольф из Саранска.

В работе по созданию музея коллектив научных сотрудников опирался на поддержку и практическую помощь партийных и советских органов.

Мы надеемся, что открывающийся сегодня музей полюбят трудящи-

еся области и наши гости, что он станет одним из самых посещаемых. Мы считаем, что завершение работы по созданию музея явится для его коллектива началом не менее интересной и напряженной деятельности по пропаганде наследия великого земляка.

Пожелаем же коллективу нового музея, возникшего на великой русской реке, счастливого «плавания».

Заканчивая рассказ о том, как создавался музей Гончарова, считаю необходимым сказать, что не всё удалось сделать, чтобы музей существовал в благоприятных условиях и имел перспективы развития. К сожалению, не был решён самый важный вопрос: передача всего здания в распоряжение музея. Долгие годы на верхних этажах дома располагалась вечерняя школа. А в то же время из-за недостаточной площади музей не имел возможности пополнять экспозицию новыми материалами. Не было элементарных условий для хранения фондов и архива, а также помещения для временных выставок, для проведения конференций, ученых советов, чтения лекций и других мероприятий, связанных с изучением и популяризацией творческого наследия великого писателя.

После торжественного открытия музея у меня состоялся разговор с председателем облисполкома А. М. Большовым. Я ему поведал обо всём этом. В ответ он сказал: «Вносите предложения. Мы передадим музею полностью здание». О состоявшемся разговоре я поставил в известность вновь назначенного на должность директора Краеведческого музея, в связи с моим уходом на пенсию, И. А. Кутейникова. К сожалению, он не предпринял никаких шагов, чтобы решить этот стратегический вопрос. Предложения не были внесены, время упущено. Через несколько месяцев Большова заменил другой человек. Открывавшиеся благоприятные условия для развития музея Гончарова не были использованы.

К сказанному надо добавить, что в настоящее время, накануне 30-летия со дня открытия, музею «в аренду» передано, наконец, все здание. Предстоит огромная работа по освоению освободившихся площадей.

*

* *

Через два года после открытия музея произошло событие, которое изменило мой взгляд на весьма важные страницы биографии писателя. Речь идет о взаимоотношениях Гончарова с семьей покойного слуги

— Карла Трейгут. Как отмечалось выше, после смерти слуги он взял на себя содержание его семьи, в том числе воспитание и обучение троих детей. При этом исключительную заботу писатель проявлял о старшей девочке — Александре (Сане). Гончароведы такое отношение к ней объясняют психологией пожилого, одинокого человека и его художественной натурой. Автор этих строк разделял такую же точку зрения.

Но произошло следующее. 17 июня 1984 года в Ульяновск, на Гончаровский праздник, приехала семья Резвцовых, в том числе Нина Николаевна. 19 июня научные сотрудники навестили её в номере гостиницы «Венец». Состоялась дружественная, доверительная беседа. Мы спрашивали её о впечатлениях о Гончаровском празднике, об экспозиции музея. В ходе беседы я спросил у неё: «Почему Иван Александрович особенно заботливо относился к Сане, из детей больше любил её?». Нина Николаевна помолчала, а потом тихо сказала: «Саня его дочь». А затем она пояснила, что об этом факте ей рассказал её муж Борис Александрович (сын Сани и Александра Резвцовых, — *М. В.*). В 1919 году Саня уезжала в Москву, где в госпитале лежал раненый Борис Александрович. Провожал её А. Ф. Кони. Перед отъездом Кони сообщил Сане, что она является дочерью Гончарова и, что он может это документально засвидетельствовать. Возможно, это облегчит её жизнь в послереволюционной России. Саня поблагодарила Кони, а на его предложение ответила отказом. Сказала, что раз отец хотел сохранить это в тайне, то она не может нарушить его волю. Думаю, что после этого разговора, Кони мог уничтожить хранившиеся у него документы. Резвцовы же на протяжении десятилетий хранили эту семейную тайну.

Зная Нину Николаевну, как исключительно порядочного, благородного человека, я не сомневался в правдивости её слов. Откровение её объяснялось, по-видимому, состоянием душевного подъема, связанного с впечатлениями от Гончаровского праздника, с теплым, сердечным отношением к ней сотрудников музея.

Через несколько лет, находясь уже на пенсии, я занялся исследованием вопроса о взаимоотношениях Гончарова с семьёй Трейгут. Проанализировав известные публикации гончароведов, в особенности переписку писателя с А. Ф. Кони, а также его письма к Сане, я пришёл к выводу о безусловной правдивости сообщения Н. Н. Резвцовой. Сообщение это проливает новый свет на характер отношений писателя к Сане. Выясняется, что главной их мотивацией была забота о счастье

родного ребёнка.

Думается, что на творческую жизнь писателя, на его моральное и физическое состояние, не могли не оказывать влияние свалившиеся на него заботы и тревоги о Сане, в том числе боязнь разглашения этой сердечной тайны.

На основе проделанной аналитической работы мною была написана брошюра «Тайна великого писателя (И. А. Гончаров и А. К. Трейгут)». В 2002 году она вышла в свет.⁴¹ На эту работу в письмах ко мне положительно отозвались видные гончароведы: лауреаты Гончаровской премии Ольга Аверьяновна Демиховская и Владимир Иванович Мельник.⁴² А в 2004 году, в журнале «Мономах», напечатан отзыв кандидата филологических наук Елены Константиновны Демиховской. В отзыве, в частности, говорится, что мою работу «...следует приветствовать, как явление закономерное, открывшее необходимость нового прочтения биографии писателя».⁴³ В 2006 году вышло второе, дополненное, издание моей брошюры.⁴⁴

В цитируемом выше письме А. Д. Алексеев, в частности, писал Б. А. Резвцову следующее: «Очень благодарю Вас за любезно предоставленные фотографии. Особенную ценность из них представляет, конечно, фотография Сани <...>. При рассмотрении ее многими нашими сотрудниками невольно были высказаны суждения о некотором внешнем сходстве Саниного лица (особенно вокруг глаз) с чертами Гончарова». По-видимому, Алексеев догадывался о происхождении Сани и пытался получить подтверждение своей догадки у Резвцова. К сожалению, нам не известно, что тот отвечал на вопросы Алексеева. Думаю, что откровения не было, так как Резвцовы ревностно хранили эту семейную тайну.

*

* *

⁴¹Валкин М. Х. Тайна великого писателя (И. А. Гончаров и А. К. Трейгут). Ульяновский областной краеведческий музей им. И. А. Гончарова. Димитровград, 2002.

⁴²Фонды Краеведческого музея, инв. № 64504.

⁴³«Мономах», 2004 г., № 4. С. 49.

⁴⁴Валкин М. Х. Тайна великого писателя (И. А. Гончаров и А. К. Трейгут). Изд. второе, дополненное. Ульяновский областной краеведческий музей им. И. А. Гончарова. Издательство «Корпорация продвижения», Ульяновск, 2006.

После открытия музея прошло почти три десятилетия. За эти годы он стал вторым в стране, после Пушкинского дома (С.-Петербург), центром изучения жизни и творчества великого писателя. В залах музея всегда много посетителей. Их привлекают уникальные экспонаты и прекрасные экскурсии «огончарованных» научных сотрудников.

В 2001 году учреждена областная Гончаровская премия. Впервые она была присуждена в 2002 году коллективу заповедника «Родина В. И. Ленина». Это меня удивило: почему не музею Гончарова? И я решил задать этот вопрос губернатору. 14 мая того же года я направил Шаманову письмо следующего содержания: «Уважаемый Владимир Анатольевич! К Вам обращается бывший директор областного Краеведческого музея (с 1950 по 1982 год). В 70-е — начале 80-х годов мне пришлось руководить созданием музея Гончарова. Этот единственный в мире музей великого писателя, по мнению многих специалистов музейного дела, является одним из лучших литературных музеев России.

Благодаря активной работе коллектива, музей вышел на международный уровень, проводит научные конференции, в которых участвуют, помимо ученых стран СНГ, литературоведы из США, Японии, Германии и других. Издаваемые музеем научные труды, используются крупнейшими научными центрами, а также преподавателями вузов и школ. Музей проводит большую экскурсионную работу, научные сотрудники выступают с лекциями в учебных заведениях, на предприятиях и в учреждениях Ульяновска и области, активно участвуют в средствах массовой информации. Популярными среди жителей Ульяновска стали проводимые музеем в Киндяковской роще ежегодные Гончаровские праздники.

17 июня исполняется 20 лет со дня открытия музея. Юбилей этот совпадает со 190-летием писателя. Коллектив активно готовится к проведению юбилейных торжеств (3-я международная конференция, 24-й Гончаровский праздник и др.).

Таким образом, коллектив музея проводит большую работу по воспитанию у жителей Ульяновска и области чувства патриотизма, гордости за вклад симбирян в русскую культуру, а также по популяризации творчества Гончарова за рубежом.

Исходя из выше сказанного, вызывает крайнее удивление, что первая Гончаровская премия не была присуждена коллективу музея писателя. Думаю, что надо исправить эту досадную ошибку и вручить кол-

лективу в дни юбилея по праву заслуженную им премию.

М. Валкин, Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Письмо возымело действие. В начале 2003 года коллективу музея была вручена Гончаровская премия.

В 2012 году исполняется 200 лет со дня рождения Гончарова. Коллектив музея готовится достойно встретить этот знаменательный юбилей.

*

* *

Благодаря активной деятельности музей, почти всегда находил поддержку у руководителей партийных и советских органов. Однако, был пример, когда неразумные действия высокого руководителя едва не привели к разрушению всех экспозиций, к серьезнейшему ухудшению условий его деятельности. В 1961(?) году Д. И. Яковлев, прибывший в Ульяновск из Казахстана, стал первым секретарем обкома партии. Он оказался любителем изобразительного искусства и в один из воскресных дней пожаловал в Художественный музей. Сотрудники любезно встретили высокого гостя. В удобный момент они поведали ему о бедственном положении музея. Решение было принято немедленно: Краеведческий музей переселить за Свягу, в сдававшийся там жилой дом, в помещение предназначенное для продовольственного магазина (?!). Пришлось вести борьбу против этого бредового решения. Я заявил, что не буду его выполнять и был вызван в обком партии. Секретарь обкома «по идеологии» А. К. Маврин предупредил меня: «Положишь партбилет!». В ответ я сказал, что мою личную судьбу нельзя ставить на одни весы с судьбой музея. При всех обстоятельствах я буду решительно защищать музей: направлю телеграмму в ЦК партии и Совет министров. Ведь законом воспрещается переселение музеев из занимаемых ими зданий без разрешения правительства. Наступила пауза. Яковлев, видимо, не захотел обращать на себя внимание ЦК после имевшихся у него неприятностей в Казахстане. А вскоре его заменил другой человек и «наступление» на музей прекратилось. Следует заметить, что деятельность музея проходила в непростых условиях. Партийные и советские органы проявляли особую заботу о ленинских музеях. Им было обеспечено необходимое финансирование, материальное снабжение,

Лекторская группа. Слева направо: К. А. Кабанов, М. В. Чернов, Аралин, М. Х. Валкин

высокая, по тем временам, заработная плата сотрудников и др. А Краеведческий музей находился как бы в тени. Но, несмотря на трудные материальные условия, наш музей с 50-х годов вступил в своего рода негласное соревнование с Ульяновским филиалом Центрального музея В. И. Ленина, стараясь найти свою «нишу». Как мне представляется, это удалось. Прежде всего, мы привлекали посетителя своими экспозициями. Если в ленинском филиале с историей нашего края был связан только раздел, посвященный симбирскому периоду жизни Ленина, то в Краеведческом музее все экспозиции посвящены истории и природе родного края. Важно было и то, что наш музей вел активную работу среди местного населения. Ленинский же филиал обслуживал, главным образом, экскурсионные группы из других регионов и из-за рубежа. Филиал фактически не занимался издательской деятельностью. Отдельные его сотрудники принимали участие лишь в издаваемых книжным издательством сборниках по истории областной партийной организации. Наш же музей издавал монографии, брошюры, плакаты по краеведческой тематике. В периодической печати часто появлялись статьи сотрудников музея. Все это повышало авторитет музея, привлека-

ло к нему посетителей. Не случайно из года в год росло их число: за 1961—1965 гг. 430 тыс., за 1966—1970 — 567 тыс., за 1971—1975 — 755 тыс., за 1976—1980 — 1 млн. 03 тыс. Наши научные сотрудники постоянно оказывали методическую помощь создававшимся общественным музеям. В 1981 году их было в области уже девяносто. А два из них — Димитровградский и Сенгилеевский, получили статус муниципальных.

Думаю, что в этом повествовании необходимо рассказать и о административно—хозяйственной работе по восстановлению и развитию материальной базы музея. Прежде всего, это касается здания музея. Построенное в 1912—1916 годах, как памятник И. А. Гончарову, к пятидесятым годам прошлого столетия оно оказалось в крайне запущенном состоянии. Разрушились почти все лепные украшения. Были случаи, когда их отдельные части падали сверху, подвергая опасности проходивших мимо людей. В значительной мере была повреждена наружная штукатурка, выцвела яркая окраска фасада. Отсутствовала защитная отмостка вокруг цокольной части здания, в результате чего дождевые и талые воды проникали под фундамент. Кровля здания во многих местах была повреждена. Благодаря этому во время дождей и оттепелей имели место проливы. В аварийное состояние пришли установленные в 1914 году отопительные котлы. Вода из них зачастую вытекала прямо в грунт, под здание. В зимнюю стужу приходилось в аварийном порядке котлы ремонтировать, привлекая для этого рабочих из паровозного депо (конечно, за наличный расчет).

Серьезной проблемой являлось обеспечение музея топливом. Котельная была рассчитана на топку дровами. Приходилось их запасать в большом количестве — около 600 кубометров на сезон. Поэтому с осени и до весны весь двор музея был заставлен поленицами. Температура в здании в значительной мере зависела от породы дров (дуб, береза или осина). Следует заметить также, что в связи с началом Первой мировой войны строительные работы внутри здания не удалось завершить. Например, в первом этаже, кроме одного зала, не были настланы паркетные полы. Во дворе не успели построить складские помещения.

Большой трудностью в работе музея являлось отсутствие транспорта. В каждом отдельном случае автомашину приходилось выпрашивать в автохозяйствах. Да и платить за их услуги было затруднительно ввиду крайне ограниченного финансирования.

В первой половине пятидесятых удалось провести капитальный ре-

монта здания. Добиться этого, когда все делалось «по плану», было совсем непросто. Строительные организации занимались сооружением крупных промышленных объектов, в том числе оборонных. Я обращался в обком партии с просьбой о помощи. Мне ответили, что сейчас положение сложное и надо пока подождать. Но ждать было уже нельзя: здание разрушалось. Я задумался: что же делать в такой обстановке, что предпринять?

В Ульяновске существовал мощный строительный трест № 39. Управлял им Радишевский (не помню его имени) Это был влиятельный, в известной мере независимый в городе человек. Просьб к нему о помощи от разных организаций, особенно бюджетных, было множество. И, как правило, все он получали «от ворот поворот». Но я решил все же обратиться к нему и попытаться убедить его помочь музею. Пойти самому, как я понимал, было бесполезно. И мне пришла в голову мысль использовать для этой цели «оригинальный» способ. Я пригласил к себе двух наших симпатичных сотрудниц, рассказал им о сложившейся ситуации с ремонтом здания и попросил их пойти с письмом от музея на прием к Радишевскому. На следующий день они отправились в трест. И, представьте себе, он их принял, выслушал и на нашем письме наложил резолюцию адресованную руководителю одного из подразделений треста: «Выполнить ремонтные работы по зданию музея». По-видимому, женское обаяние сыграло свою роль.

И действительно, рабочие этого предприятия вскоре приступили к работе. Ими был приведен в порядок фасад: восстановлены лепные украшения и фигурные балясины, произведен ремонт кровли и др.

Настилку паркета в залах первого этажа также удалось произвести. Мне стало известно, что в педагогическом институте лет десять хранятся паркетные дощечки. Институт из-за отсутствия средств не мог их использовать. Мы обратились к руководству института с предложением продать нам паркет. Получили согласие и выкупили. Затем заключили договор с производственными мастерскими Ульяновского отделения общества глухонемых на настилку паркета. Их мастера прекрасно выполнили эту работу. Залы музея буквально засияли. Посетившая тогда музей заместитель председателя облисполкома Анна Ивановна Кохова воскликнула: «Я не узнаю музей. У вас стало как во дворце!». Паркетные полы и сейчас, через полвека, в хорошем состоянии.

В 60-х годах удалось решить проблему с надворными постройками.

Во дворе музея находился, построенный, по-видимому, в 30-е годы, дощатый сарай. Госпожнадзор потребовал снести его. Но нам крайне необходимо было складское помещение. Строить же новые помещения запрещалось в то время без решения высоких инстанций. Добиться такого решения было практически невозможно.

Что делать? Я пошел на нарушение. Попросил мастера-строителя подготовить смету якобы на капитальный ремонт сарая. В смете он предусмотрел «замену дощатых стен на кирпичные, замену дощатой кровли на бетонные плиты и т. п.». Таким образом, под видом капитального ремонта удалось осуществить новое строительство. Позднее таким же способом вместо «временки» был построен кирпичный гараж. Конечно, за это меня могли строго наказать. Но, другого выхода не было. Приходилось рисковать.

Одним из узких мест в работе музея, как говорилось выше, было отсутствие транспорта. В начале 50-х годов, в связи с переходом директора городского парка в Художественный музей на должность директора, мне удалось убедить его передать нам имевшуюся в парке грузовую машину («полуторку»). Это намного облегчило работу хозяйственной части. Но для научных экспедиций, организации передвижных выставок, чтения сотрудниками лекций на селе, требовалась более комфортабельная и приспособленная для наших дорог, машина типа ГАЗ-69 («газик»).

И мне пришла мысль использовать для достижения этой цели открывшуюся в музее промышленную выставку (о ней выше шла речь). Автозавод представил на неё «газик» в экспортном исполнении. Прошло несколько месяцев, наступил декабрь. Мы получили письмо от директора завода с просьбой вернуть машину «в связи с окончанием финансового года». Возвращать машину мы, конечно, не хотели. И я направил письмо председателю Совнархоза Власову о том, что, автомобиль не может быть возвращен заводу, так как является центральным экспонатом выставки. Но, учитывая, что оканчивается финансовый год, музей согласен возместить его стоимость. Власов оказался человеком умным и неравнодушным к культуре. На нашем письме появилась резолюция: «Продать машину музею». И мы получили так необходимый нам автомобиль высокой проходимости.

Следующий эпизод из нашей «дипломатии» связан также с автомашиной. Но если выше шла речь о том, как удалось её получить, то здесь

— как сохранить. В один «прекрасный» день вышло постановление правительства о передаче ведомственного транспорта из мелких, в крупные автохозяйства. В список машин подлежащих передаче облисполком включил и наш газик.

За исполнением постановления строго следил обком партии. Непосредственно этим занимался второй секретарь Владимир Петрович Васильев. Сделаю небольшое отступление. В 50-х годах Васильев работал в обкоме в должности заведующего отделом пропаганды. Этот отдел курировал все «идеологические» учреждения: образование, здравоохранение, спорт, в том числе и культуру. Как член партии, историк по образованию, я был включен в группу внештатных лекторов. Лекции приходилось читать в основном в сельской местности. В 1952 году я читал лекции в Кузоватовском районе. Последняя лекция состоялась в клубе села Коромысловка. Когда я уже собрался уезжать, ко мне подошли руководители села: секретарь парторганизации, председатели колхоза и сельского совета. Они поблагодарили меня и пригласили принять участие в колхозном празднике «День урожая». Я сказал «Спасибо, но мне некогда, я тороплюсь». Мы вас очень просим остаться, хотя бы на несколько минут, — продолжали они. Если Вы не подойдете к праздничному столу, на Вас обидятся колхозники». Я тогда спросил: «А о Вашем празднике в райкоме знают?». Они ответили, что обещал приехать сам первый секретарь райкома Борисов, но заболел. И я согласился зайти в избу, где справляла праздник одна из бригад колхоза. Там были накрыты столы. Я присел и мне подали рюмку водки. Председатель колхоза произнес тост: «За здоровье товарища Сталина!». Я выпил, поблагодарил и поднялся из-за стола. Меня проводили к машине и я поехал в Кузоватово. По тогдашним установкам надо было обязательно поставить в известность райком «о проделанной работе». Приехав в Кузоватово, зашел в отдел пропаганды и рассказал где и сколько прочитал лекций. Попутно заметил, что в Коромысловке попал на праздник урожая. Заведующий отделом Шиндин сказал мне сухо: «Мы не знаем ни о каком таком празднике». У меня возникло неприятное ощущение, но я не придал особого значения его фразе.

Прошло недели три и в моем кабинете раздался звонок телефона. Услышал голос В. П. Васильева. «Как поживаешь, как дела?», — спросил он. Отвечаю: «Все вроде нормально». Он: «Есть разговор, зайди завтра с утра».

Когда я пришел в обком, Васильев снова спросил, как идут дела, что нового. А потом, как бы невзначай: «На селе лекции читаешь?» «Да, недавно был в Кузоватовском районе», — ответил я. И рассказал, как прошли лекции, упомянул о «празднике» в Коромысловке. Выслушав меня, Васильев сказал: «Эх ты зеленый, попал как кур во щип. Разве можно вести себя на селе так неосмотрительно, давать повод для обвинения в чем угодно областных работников?! Пусть это будет тебе уроком на будущее».

Я успокоился, подумал, что этим разговором все закончилось. Но оказалось, что это не совсем так. Васильев позвонил в облкультпросветотдел, секретарю парторганизации Лытыкову и поручил рассмотреть мое поведение на партсобрании. Состоялось собрание. Участники собрания хорошо знали, какой я «пьяница» и не поддержали предложение Лытыкова объявить мне выговор. Было принято решение «ограничиться обсуждением». Таким образом, эпизод когда я, как сказал Васильев, попал как «кур во щип», кончился для меня благополучно.

Позднее я выяснил, что разговор у Васильева произошел после пленума обкома, посвященного борьбе с алкоголизмом. В докладе первого секретаря А. П. Бочкарева подвергся критике в этом плане Кузоватовский район. Выступивший в прениях первый секретарь Кузоватовского райкома Борисов признал критику правильной, рассказал о намеченных мероприятиях. В заключение он заметил, что областные работники мало помогают в этой работе, а иногда и сами принимают участие в пьянках. Бочкарев остановил выступавшего и спросил: «Скажи конкретно, кого ты имеешь ввиду?». Борисов ответил: «Недавно в Коромысловке, в колхозе, организовали пьянку под видом праздника урожая, при этом незаконно зарезали двух свиней. В это время там находился внештатный лектор обкома, директор Краеведческого музея Валкин. Вместо того, чтобы вмешаться и прекратить пьянку, он сам принял в ней участие». Так возникло против меня «персональное дело».

Но вернемся к сюжету об автотранспорте. Я решил попытаться отстоять машину, используя запланированную нам поставку передвижного планетария (небольшая, примитивная установка). Мы послали телеграмму в Краснодар, на завод: «... в связи с ленинскими днями (приближалось 22 апреля) музей активизирует работу на селе, поэтому просим ускорить отгрузку планетария». Буквально через несколько дней мы получили железнодорожную квитанцию на отгруженный в наш ад-

рес планетарий. С этой квитанцией я отправился в обком. Васильева я встретил на пороге его кабинета, в пальто. Зная меня лично, он спросил: «Ты, что ко мне, насчет машины?». Я ответил: «Нет, Владимир Петрович, я насчет планетария». Тогда он вернулся в кабинет и выслушал меня.

Я сказал, что, вот, мол, получаем планетарий, появляется возможность использовать его в работе среди сельского населения. «Очень хорошо», — заметил Васильев. «Хорошо-то хорошо, — ответил я, — но не на чем будет его возить, ведь машину у нас забираете». «Будете брать машину в автохозяйстве», — сказал он. «У музея крайне ограниченные финансовые средства, — ответил я. Да и в условиях нехватки машин, их, в первую очередь, будут получать «богатые» организации (торговые и промышленные предприятия)». И продолжал: «До революции музеям помогали помещики и купцы. Думаю, что Вас никто не осудит, если поможете музею». Он посмотрел на меня, улыбнулся и сказал: «Ну, ладно, давайте Ваше письмо». А письма-то у меня не было. Тогда я подаю железнодорожную квитанцию. На ней он написал: «т. Еремину (в то время зам. зав. промышленным отделом). Решить положительно. В. Васильев». Я возвратился в музей, написал письмо и пошел к Еремину. Тот отметил в списке, что машина нам оставлена и вернул мне письмо и квитанцию.

Но на этом, однако, дело не кончилось. В облфо успели закрыть ассигнования на содержание машины и шофера. Пришлось идти туда и вести разговор с начальником бюджетного отдела Е. А. Поддубской — дамой «с характером...». Она заявила, что «резолуция секретаря обкома для облфо не имеет значения. Решить оставить вам машину или нет, может только председатель облисполкома И. М. Серегин».

Я встал в тупик. Васильев решил положительно, а если Серегин с ним не согласится? Обращаться, в этом случае, к Васильеву было бы бесполезно. Но, что делать, пришлось идти к Серегину. Подошел я к дверям его кабинета и стал в раздумье. Вдруг дверь кабинета открылась и выходит сам хозяин кабинета. Увидел меня и спрашивает: «Ты что стоишь здесь?». Отвечаю: «Думаю, зайти к Вам или воздержаться...». Он: «Почему так?». Я: «Не знаю, какое сегодня у Вас настроение». Серегин рассмеялся и спросил: «Ну, в чем дело?». Я пояснил. «Пойди в облфо, — сказал он, — и сообщи, что они дураки: все мы работаем под руководством партии». Я вернулся к Поддубской и повторил,

слово в слово, фразу, сказанную Серегиним. Она была ошарашена и спросила: «Неужели, так и сказал?..». Через несколько дней в областное управление культуры поступило извещение о восстановлении закрытых нам кредитов на содержание автотранспорта.

Как выше я писал, отопительная система в здании музея находилась в аварийном состоянии, ввиду полной изношенности котлов. Из этого положения было два выхода. Первый — это заниматься приобретением котлов, их установкой, заменой труб и продолжать ежегодно заботиться о заготовке топлива. Второй — добиваться подвода к музею теплотрассы. Я пришел к выводу, что единственно верным будет второе решение и начал добиваться его осуществления.

В середине 60-х годов обратился в городской Совет, к заместителю председателя И. Я. Яковлеву. Последовал ответ: «Вы представляете областную организацию. Причем здесь мы? Идите в областное управление культуры». Идти в управление культуры не было смысла. Единственно, что мог сделать его начальник, это обращаться в вышестоящие органы. Но, будучи загруженным текущей работой, он не имел возможности настойчиво и целеустремленно этим заниматься. И я решил действовать самостоятельно.

Пошел к, ставшему уже председателем облисполкома, В. П. Васильеву. Он сказал мне: «Поднимись на этаж выше (облисполком размещался на втором этаже, на третьем — обком партии, в здании на площади Ленина, — *М. В.*). Строительными организациями руководит обком партии». Конечно, такой серьезный вопрос, как строительство теплотрассы, в обкоме мог решить только первый секретарь. Я задумался: как дальше действовать? Идти на прием к «первому» — А. А. Скочиллову, было рискованно. Человек он был, в известном смысле, непредсказуемый. Попадешь под плохое настроение — неизвестно, чем это может кончиться. И я решил написать Скочиллову письмо. В письме обрисовал положение с отоплением, указал к кому ранее обращался и попросил его оказать помощь в подведении к музею теплотрассы. Последовала резолюция в адрес второго секретаря обкома: «т. Кузнецову. Прошу решить положительно. А. Скочиллов».

Прошло около двух месяцев. Кузнецов молчал. Тогда я написал ему письмо следующего содержания: «... Мы обращались к первому секретарю обкома т. Скочиллову с просьбой оказать помощь в подведении к зданию музея теплотрассы. Письмо было направлено в Ваш адрес

с положительной резолюцией. Однако, вопрос не решается». Тем временем, я уехал на несколько дней в командировку. Как только появился в музее, мне сообщили, что звонил помощник Кузнецова и сказал, чтобы такие письма больше не писали. При этом он поставил в известность, что нам определен подрядчик — трест «Волгосантехмонтаж» и в качестве куратора стройки выделен инструктор строительного отдела обкома Ю. А. Аквилянов. Это было залогом успеха.

И все же со стройкой шло не так просто, как мне вначале казалось. Приближалась зима, но строители не торопились, у них и без музея было много работы. Создавалась угроза срыва стройки, так как рабочих стали систематически снимать с нашего объекта.

Тогда я решился на рискованный шаг. Попросил сварщиков (за «премию») разрезать наши котлы и тем вынудить трест принимать срочные меры, чтобы не оставить музей в зиму без отопления. Котлы разрезали. Затем я позвонил управляющему трестом М. В. Каплану. И обратил его внимание на неудовлетворительный ход стройки. Он ответил мне, что «страшного ничего нет, ведь у вас имеются отопительные котлы». Я ему в ответ: «Котлов уже нет, их разрезали». Каплан срочно приехал к нам. Посыпались вопросы к рабочим: «Почему разрезали? Кто дал указание?». Рабочие отвечали: «Не помним, кто-то из мастеров...». Волей-неволей строителям пришлось по-настоящему взяться за работу. 7 ноября в музей пришло тепло. «Победа!», сказал я себе.

Таких «побед» на хозяйственном «фронте» было немало. Это и капитальный ремонт здания, и изготовление оборудования для создававшихся филиалов и новых экспозиций, в том числе эпопея с размещением заказов для музея Гончарова. В условиях того времени все приходилось «выбивать, доставать». Современному читателю, наверное, не просто это представить, понять.

В связи с увеличением объема работы, созданием филиалов, новых экспозиций и выставок (об этом выше сказано), росли штаты музея. Если в 1950 году в музее работало 11 человек, то в 1982 свыше 100. Конечно, это не происходило стихийно. Приходилось писать письма в министерство культуры федерации, бывать на приеме у его руководителей, убеждать, доказывать необходимость увеличения штатов. Как правило, это удавалось в канун революционных праздников, важных общесоюзных политических мероприятий, юбилеев и т. п.

Я ПЕНСИОНЕР, НО ПРОДОЛЖАЮ РАБОТАТЬ

Выше я писал, что в музее сложился дружный, работоспособный коллектив. Каждый сотрудник, по мере сил и способностей, вносил вклад в общее дело. В своей предыдущей работе я их всех назвал и поблагодарил.⁴⁵ Работа коллектива отмечалась различными наградами (знаменами, выпелами, почетными грамотами и др.). Ряд сотрудников были удостоены правительственных наград. Мне было присвоено звание заслуженного работника культуры РФ.

В июле месяце 1982 года я подал заявление об уходе на пенсию. Мне была назначена персональная республиканская пенсия. Это меня, с одной стороны, радовало. Ведь зарплата моя была низкая, а в семье возникли серьезные проблемы. Подросли дети, необходимо было помочь им «стать на ноги».

Приходилось учитывать и ухудшившееся состояние здоровья, появление грозных заболеваний (глаукома, аденома простаты и др.). Все это требовало значительных финансовых затрат. Будучи же персональным пенсионером, я имел право на работу и льготное медицинское обслуживание, что, конечно, намного улучшало мое материальное положение.

С другой стороны, согласно действовавшим тогда законам, уходя на персональную пенсию, я не мог оставаться в музее на должности директора. Конечно, мне очень не хотелось уходить из музея, тем более, что сотрудники настойчиво просили меня не увольняться. В обкоме партии мне предлагали остаться в музее на должности заместителя директора по научной работе. Но я считал, что коллектив будет по-прежнему относиться ко мне как к руководителю. Вновь же назначенный на должность директора амбициозный комсомольский работник, вообще не имел опыта музейной работы. Поэтому, как представлялось мне, неизбежны были бы конфликты. И я отказался от этого предложения. Меня очень тепло проводили сотрудники музея, а также руководители учреждений культуры, преподаватели вузов, представители партийных и советских органов. Прислал поздравление и подарок директор передового в области совхоза им. Крупской Герой социалистического

⁴⁵Валкин М. Х. О работе коллектива музея в 1950—1980 годах. Музей вчера, сегодня, всегда. Страницы истории Ульяновского областного Краеведческого музея имени И. А. Гончарова. Ульяновск, 2005, с. 96, 97.

В день юбилея у здания Краеведческого музея

труда М. Н. Костин (1931—1988). Совхозу я помогал создавать музей. Встречая меня, Костин обычно предлагал пообедать, выпить рюмку. Я всегда отказывался. И однажды он заметил: «Никто из гостей никогда не отказывался посидеть у нас за столом...».

Через несколько дней после проводов меня пригласил к себе секретарь обкома партии В. Н. Сверкалов. Он сказал, что освободилось место заведующего Ленинской картинной галереей (филиал областного Художественного музея). Мы можем тебя туда рекомендовать. Я сказал, что подумаю.

Мне не очень хотелось там работать. Во-первых, я ведь не искусствовед, а историк по образованию. Во-вторых, директор Художественного музея, как мой будущий начальник, совсем меня не устраивал. Он почти каждый день был «под хмельком» и, на мой взгляд, его больше чем работа, интересовали встречи с «друзьями», даже в рабочее время. В таком положении трудно решать производственные вопросы. Побывав в Галерее, я убедился, что вопросов таких там немало.

И все же я согласился пойти в Галерею, так как в городе ничего другого не было, где я мог бы работать по специальности. Работу в филиале Центрального музея В. И. Ленина мне не предлагали, там не было вакантных мест.

В октябре 1982 года я был назначен заведующим Галереей. Музей

этот торжественно открылся в 1970 году, к столетию со дня рождения Ленина. Но после открытия никто из руководителей не интересовался его состоянием. Между тем, в деятельности музея имели место серьезные недостатки.

В Галерее, помимо работ, посвященных ленинской теме, большая часть произведений живописи и скульптуры была связана с историей советского периода вообще. После 1970 года эта экспозиция почти не пополнялась новыми произведениями.

Особенную тревогу вызывало состояние здания и коммуникаций. Галерея размещалась в бывшем особняке барона фон Штемпеля. Он построен в 1905 году по проекту архитектора А. А. Шодэ. Здание, в результате халатного к нему отношения, разрушалось. Имевшиеся на фасаде лепные украшения падали на землю. Во многих местах была повреждена кровля. Система отопления не обеспечивала нормальную температуру: зимой не выше 11—12 градусов. Не было и нормального освещения залов, так как не выдерживала электропроводка. В некоторых залах не были завершены работы по настилке паркета. В музее не было даже гардероба — посетители сами вешали одежду под лестницей.

Я обратился за помощью в решении этих вопросов в областное управление культуры. Но на мою докладную реакции не было. Руководители управления С. И. Акимов и Л. В. Москвитина занимались в это время внутренними «разборками»... С вступлением Г. В. Колбина на пост первого секретаря обкома, они были им сняты с работы. По моему мнению, вполне «заслуженно».

Исправить сложившееся в Галерее положение помог случай. Однажды вечером мне позвонил заместитель председателя облисполкома А. А. Ланков и попросил на следующий день, во вторник, то есть в наш выходной день, быть в галерее с экскурсоводом. Приехавший в город, заведующий орготделом ЦК КПСС Е. К. Лигачев, сказал он, посетит Дом-музей В. И. Ленина и, возможно, захочет посмотреть Галерею.

Поздно вечером мне удалось созвониться с научным сотрудником галереи Е. Шаталиной и попросил её с утра выйти на работу.

Та согласилась, но сказала, что у неё нет подходящей одежды: все в стирке и, что она может прийти только в брюках. Такое заявление было не очень мне приятно. Брюки на женщинах только входили в моду и начальство относилось к этому неодобрительно. Но выхода не было и я сказал: «приходите в брюках».

На следующий день мы с ней вышли на работу и до самого вечера ждали высокого гостя. Наконец, увидели подходящую к галерее группу людей. Один из них подошел к нам и представился: «Моя фамилия Лигачев, я приехал в Ульяновск по поручению ЦК. Можно мне посмотреть Галерею?». Я ответил: «Что за вопрос, конечно. Мы Вас ждали. Как Вы будете смотреть? Сами или с экскурсоводом?». «Лучше с экскурсоводом», — ответил он. Где-то в течение сорока минут он осмотрел экспозицию и остался очень доволен. Перед уходом Лигачев обратился ко

Справа налево: А. М. Большов, А. И. Томуль, Е. К. Лигачев, Г. И. Колбин

мне с вопросом: «Как посещают галерею руководители?». Я ответил, что посещают. И сегодня вот пришли с Вами. Он улыбнулся, а затем спросил: «А скажите, какие у вас есть проблемы?». Я решил воспользоваться этим вопросом и довольно подробно рассказал о состоянии галереи. Он внимательно выслушал меня, а затем обернулся к председателю облисполкома А. М. Большову и сказал: «Надо помочь музею». Г. В. Колбин, которого Лигачев должен был от имени ЦК рекомендовать пленуму обкома на должность первого секретаря, стоял несколько по-

одадь и слушал.

Конечно, мой разговор с Лигачевым руководителям области не понравился. Вечером мне позвонил А. А. Ланков и сказал: «Ну-ка расскажи, что ты там наговорил Лигачеву? Почему не обратился к нам?». Я ему изложил суть дела, сказал, что обращался в управление культуры, но там не реагировали. И заметил, что Лигачев сам меня спросил о проблемах музея и я не мог его обманывать.

Вскоре было принято решение бюро обкома партии, обязавшее один из оборонных заводов произвести в галерее необходимые ремонтно-реставрационные работы. Решение было выполнено. Таким образом, посещение музея высокопоставленным работником ЦК помогло коренным образом улучшить его материальную базу. При этом, следует заметить, что за многие годы моей работы высокие руководители, посещавшие музеи, не интересовались условиями их работы. Приятным исключением был визит Лигачева.

В галерее я работал четыре года. Осенью 1986 года меня вызвал секретарь обкома партии В. Н. Сверкалов и предложил перейти в создававшийся в Ульяновске историко-мемориальный заповедник «Родина В. И. Ленина». Там нужен был сотрудник, имеющий опыт музейной работы. Я согласился и был назначен заведующим сектором музеефикации. Задачей сектора являлась подготовка научных сотрудников для работы во вновь создаваемых в составе заповедника музеев, разработка концепций, тематико-экспозиционных планов и другой научной документации, а также для их реализации.

Новая моя работа начиналась в сложной обстановке. Директором заповедника был утвержден бывший инструктор обкома партии А. И. Верняков. Он готовился к уходу на персональную пенсию и поэтому боялся лишней раз беспокоить начальство, настаивать на решении каких-либо вопросов. Опыта музейной работы у него не было никакого.

В заповеднике, на мой взгляд, имел странное положение заместитель директора по научной работе. Занимавшая эту должность В. В. Преснякова была лишена права осуществлять научное руководство реставрационными работами. Ими руководил, подчинявшийся непосредственно директору, имевшийся в штате, главный архитектор. Пресняковой было поручено заниматься работой по созданию будущих музеев и выполнением отдельных заданий директора. У нее не было серьезной практики научно-экспозиционной работы. В Ульяновском

филиале центрального музея Ленина, откуда она была переведена в заповедник, она, главным образом, выполняла обязанности экскурсовода для «важных» гостей. В этом отношении надо отдать должное: у нее была хорошая дикция. Но назначение Пресняковой на должность научного руководителя заповедника было, на мой взгляд, ошибкой. Серьезно вести эту работу она была не способна: не позволял ограниченный кругозор, неуравновешенный характер. Вспоминаю такой случай. Однажды, проходя по коридору, я встретил сотрудников, несших стенды передвижной выставки, посвященной деятельности И. Н. Ульянова. Я обратил внимание, что выставка пришла в ветхость и пошутил: «Её пора уже сжечь!». В это время ко мне зашел краевед Ж. А. Трофимов. Мы с ним беседуем. Вдруг резко раскрывается дверь, в комнату вбегает Преснякова и громким голосом учиняет мне разнос: «Как Вы смели сказать, что выставку надо сжечь?!». Я спокойно ответил, что закончу разговор и все объясню.

После ухода дамы Трофимов удивленно спросил: «Что с ней?». «С ней и не такое бывает», – ответил я. Вообще ко мне она относилась не особенно доброжелательно. Ей было неприятно, что научные сотрудники зачастую за советом по работе шли не к ней, а ко мне.

За восемь лет работы в заповеднике (1986—1994) удалось обеспечить разработку научной документации и провести необходимую собирательскую работу для создания экспозиций трех музеев: «Симбирская классическая гимназия», «Симбирская чувашская учительская школа» и «Метеорологическая станция Симбирска».

Основные положения концепции музея гимназии рассматривались в обкоме партии. В ходе обсуждения первый секретарь обкома Самсонов усомнился в необходимости восстановления в актовом зале галереи портретов царских особ. Он предложил поместить там портреты учителей гимназии. Я попросил слова и сказал: «Ведь эти портреты постоянно находились в зале, их видели гимназисты, в том числе и братья Ульяновы. Но это не помешало им стать революционерами. Думаю, что портреты не повлияют и на мировоззрение посетителей музея. В мемориальной зоне мы обязаны как можно достовернее воссоздать интерьер. Недопустима любая фальсификация». Самсонов ответил: «В таком случае, давайте обсудим этот вопрос на бюро обкома». Тем временем, к власти пришел другой партийный руководитель и он уже не возражал против восстановления портретной галереи.

В разработке документации и создании экспозиции гимназии активное участие принимала старший научный сотрудник, впоследствии заведующая этим музеем, Ирина Федоровна Макеева. СобираТЕЛЬскую работу для воссоздания физического кабинета гимназии провел научный сотрудник заповедника Виктор Николаевич Ходорович. Я также принимал участие в музейном поиске. В частности, мне удалось разыскать редкие экспонаты: механическое пианино и физгармонию. Они были приобретены заповедником. С удовлетворением можно отметить, что разработанная концепция музея гимназии успешно реализована. Достоверно восстановлены интерьеры седьмого и восьмого классов, актового зала, физического кабинета, рекреации, а также шинельной.

Содержание документации и результаты музейного поиска для создававшихся музеев подробно описаны мною в печатных работах.⁴⁶

Помимо вопросов музеефикации мне пришлось заниматься издательской работой. Дело в том, что заповедник, являясь научным учреждением республиканского значения, не издавал никаких печатных работ. Посчитав такое положение не нормальным, я обратился в дирекцию с предложением начать издавать научный сборник. В необходимости такого издания пришлось долго убеждать руководителей заповедника. Между прочим, Преснякова как-то мне сказала, что заповедник является не научным, а культурно-просветительным учреждением, и поэтому сборника издавать не нужно. В конце концов, Зубов разрешил мне заняться подготовкой сборника. Я сообщил краеведам о предстоящем издании. Вскоре стали поступать рукописи и я начал их редактировать. Сборнику нужно было придумать название. Остановился на «Симбирский вестник». На обложке решил поместить дореволюционный герб Симбирска. Думаю, что в советский период такое было бы невозможно. Позднее этот герб стал для Ульяновска официальным, вернулся на «свое место». В сборнике поместил сведения об авторах и их фотографии. В ульяновских изданиях раньше это было не принято. Сборник объемом 13 печатных листов вышел в свет в 1993 году тиражом 2000 экземпляров.⁴⁷ Затем я подготовил второй выпуск. Он издан

⁴⁶Валкин М. Х. Музей «Симбирская классическая гимназия» (из истории создания). В сб. Государственный историко-мемориальный заповедник «Родина В. И. Ленина». Материалы второй научной конференции, посвященной ученому и краеведу С. Л. Сытину. Ульяновск, 2004, с. 218—228. Валкин М. Х. Музей «Симбирская чувашская учительская школа». Ульяновск, 2006.

⁴⁷Симбирский вестник. Историко-краеведческий сборник. Вып.1, Ульяновск, 1993.

в 1994 году таким же тиражом и объемом. В двух сборниках помещены 33 научные статьи ульяновских краеведов. «Симбирский вестник» продолжает выходить и в настоящее время.

В 1994 году я уволился из заповедника, но продолжаю понемногу работать в домашних условиях.

ЧАСТЬ II

О СЕМЬЕ, О МИРНОЙ ЖИЗНИ, О ВОЙНЕ

Детство и юность

Отец мой — Хацкель Исаевич Валкин родился в 1876 году в Белоруссии, в городе Кричеве. В раннем детстве я с ним побывал в этом городе. Там в то время жила сестра отца с мужем и двумя взрослыми сыновьями. Нас приняли тепло. Но пребывание у них омрачилось болезнью отца. Его положили в больницу и мне, ребенку, было одиноко, тревожно. Недели через две отца выписали из больницы и вскоре мы уехали домой.

В Кричеве протекает река Сож, приток Днепра. Тогда она была широкой, полноводной и мне на всю жизнь запомнились водные просторы. Больше я с родными из Кричева никогда не встречался и, к сожалению, ничего не знаю об их судьбе.

Отец был высокий, стройный, у него были черные волосы, усы, большие серые глаза. На него очень похожи мой младший сын Юра и его сын Илья (мой младший внук). Дедушка мой по отцу был извозчиком («балагулой»). Дедушек и бабушек, как со стороны отца, так и матери, я никогда не видел. К моменту моего рождения их уже не было на свете.

Отец сумел получить начальное образование. Он участвовал в русско-японской войне. Сохранилась его фотография в форме кавалериста. Иногда он рассказывал о войне, упоминал город Мукден, китайцев, «сильные морозы», «ханжу» (китайскую водку). Проходя военную службу, он какое-то время состоял в музыкантской команде, где научился нотной грамоте.

В 1906 году, по возвращении с войны, отец познакомился с будущей моей матерью в Самолюбове (близ г. Рославля, Смоленской об-

Валкин Х. И. (стоит). 1905 г., Дальний восток

ласти). Произошло это, по-видимому, в семье её старшей сестры Рони, где мать несколько лет жила, помогая ей по хозяйству.

Мать звали Софьей Лазаревной (отец звал ее Соней). Родилась она в 1886 году, вероятно в деревне Максимовке, Хиславичской волости, Смоленской губернии, в еврейской семье. Фамилия ее родителей, как мне помнится, была Ганкины. Мать говорила, что жили они очень бедно. Только Роня выбилась из нужды, выйдя замуж за более или менее состоятельного человека. Я ее видел в старости. Ниже я об этом расскажу.

Мать была красивой: рост средний, правильные черты светлого лица, черные волнистые волосы, собранные сзади металлическими шпильками. Образование у нее, также как и у отца, было начальное. Мать прекрасно, без акцента, говорила по-русски. Она старалась соблюдать религиозные обряды. Отец допускал нарушения в этом отно-

шении: кушал, в частности, свинину, любил иногда с друзьями или знакомыми выпить немного водки (чаще самогона), поговорить по душам. В то же время я помню несколько случаев, когда в Хиславичах он посещал синагогу. А однажды, когда мне было лет десять, взял меня туда с собой. Правда, детали молитвенного обряда у меня в памяти не отложилось.

После женитьбы, вероятно в 1907 году, молодые поехали искать счастья в город Одессу. Там отец устроился чернорабочим на химический завод. Он рассказывал, что катал на заводской территории большие бочки (возможно краски). Одновременно, по вечерам, он немного подрабатывал, играя в каком-то духовом оркестре. Может быть даже в оперном театре. Отец иногда упоминал названия опер, в частности «Аиду».

В Одессе родилась моя сестра, но прожила она несколько месяцев. По какой причине это произошло, не знаю. Имя ее также мне не известно. Это был первый удар на трагическом пути нашей семьи.

В Одессе же родились мои братья: Лазарь в 1908 году и Лёва — в 1910. В Хиславичах, в доме родителей, в черной багетной раме, висела одесская фотография семьи. На фотографии: стоит отец, возле него сидит мать, на руках у нее Лёва, рядом Лазарь.

Кажется, в 1911 году с отцом случилось несчастье. Он попал левой рукой в машину и ему ампутировали ее до локтя. Так, в 35 лет он стал инвалидом. Не знаю, была ли назначена ему какая-либо пенсия. Но точно знаю, что после революции он пенсии не получал. В Одессе рабочему-инвалиду делать было нечего, и отец с матерью решили поехать в деревню, к Ганкиным. Но прожили они там, я думаю, не долго.

Я кое-что помню примерно с 1925 года. Мы жили тогда в селе Кожуховичи, километрах в 15 от Хиславич. Там я и родился 31 июля 1922 года. Отец в это время заведовал водяной мельницей, принадлежавшей частному владельцу, который жил в белорусском городе Мстиславле, километрах в тридцати от нашего села. Он появлялся от времени до времени, чтобы проверить состояние дел на мельнице.

В деревянном доме, где мы жили, имелась комната для хозяина. Когда он приезжал, в ящике письменного стола я видел маленький пистолет типа «Браунинг», который мне очень хотелось взять в руки. Помню, что хозяин как-то угостил меня неведомыми до этого консервами — шпротами. Они показались мне необыкновенно вкусными.

Кажется, в 1925 году хозяин уволил отца, возможно, в связи с предстоявшей реквизицией мельницы. Тогда семья переехала в маленькую деревеньку, которая называлась Мурашки. Она находилась километрах в семи от Кожухович. Там отец купил крестьянскую избу. Это была обычная деревянная хата, крытая соломой. Вход в неё был через сени (своего рода холодный коридор). Налево — кладовая, направо — дверь в избу, одну большую комнату. При входе, слева русская печь, на которой я иногда спал в зимнее время. Под печью зимой жили куры. Запомнился мне случай, когда в избу принесли только что родившегося теленка. Был у нас черный котёнок. Горем стала для меня его болезнь, а затем смерть. Неописуемый страх охватывал меня, когда возле дома, в сарае, резали домашних животных.

Периодически была у нас корова, иногда лошадь. Это, по-видимому, зависело от наличия кормов. Был также небольшой огород возле дома и участок земли в поле. На огороде сажали только картофель, капусту и, возможно, морковь и свеклу. Не помню, чтобы к столу подавались какие либо другие овощи (огурцы, помидоры и т. п.).

В деревне мы были единственной еврейской семьей. Отношения с жителями сложились нормальные. Жили мы бедно, но родители не были лишены чувства юмора. Нередко причиной веселого смеха, раздававшегося в нашей избе, были мои шалости. Помню, когда мне было года четыре, я накидывал на себя мамину шаль и, расхаживая, «молился», произнося на иврите несколько непонятных мне фраз. Это вызывало оживление, смех у родителей и присутствовавших при этом односельчан.

Отец, поселившись в деревне, надеялся обеспечить семью, занимаясь сельским хозяйством. Но надежды эти не оправдались. Обрабатывать землю было некому. Он — инвалид, мать занята работой по дому. А старшие сыновья учились в девятилетке в Хиславичах, в двадцати километрах от нашей деревни. Жили они на частной квартире, питались плохо, так как у родителей не было достатка. Семья жила надеждами: вот выучатся дети и все наладится...

По рассказам родителей и отзывам людей, знавших моего старшего брата Лазаря, можно заключить, что это был незаурядный юноша. Он был среднего роста, с привлекательной внешностью. Характер выдержанный, спокойный. Был очень трудолюбив, аккуратен, скромнен. Играл на скрипке, писал стихи. Учился прекрасно. В 1927 году с отличием

окончил школу.

Не знаю, в каком месяце того года Лазарь поехал с мурашкинскими крестьянами в Хиславичи, кажется, получать свидетельство об окончании школы. На обратном пути подводы остановились у кузницы, где крестьяне решили поточить купленные на базаре топоры. Лазаря попросили покрутить точило. Он старался изо всех сил («до седьмого по-та»). Когда же подводы поехали, погода испортилась, солнце скрылось, подул северный ветер, пошёл сильный, холодный дождь. Приехал Лазарь домой заочневший (ехал в одной сатиновой сорочке, без пиджака). Бани у нас не было своей, согреть его по-настоящему не удалось. В результате началось скоротечное воспаление легких. Несколько дней он лежал дома. Помню, как мама дала Лазарю ложечку молока, но он не смог его выпить: кровь хлынула из горла. Это меня, пятилетнего ребенка, сильно испугало.

Через две недели семью постигло самое ужасное — Лазарь скончался в Хиславичской больнице. Он был похоронен в Хиславичах, на еврейском кладбище (во время оккупации кладбище было уничтожено). Смерть Лазаря нанесла родителям страшнейший удар. Мать сильно постарела. Часто, когда в доме никого не было, садилась в сторонке и плакала.

В моей памяти мать-это человек необыкновенной доброты. Для детей она старалась сделать все возможное, ущемляя во всем себя, начиная от еды и кончая одеждой. Помню момент, когда в доме совсем не стало еды, то мама отвезла в Хиславичи несколько имевшихся у нас серебряных ложек и сдала их в магазин «Торгсин», получив взамен немного продуктов.

Она постоянно проявляла доброе отношение к окружавшим нас людям, да и вообще ко всему живому. Вспоминается случай, когда мать вынесла что-то съестное бродячей собаке. Отец говорит ей: «Зачем ты кормишь чужую собаку?», а мать отвечает: «Ведь и она есть хочет...».

Запомнилось мне, как мы с мамой ходили под гору, к небольшой реке Лызе, притоку Сожа. На берегу было много разноцветных камешков, ярко блестящих на солнце. Из-под горы бил ключ прозрачной, очень холодной воды. Пить её сразу было невозможно — сковывало зубы. На другой стороне реки раскинулся луг, а за ним сосновый бор. Туда мы иногда ходили по ягоды.

Лёва любил рыбачить. В Лызе водились щуки, окуни, голавли, плот-

ва, пескари и, кажется, сомы. Однажды Лёва взял меня на рыбалку. Мне было лет шесть. Шел сенокос. Клёва совершенно не было. Брат решил пройти к косцам, покурить. Только он отошёл, поплавок одной из удочек стал погружаться. Я схватил удочку и изо всех сил выбросил леску на берег. На крючок попался большой голавль. Радость моя была безмерна: ведь Лёва ничего не поймал в тот день. Можно себе представить, как я рассказывал об этом дома.

Отца я побаивался, хотя он физически никогда меня не наказывал. К матери я был очень привязан. В раннем детстве я испытывал страх, если она уходила из дома даже на короткое время. Но однажды мама отнеслась ко мне жестко. Я чем-то провинился и она сказала, что накажет меня. А ей в ответ: «Я тебя не боюсь!». Повторив эту фразу несколько раз, я вывел её из терпения. Она взяла в руки ремень, положила меня на скамейку и высыпала по мягкому месту. Мне было не так больно, как обидно. После этого случая я никогда не позволял себе дерзко вести с мамой.

Лет четырех я пережил сильное чувство, похожее на любовь. В нашей деревне жила крестьянская девушка по имени Евдокия. Ей было лет восемнадцать-девятнадцать. Вечером, на окраине, собирались девушки и начинали петь. Их голоса были слышны по всей деревне. Среди всех выделялся замечательный голос Евдокии.

Когда она приходила к нам и брала меня на руки, я испытывал блаженство. Евдокия вышла замуж и её увезли из нашей деревни. Для меня это стало большим горем.

Из «мелочей» детской жизни вспоминается такой случай. Мне было, наверное, лет пять, когда во время игры с деревенскими ребятами, один из них бросил мне за шею лягушку. Я так испугался, что, прибежав домой, погрузился в сон и проспал очень долго. До сих пор я испытываю неприятные ощущения, когда вблизи оказывается земноводное или пресмыкающееся.

Метрах в двухстах, напротив нашего дома, за дорогой, находилось деревенское кладбище. На нём высились дубы — великаны. С ребятами я иногда бегал по кладбищу. Мы взбирались на дубы и собирали «орехи», не жёлуди, а, вероятно, наросты на листьях. Мы считали их целебными. Эти дубы в конце двадцатых годов (1929?) почему-то спилили. Падали они так, что земля колебалась далеко от кладбища. Дома у нас дребезжали стекла.

Вспоминая об играх с крестьянскими детьми, должен заметить, что, как правило, всё было хорошо. Но, иногда, всё же были случаи, когда меня обзывали оскорбительным словом «жид».

Из радостных для ребенка впечатлений помню, как наш сосед — молодой крестьянин по имени Николай, тепло относился ко мне. Он сделал мне подарок — маленькие, изящные санки-возок. Из жителей деревни помню также соседа Егора. Это был тихий, грамотный, уважаемый жителями человек. Командовала же в семье его жена Ефросинья — довольно красивая, бойкая. Между ними были скандалы. По-видимому, Ефросинья обращала внимание на других мужчин.

Отложилась в памяти и наша собака — Жулик. Это был крупный пёс, с длинной, рыжей шерстью, очень умный, ласковый. Однажды крестьянин из нашей деревни, по имени Филипп, нацелился на него из охотничьего ружья. До конца своей жизни у нас, при появлении Филиппа, Жулик бросался на него, злобно лаял. Приходилось собаку запирать.

Из Мурашек, наверное, в 1928 году, мы с мамой ездили на поезде от станции Починок в г. Рославль. Сначала мы приехали в Самолюбово. Роня жила там вместе с семьей сына. Сын был владельцем или арендатором водяной мельницы. Места там были живописные: пруд, небольшая река. Между прочим, там впервые я видел угрей. Возле дома был прекрасный сад-огород. Когда мы там были, созревала виктория. Самые крупные ягоды предназначались «для бабушки» — Роне.

В Самолюбове мы прожили недолго, может быть неделю. Затем переехали в Рославль, к сыну Рони — Симону. Работал он дома: чинил самовары, примусы, чайники и т. п. Заходили мы в гости и к другому сыну Рони — Борису, по тем временам состоятельному человеку, торговому работнику.

В Рославле со мной произошел «трагический» случай. В магазине я увидел изящную игрушку — обезьянку. Мне очень захотелось ее иметь. Борис дал мне рубль и, держа его в руке, я побежал в магазин. Когда я подошел к прилавку и попросил продавца продать мне обезьянку, подбежал уличный мальчишка, выхватил у меня рубль и был таков. Горе мое было неопишимо. Купили мне обезьянку или нет, не помню.

Через несколько дней, рано утром, мать меня разбудила, сонного одела. Мы сели в извозчичью «карету» и поехали на вокзал. Больше я тех родственников не видел. После войны я бывал в Рославле, но это уже другая история.

Помню я так же, как мы с отцом, на повозке, иногда ездили по деревням (Теремовка, Писляковщина и другие). Мы жили бедно. Зачастую в доме не было самого необходимого. Некоторым источником заработка была работа по вставлению стекол в окна крестьянских домов. Готовясь к ней, отец дома делал замазку («кит») из мела и прокипяченного льняного масла. Мел смешивался с маслом, а затем отец молотком колотил полученное «тесто». Я, сколько позволяли силы, помогал ему. В это время мне было где-то лет шесть-семь.

Выше я писал, что мои братья — Лазарь и Лёва, учились в Хиславичской школе. К сожалению, Лёва учился неохотно. Ему удалось пройти обучение только в начальных классах. Характер у него был упрямый. С отцом не было дружеского контакта. Лет семнадцати он, прихватив единственную имевшуюся у нас ценную вещь — золотые часы отца фирмы «Мозер», убежал из дома. Испытал он голод и холод, хлебнул горя досыта. Работал сначала на так называемой «салотопке», где вытапливали жир из павших животных для изготовления мыла. Затем работал на кирпичном заводе в станционном поселке Жуковке, Брянской области. Жил он в это время в семье маминого брата Залмана Ганкина. Они и сами жили неважно. Лёве было там несладко.

В начале тридцатых годов ему удалось поступить в Ленинграде на курсы заготовителей кожевенного сырья. Таким образом, он получил специальность. Работал по специальности в Андриаполе и Рогнедине. Если не ошибаюсь, эти населенные пункты расположены в бывшей Калининской области. Он женился на девушке из города Рославля по имени Роза. В 1933 году у них родился сын Аркадий. Казалось бы, жизнь налаживалась. Но мешало пристрастие к вину. По этой причине жена уехала от него вместе с малолетним сыном, вернулась в Рославль.

Накануне войны Лёва приехал в Хиславичи с новой, молоденькой женой. Звали ее Таля. Он устроился на работу в селе Ленинском, Хиславичского района. Там у них родилась дочь Светлана. Это было большое, живописное село, с лесными угодьями и озером. Там находился пионерский лагерь. Я однажды отдыхал в нём.

*

* *

К пяти годам отец научил меня бегло читать. Вечером, когда к нам заходили соседи, он говорил мне: «почитай книжечку». Это были рас-

пространявшиеся тогда красочные брошюры о борьбе с инфекционными болезнями. Я с удовольствием читал внимательно слушавшим крестьянам. Отцу это было приятно.

В 1931 году мне исполнилось 9 лет. Надо было учиться. Мои сверстники перешли уже во второй класс. Летом этого года родители привезли меня в Хиславичи и за скромную оплату наняли домашнюю учительницу. Она запомнилась мне очень доброй, внимательной. Учеба продолжалась месяца полтора-два. В результате, меня приняли во второй класс Хиславичской средней школы. Позднее она стала именоваться № 1, так как в поселке появилась еврейская средняя школа № 2.

На следующий год отец продал нашу избу в Мурашках и купил небольшой деревянный дом в Хиславичах (Октябрьская, 17), куда наша семья и переехала. Поселок Хиславичи — районный центр. Расположен он в 60 километрах южнее Смоленска. В довоенные годы в поселке жило, как мне представляется, около 6 тысяч жителей — русские и евреи. Я не помню каких-либо проявлений недружелюбия между ними. Во всяком случае, мы, дети, вместе играли, дружили.

В первый год учебы я жил в семье сестры матери — Бэллы Брегман (обычно ее, почему-то, звали «Беля»). Расскажу немного об этой семье. У Бэллы были три дочери: Лена, Соня, Роза и сын Лёва. У них был деревянный дом, с тремя маленькими комнатами (прихожая-столовая, зал и спальня). К спальне примыкала русская печь с крохотной кухней. Водопровода и канализации в поселке вообще не было.

В столовой обычно сидела, за ручной швейной машинкой фирмы «Зингер», старшая — Лена, прекрасная портниха, основной кормилец семьи. Она была внешне приятной, доброй, уважительной. Соня была внешне не очень интересная. К людям она относилась спокойно, ровно, работала, как мне помнится, в каком-то киоске. Младшая — Роза, после школы, окончила Смоленский пединститут и работала в областном отделе народного образования («Облоно»). Вышла замуж за корреспондента ТАСС по Смоленской области Ефима Хайкина. В Хиславичах жил сын Бэллы — Лёва. У него умерла жена. Остались двое малолетних детей — Петя и Фима. Мы с мамой иногда приезжали в Хиславичи, навестить родных. Бывая в доме Лёвы, я принимал участие в играх детей на улице. Обычно это были игры в войну. Мы воображали себя командирами. Петя, как старший, имел «привилегию» быть Ворошиловым, Фима — Буденным, а мне доставался Орджоникидзе. Мы сражались верхом

Брегман Р. И.

на «лошадях» (палках), с «саблями», довольно искусно изготовленными из дощечек, самим Ворошиловым...

Бэлла имела твердый, в известной мере, жесткий характер. С мужем у нее жизнь не сложилась. Я ее впервые увидел в 1929 году. Ей было в это время около шестидесяти лет.

Кроме Бэллы, у матери была еще одна сестра, которую звали, кажется, Мария. Она влюбилась в русского парня и обвенчалась с ним в церкви. Думаю, что имя Мария она получила при венчании. Жили они в деревне Пильники. У них была большая семья. Я никогда с ними не виделся, о чем сожалею.

В 1931 году, когда я жил в семье Бэллы, у них на квартире жили также первый секретарь Хиславичского райкома партии Гальмуев и второй секретарь — Сорин. Занимали они вдвоем спальню. Мне запомнились оба, как преданные коммунистической идее люди, пользовавшиеся в

районе большим авторитетом (это, конечно, мои детские впечатления). Очень скоро их сменили новые секретари райкома.

Школа наша размещалась в большом кирпичном доме, принадлежавшем до революции семье графа Александра Львовича Салтыкова. Жена графа, Мария Сергеевна — урожденная Бутурлина. Их сын, Александр Александрович Салтыков — талантливый философ и поэт русского зарубежья.¹ Дом этот казался мне огромным дворцом. Запомнилось, что в окнах было много разноцветных стекол. К зданию примыкал очень большой парк из старых деревьев.

В Хиславичах была хорошая районная библиотека. Заведовала ею очень преданная делу Жиц, звали ее, кажется, Мария. Я почти каждый день заходил в библиотеку, брал книги на дом, много читал. Это были книги русских и зарубежных классиков, приключенческая литература (Жюль Верн, Майн Рид, Фенимор Купер, Вальтер Скотт и др.). Читал я и детскую советскую литературу (Бабель, Гайдар, Свирский и другие). Особенно сильное впечатление произвел на меня «Рыжик» Свирского. Я горько плакал, переживая судьбу мальчика.

Первая моя учительница — Анна Ивановна (фамилию не помню), казалась мне величественной, строгой. Сохранилась её фотография с группой учеников. В четвертом или пятом классе мы учились в отдельном небольшом кирпичном доме, недалеко от основного здания школы. Нас учила пожилая учительница — немка, по фамилии Коваленко. Между собой, шутя, мы звали ее «Канинхен» (кролики).

Учителя в старших классах были знающие и как личности интересные. В пятом-седьмом классах литературу нам преподавал Алексей Алексеевич Ерохин — небольшого роста, худощавый, с высоким лбом, с гладко зачесанными волосами, с пробором. Ему было лет сорок — сорок пять. Как мне казалось, он был похож на поэта Некрасова. Предмет знал глубоко. Некоторое время он был директором школы. Иногда мы видели его слегка выпившим, по-моему, даже на уроке.

В пятом или шестом классе я учился вместе с Петраченковым (имя его не помню). Одно время мы с ним сидели за одной партой. Это был парень из бедной семьи, кажется сын матери-одиночки. Очень живой, я бы сказал, с зарождавшимися склонностями к хулиганству. Он иногда курил.

¹Об А. А. Салтыкове см. Брюхович Л. М. Граф Александр Александрович Салтыков. Бутурлинский сборник. Ульяновск, 2006, с. 61—65.

4 класс Хиславичской средней школы. 1934 г. На переднем плане (в центре) Марк Валкин и Сима Симонова (погибла от рук фашистов-предателей в 1942 г.)

Рядом со школой, по направлению к реке Сожу, стоял большой сарай. Однажды Петраченков соблазнил меня покурить за сараем. За этим занятием нас застал Алексей Алексеевич. Мы убежали. Я очень переживал. Было стыдно перед учителем, тем более, что литература была моим любимым предметом. Кроме того, я боялся, что это станет известно отцу. Кстати, в то время в аптеках продавались конфетки, которые назывались «Сен-Сен». После курения ученики жевали их, чтобы не чувствовался запах табака.

Время шло, отец мне ничего по этому поводу не говорил и я успокоился. И всё же, однажды, он заговорил со мной. «От Алексея Алексеевича я узнал, — сказал отец, — что ты курил с Петраченковым. Прошу тебя, веди себя так, чтобы мне о тебе никто плохое не говорил. А курить, если хочешь, то дома, пожалуйста. Вот лежат папиросы». Я иногда брал папиросу и выкуривал, но без всякого интереса. Курить так я и не стал.

Среди учеников пятого класса запомнились две очень аккуратные, красивые девочки — Ляменкова и Чинкова. Мальчики обращали на них внимание.

В 1938 году наш 8 класс из главного здания перевели в стоявший ря-

дом одноэтажный деревянный дом. Раньше там находилась столярная мастерская, в которой велись уроки «труда». В другой половине дома жила семья директора школы.

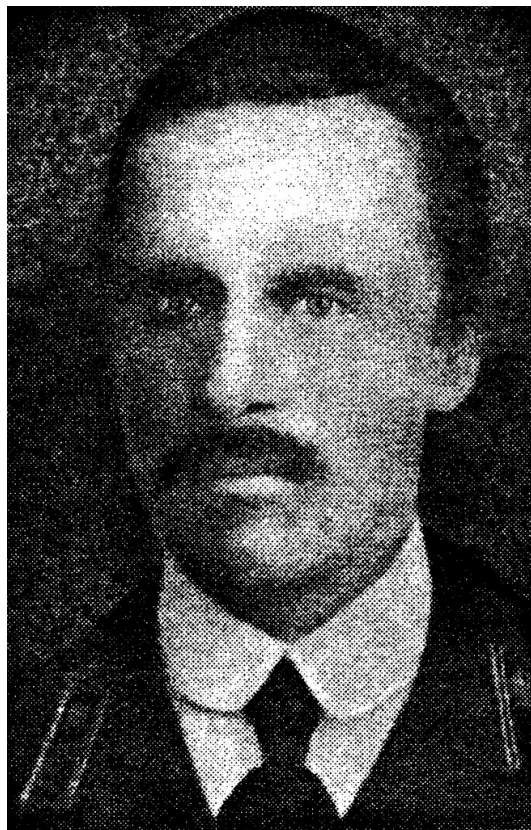
Из учителей того времени вспоминается химик Василий Хрисанфович Маханек. Он из семьи крестьян-рыбаков деревни Воробьевки, которая находилась примерно в трех километрах от Хиславич, за рекой Сож. Василий Хрисанфович и жил там. В 9 или в 10 классах, кроме химии, он преподавал у нас еще и основы эволюционного учения. Кроме дарвинизма, в программе тогда были опыты Менделя. Готовился Маханек к занятиям серьезно, преподавал хорошо. Но как человек, был несколько суров, ученики его недолюбливали. У него было прозвище «таран копченый» (он был смуглый). Однажды, перед его уроком, кто-то на доске нарисовал мелом подвешенную над костром рыбу. Конечно, дежурному по классу попало: «что за безобразия, доска грязная?!».

Очень тепло мы относились к учительнице литературы Станиславе Станиславовне Калещак — молоденькой, симпатичной блондинке. Она приехала к нам сразу же после окончания Новозыбковского учительского института. К урокам готовилась тщательно, очень старалась. К ней был неравнодушен В. Х. Маханек. Но она отдала предпочтение молодому учителю географии — Игнатию Васильевичу Примерову и вышла за него замуж. У них, по-видимому, складывалась счастливая семья.

Учителем немецкого языка у нас был Евгений Владимирович Ржецкий. Он же руководил школьным хором. Это был высокий, плотный человек, с небольшой лысиной, с энергичным, волевым лицом. Тогда ему было, наверное, лет пятьдесят. По происхождению он сын помещика или священника (точно не помню). Как преподаватель — это образец добросовестности. Его дом находился на высоком холме, над Сожем. На доме стоял высокий шест радиантенны, что тогда было редкостью. В свободное время Евгений Владимирович занимался рыбалкой и охотой.

С девятого класса мы стали учиться во вновь построенном двухэтажном здании школы. Из учителей, пришедших к нам в это время, помнится физик Евсей Илларионович Севостьянов. Выглядел он болезненным, бледным, был бедно одет. Мы его встретили очень плохо (шум, гам) и он ушёл с первого урока. Но затем сумел завоевать авторитет, показав себя серьезным, знающим предмет преподавателем.

Директором нашей школы в 1939—40 годах был Герлюк (его имя

Ржецкий Е. В.

и отчество я запомнил), солидный, с крупными чертами лица. Ему было лет сорок. Преподавал он «обществоведение» без вдохновения. Кроме того, злоупотреблял вином. Его жена, Анна Гавриловна, вела литературу. Она также не блистала ни знаниями, ни чисто человеческими качествами. В ней было что-то мещанское. Мы жалели, что от нас ушла преподавать в младшие классы Станислава Станиславовна. Наверное, это было сделано, чтобы освободить место для жены директора.

По гуманитарным предметам учеба давалась мне легко. Неплохо было с естествознанием и географией. Трудно воспринималась неорганическая химия. Органическая химия усваивалась нормально. С алгеброй, в основном, также было нормально. А вот с геометрией было неважно, так как зрительная память у меня плохая.

Теперь хочу немного сказать о жизни нашей школы, о школьных товарищах. В те годы у молодежи был политико-романтический настрой.

Мы верили в правильность политики партии, мечтали быть полезными родине. В школе активно работали комсомольская и пионерская организации. Существовали различные кружки: драматический, спортивный, фото и другие. Был хор. Использовалась такая форма обучения и воспитания учеников, как утренники и вечера (чтение стихов, музыкально-танцевальные и спортивные номера). На одном из таких вечеров, в пятом или шестом классе, неудачно выступал я со стихотворением Пушкина «Анчар», от волнения забыл часть стиха. Моя будущая супруга, Аня Мартыненкова, маленького роста, когда на сцене демонстрировалась «пирамида», возвышалась над всеми. И однажды, с самого верха, она грохнулась на пол. Я не помню, чтобы после этого случая она выступала в «пирамиде». Драматический кружок появил-

«Пирамида» 1937 г.

ся в нашей школе где-то в середине тридцатых годов. Во всяком случае, будучи учеником пятого класса, я впервые играл в какой-то пьесе роль мальчика: помогал копать «могилу», по-видимому своему «отцу»

— ученику 7 или 8 класса Виктору Вишневному. Кроме того, я играл в Нардоме, в большой пьесе, называвшейся «Хлопчик», в роли Лейбки, Нюра Мартыненко — Ришки-малышки. Роль Зямки-копача, Хлопчика, исполнял Фима Брегман. В 8 классе, на сцене клуба трикотажной фабрики, в небольшой инсценировке «Шахматный матч», я играл роль пьяного офицера (наверное жандармского). Роль революционера играл одноклассник Оська Галицкий. Это был способный мальчик. Он рисовал и играл на скрипке. В 1938 году их семья уехала из Хиславич.

После закрытия занавеса ко мне подошла Станислава Станиславовна и спросила: «Ты в самом деле выпивши?».

Вообще хиславичская молодежь жила довольно интересной духовной жизнью, конечно в рамках партийной идеологии. В поселке имелся «Народный дом». Это было большое одноэтажное деревянное здание, со зрительным залом, как мне теперь кажется, мест на 500, со сценой, кинобудкой и фойе. Там постоянно существовал драматический кружок с сильным составом взрослых. В пьесах играли талантливые люди. Среди них вспоминаю Антона Залесского, Залю Новикова — молодого мужчину, среднего роста, худощавого, ходившего по поселку с белоснежной пушистой собакой — шпицем, которую звали Белка. На сцене Нардома выступали и ученики старших классов, способные «артисты»: Женя Вертынский, Виктор Вишневицкий, Хана Дворкина, Леня Перевозчиков. Последнему особенно удавались комические роли. Пьесы ставились самые разные. Помню постановки: Дон Жуан, Полтава и Цыгане. В «Дон Жуане» и «Цыганах» главные роли исполняли Вертынский и Дворкина. В «Полтаве» играли: Мазепу — Вертынский, Кочубея — Вишневицкий, Марию — Дворкина. Это было в 1937 году, когда отмечалось 100-летие со дня гибели Пушкина. В середине тридцатых годов активную работу с учениками вёл старший пионервожатый Петр Львович Брегман (сын моего двоюродного брата, я его выше упоминал). Он был способным, очень изобретательным, волевым парнем. Хорошо играл на мандолине. В то время любительская игра на ней была широко распространена. Под руководством вожатого проводились интересные для детей военные игры (сражение красных и белых, поиск знамени и т. п.), спортивные соревнования. В довоенные годы во многих райцентрах существовали духовые оркестры. Как правило, играли в них в свободное от работы или учебы музыканты — любители. В Хиславичах также был духовой оркестр, состоявший, примерно, из десяти музыкан-

Вертынский Е. 1939 г.

тов. Одно время оркестр возглавлял музыкант по фамилии Шандлер — толстяк, лет сорока. Играл он на корнете, в основном на слух. Во время каких-либо чрезвычайных событий, например пожара, а иногда без особой причины, будучи не трезв, он выходил на улицу и трубил сигнал так громко, что было слышно во всём посёлке.

Из других музыкантов помню Василия Кандудина, жителя деревни Фролово, находившейся километрах в пяти от Хиславич. Играл он довольно прилично на баритоне. После переезда нашей семьи в Хиславичи, отец также стал играть в этом оркестре (на теноре). На «вспомогательных» инструментах (так называемая «секунда») — альтях, играли какие-то молодые люди. Когда мне было лет пятнадцать или шестнадцать, я иногда также играл в оркестре, исполняя примитивную партию на альте. Но, став старше, я перестал играть. Игра отца в оркестре позволяла несколько облегчить материальное положение нашей семьи.

Несмотря на малочисленность и любительский характер, духовой

Дворкина Х. М. (слева), Мартыненкова Н. А. 1942 г.

оркестр оживлял жизнь поселка: играл на торжественных заседаниях, проводившихся в Нардоме, а также во время демонстраций и митингов. По вечерам, в выходные дни, раздавались звуки оркестра в старинном парке. В репертуаре были популярные в то время марши, вальсы, танго, фокстроты. Нередко с оркестром провожали в последний путь.

В конце тридцатых годов Нардом сгорел. Это было большой потерей для поселка. Вся зрелищно-массовая работа сосредоточилась тогда в небольшом клубе трикотажной фабрики. Кстати, трикотажная фабрика к тому времени превратилась в крупное предприятие. Все вязальные и швейные машины стали там работать при помощи электромоторов. Фабрика имела свою электростанцию, от которой в значительной мере снабжался электроэнергией и поселок. Фабрикой руководил отец Дворкиной. Их прекрасная семья погибла в годы оккупации: отец, мать и две младшие дочери. Хана, в то время находилась на учебе в осажденном Ленинграде.

Кроме станции фабрики, в поселке, на реке Соже, имелась небольшая гидростанция, действовавшая вместе с водяной мельницей.

Река эта, полноводная, чистая, в довоенное время была украшени-

1 мая 1937 г. (Впереди, с горном, автор)

ем поселка. Она приносила много радостей жителям. В ней рыбачили, купались, катались на лодках, прыгали с «вышки». На берегу была построена довольно благоустроенная поселковая баня. В реке водились щуки, окуни, голавли, краснопёрки, плотва, пескари. Встречались и поселения бобров.

Теперь скажу несколько слов о ребятах, с которыми мне пришлось учиться в старших классах. Вспоминаются Валя Усов, Жора Перевозчиков, Коля Беляев, Коля Шайков, Петр Домуховский, Вася Родченков, Вася Рубашный, Володя Шкотский, Галина Рубашная, Сима Симонова, Мария Раневская, Кавалеров (?), Кузьмин Григорий, Саша Сякин. Усов учился неплохо, был живым, энергичным парнем. Мы с ним в 9—10 классах дружили. Однажды на велосипедах совершили своего рода экскурсию в город Мстиславль, находящийся в 25 километрах от Хиславич. Своего велосипеда у меня не было, мне дала его на «путешествие» Аня Мартыненкова.

Жора Перевозчиков и Коля Беляев сидели вместе за партой. Впереди них сидели Кузьмин и я. Жора был довольно умён, начитан, отличался острым словом. Дома у него имелось почти полное собрание сочинений Жюль Верна. Я у него брал читать несколько книг этого ав-

Усов В. Н. 1944 г.

тора. С Жорой мы соревновались в знании карты мира: кто быстрее найдет страну, город, реку, остров и т. п.

Коля Шайков — худощавый, смуглый, с зачесом волос вверх-назад, был интересным, веселым парнем. Учился он хорошо. Владимир Шкотский на один или два года был старше нас. Он приехал в Хиславичи с матерью и двумя младшими братьями, как мне думается, в результате репрессий. Жили они материально очень трудно. Шкотский был способным учеником, но, как нам казалось тогда, гордым, высокомерным. Однако, к нему хорошо относились девчата из десятого класса и некоторые учителя.

Кузьмин Григорий был скромным, спокойным. Он очень хорошо рисовал, оформлял общешкольную газету «Вперед» и ее юмористическое издание «Крокодил». Я был редактором газеты. Особенной популярностью среди учеников пользовался, выходявший еженедельно, «Крокодил».

Вася Родченков был старше нас, отличался физической силой.

Ученики: Журов В., Валкин М., Шайков Н. 1937 г.

Каких-либо других талантов мы у него не замечали.

Вася Рубашный — коренастый, низкого роста парень. Характер у него был неуравновешенный, склонный к хулиганству. Мастерил разные пистолеты, в том числе с использованием малокалиберных патронов. Помнится, что он с кем-то из ребят младшего класса, кажется с Мильшиным, увели и зарезали корову одного из жителей поселка и устроили «пир». На этой почве был скандал. Чем он закончился, не помню.

Как я уже писал выше, в большинстве своем учащаяся молодежь верила в идеалы коммунизма. Каждое слово в «Кратком курсе истории ВКП(б)» мы принимали за непогрешимую истину, верили, что Сталин действительно великий вождь. Мы с энтузиазмом участвовали в майских и ноябрьских демонстрациях, присутствовали на праздничных митингах. Однажды, будучи учеником 9 или 10 класса, на митинге в парке, со специально построенной трибуны, наряду с руководителями района, «от имени учащихся», выступал и я. Говорить приходилось без текста, импровизировать. Речи произносились тогда взволнованно, страстно и обычно заканчивались лозунгами: «Да здравствует мировая революция!», «Да здравствует коммунизм!», «Да здравствует великий Сталин!» и т. п. Отголоском репрессий, проводившихся в стране, явился арест отца учениц нашей школы Нади и Ани Мартыненковых — Андрея Семёновича Мартыненко. Он был энергичным человеком. Рано вступил в партию. В Хиславичах работал управляющим районной конторой госбанка. В 1938 году его внезапно арестовали. Большая семья — шесть

Ученицы 8 класса. Сидят: Сорокина А. (слева), Мартыненкова А., стоят: Рубашная Г. (слева), Раневская М. 1938 г.

человек, осталась без средств, вынуждена была освободить служебную квартиру и поселиться в деревенской хате, потеснив родственников в деревне Фролово. Над ними нависла тень: «семья врага народа». Но надо сказать, к чести учеников, к Наде и Ане они продолжали относиться уважительно. Более того, старались оказать какое-то внимание, заботу. В частности, некоторые ребята после занятий провожали их до Фролова.

С Мартыненковым произошел редкий для того времени случай. После шести месяцев сидения в смоленской тюрьме он был выпущен на волю. Вероятно, это произошло в связи со сменой шефов НКВД (Ежов — Берия).

Какое-то ослепление в то время было в нашем сознании. Сотрудники НКВД воспринимались своего рода героями. Об этом свидетельствует и случай со мной. Кажется, в девятом классе, на новогоднем бал-маскараде я решил появиться в костюме офицера НКВД. С целью раздобыть такой костюм я отправился на квартиру к начальнику районного

отдела НКВД и попросил его супругу дать на вечер костюм мужа. Она, как помнится, без всяких разговоров, вынесла мне новый костюм со всеми знаками различия. И я, с мыслью «как это здорово!», «красовался» в нём. Более того, получил какой-то приз.

Казань, университет

В 1940 году я окончил школу. Увлеченный гуманитарными предметами (история, литература), я решил поступать в недавно открывшийся в Москве весьма престижный Институт истории, философии и литературы (МИФЛИ), на исторический факультет. Так я впервые оказался в Москве. Сдал экзамены, но не был зачислен, так как мне требовалось место в общежитии. В институте не было своего общежития, а за частную квартиру платить мне было нечем.

Я решил поступать в другое учебное заведение. Встал вопрос: куда? В пединститут мне не хотелось. В этот момент в Москву приехали представители Казанского университета. Они предложили абитуриентам сдавшим экзамены, но не зачисленным в МИФЛИ, поехать в Казань для учебы на историко-филологическом факультете КГУ, с предоставлением общежития. Дело в том, что истфаки одно время закрывались и только с 1939 года были восстановлены. В КГУ был недобор на истфилфак. И руководство университета решило выйти из положения за счет абитуриентов МИФЛИ, учитывая, по-видимому, что на учебу там претендовали, как правило, способные, целеустремленные молодые люди.

Недолго думая, я принял предложение и поехал в Казань. Там мне предоставили место в благоустроенном общежитии, находившемся на поле Ершова. Учиться предстояло в группе историков (№ 88). Надо сказать, что студенты, с которыми меня свела судьба, относились к учебе очень серьезно. Мы внимательно слушали лекции, добросовестно готовились к семинарским занятиям. Занимаясь в научной библиотеке, пользуясь учебниками и учебными пособиями, мы в тоже время с большим интересом изучали труды виднейших российских и зарубежных историков.

Довольно быстро у меня в группе появились друзья: Николай Петрович Муньков и Георгий Федорович Шамов. У Мунькова я часто бывал на его маленькой квартире в деревянном, неблагоустроенном до-

ме. Жил он с матерью, отец его рано умер. Мать, Мария Ивановна, получая крайне низкую зарплату кассира аптеки, умело вела домашнее хозяйство, делала все возможное, чтобы вырастить, воспитать любимого сына достойным человеком. Более того, она старалась любезно встречать его друзей, угостить их всем, что было в доме в то трудное время (кусочек хлеба, «селедочка», чай). Это был человек необыкновенной доброты, доброжелательности к людям.

Лекции нам читали, не скажу, что крупные специалисты, но в общем знающие, добросовестные преподаватели: А. П. Плакатин², Е. И. Устюжанин³, М. Д. Бушмакин⁴, Шевцов⁵ и другие.

Вспоминаются семинарские занятия по истории СССР, которыми руководил довольно пожилой преподаватель В. И. Пономарев. Проходили они очень оживленно. Мы горячо отстаивали «свои» точки зрения. Например, изучая «Русскую правду», Муньков защищал концепцию академика Б. Д. Грекова, а я — профессора С. В. Юшкова. Выступления Мунькова были эмоциональными, отличались прекрасной дикцией. Он удивлял нас необыкновенной памятью на имена и даты.

Изучали мы также два иностранных языка (Муньков и я английский и немецкий), латинский и старославянский. Эти предметы вели пожилые, высококвалифицированные преподаватели (Эллисон — английский, Витенберг — немецкий, Шкляев — латинский). Ими предъявлялись довольно высокие требования. Но с нашей стороны, не хватало прилежания.

Среди студентов-историков, набора 1939 года, выделялся увлеченным отношением к учебе Григорий Наумович Вульфсон. Он казанец, из состоятельной, по тем временам, конечно, еврейской семьи. Уже тогда он формировал личную библиотеку. Будучи однажды у Вульфсона на квартире, я обратил внимание на ряд имевшихся у него дорогих дореволюционных изданий по истории России. Помню его выступление с рефератом о Бездненском восстании. Еще до войны он женился на сим-

²Александр Павлович Плакатин — декан факультета, преподаватель истории партии. Погиб на фронте.

³Евгений Иванович Устюжанин Е. И. — кандидат исторических наук, преподавал в университете историю СССР. Впоследствии заведующий кафедрой в Казанском педагогическом институте.

⁴Михаил Дмитриевич Бушмакин — преподаватель истории средних веков.

⁵Шевцов преподавал новую историю.

патичной сокурснице Тамаре Ян, происходившей из немецкой семьи. Ян также была способной, трудолюбивой студенткой, сочиняла стихи.

Заметным студентом был С. П. Бурматин, учившийся в группе вместе с Вульфсоном. Он был значительно старше нас, член партии. Происходил из мордовской семьи. Отличался большим трудолюбием, гуманным характером. Погиб на фронте.

Материальное положение студентов, которым не могли помочь родители, было тяжелым. Помню, что стипендии хватало дней на десять-пятнадцать. Потом обедать в столовую я уже не ходил. Перебивался на хлебе и кипятке (без сахара). Когда же стипендию отменили, в связи с войной с Финляндией, стало совсем плохо. Но мне удалось, в какой-то мере, найти выход из положения. Я устроился учеником слесаря-водопроводчика в мастерской университета. Пришлось выполнять тяжелую работу — вручную нарезать на трубах резьбы.

*
* *

В январе 1941 года я приехал из Казани в Хиславичи, на первые свои каникулы. Для меня это была счастливая и тревожная неделя. Материально родителям жилось очень трудно, а я помочь им не мог. Не помню какие были встречи, разговоры. Однако, на всю жизнь запомнился момент отъезда. Провожала меня мать. Подошли к открытой грузовой машине, в кузове которой, стоя, мне предстояло ехать двадцать пять километров до железнодорожной станции Починок. Мать заплакала. Я успокаивал ее: «не плачь, мама, ведь через несколько месяцев каникулы и я снова приеду». Когда в 1940 году я уезжал из дому впервые, на учебу в университет, слез не было, а тут слезы. Думаю, что у матери было предчувствие, что больше она уже меня никогда не увидит...

В годы войны

И вот грянула Отечественная война. Теоретически было ясно, что будет когда-то война с фашистами. Представлялась она мне как что-то огненное, вспыхнувшее и быстро погасшее. Такому наивному представлению способствовали официальная пропаганда и наша художественная литература. Запомнилась в этом плане «победоносная» книга Н. Шпанова «Первый удар».

Выступление Молотова о начале войны прозвучало как гром среди ясного неба, но мы думали, что война быстро окончится. В письме родителям в первые дни войны я успокаивал их, писал, что именно так и будет. События же, как известно, развивались по другой схеме. Война оказалась затяжной, подлинно вселенским бедствием для народа.

Учеба у нас продолжалась, несмотря на уход на фронт то одного, то другого преподавателя или студента. Тем временем, в Казань стали прибывать эвакуированные предприятия и учреждения. Наиболее заметным для студентов нашего факультета было появление в городе виднейших историков, труды которых мы читали или о них слышали: академиков Е. В. Тарле, Б. Д. Грекова, Е. А. Косминского, членов-корреспондентов Академии А. В. Ефимова, А. М. Панкратову и других.

Несколько раз я видел, проходившего мимо университета, академика Отто Юльевича Шмидта, героя нашей северной эпопеи. Он мне показался, маленьким, щуплым. Появился он в связи с эвакуацией в Казань президиума и нескольких институтов Академии Наук.

В здании университета, кажется на третьем этаже, разместился Физический институт, во главе с его директором академиком С. И. Вавиловым — братом замученного в застенках НКВД выдающегося ученого-ботаника Николая Ивановича Вавилова. С Сергеем Ивановичем Вавиловым мне довелось много раз встречаться. Дело в том, что одна студентка из нашей группы, не помню ее фамилию, работала в институте вахтёром (ночным сторожем). Но обстоятельства так сложились, что ей надо было уволиться и она посоветовала мне пойти на эту работу. Я попрощался со слесарной мастерской и оказался в академическом институте, где работали крупнейшие физики. Рядом с вахтой находилась опечатанная комната акустической лаборатории, связанной с военной тематикой. Руководил ею профессор Андреев. Сотрудники института засиживались допоздна. Во время их работы в ночное время помещение освещалось только лампочками от карманного фонарика, с миниатюрными абажурами из бумаги.

Каждое утро на работу первым приходил Вавилов. Он здоровался за руку, спрашивал, как прошла ночь, всё ли в порядке и отпускал меня с дежурства.

Тем временем, в университете продолжались занятия. На истфаке стали читать лекции москвичи. Так, спецкурс «От Наполеона до Крымской кампании» нам прочел Тарле. Мы его слушали, затаив дыхание.

Было необыкновенно интересно, живо. Читал он без конспекта, без перерыва. Даже Муньков, отличавшийся завидным трудолюбием, заслушавшись, иногда забывал конспектировать его лекции. Очень интересно также читал лекции по новой истории Ефимов, автор известного учебника. С неразгибающейся ногой, с тростью, высокий, похожий, как мне казалось, на англичанина, расхаживал он по сцене актового зала. Запомнилось, как он рассказывал о колонизации Америки. Перед нами вставали живые образы колонистов, их труд и быт. Весьма содержательными были лекции Косминского по истории средних веков. Но читал он монотонно, скучновато.

Греков учебные лекции не читал. Несколько раз он выступал с публичными лекциями. Одну такую его лекцию я слушал. Греков выглядел очень эффектно: безукоризненно одет, приятная внешность, спокойный, уверенный голос. Но чтение его не вызывало особого интереса, слушать было скучно. В связи с этим, вспоминается мне сказанное однажды профессором С. М. Дубровским об огромной книге Грекова «Крестьяне на Руси» (?): «Эту книгу никто до конца не прочел...».

Однако, наша учеба продолжалась недолго. В ноябре месяце 1941 года студентов университета направили в Чувашию на сооружение оборонительной линии. Наш факультет разместили в одном из сел Канашского района. Муньков, Шамов и я поселились вместе, в крестьянском доме.

Зима стояла суровая, морозы доходили до 41 градуса. Ежедневно студенты выходили на рытье противотанковых рвов. Мы буквально вгрызались в замерзшую землю, откалывая ломami крупные ее глыбы. Одет я был легко: в демисезонное пальто и ботинки на шерстяной носок. Но простуды я избежал, наверное, благодаря очень энергичной работе. Помнится, что ректор университета К. П. Ситников, похаживая возле нас, так сильно мёрз, что у него длинной нитью текли сопли.

Муньков выполнял другую работу. Ему поручили доставлять на телеге хлеб из пекарни. Это было для нас поддержкой, так как зачастую он приносил домой «премию» — буханку хлеба. Кроме того, наш хозяин — чуваш, работавший на молочной ферме, проявлял милосердие: иногда угощал нас обратом (обезжиренным молоком).

В начале февраля 1942 года нас отпустили с оборонных работ. По-видимому, это произошло в результате провала немецкого наступления на Москву. В университете возобновились занятия. Но уже в середине

февраля я был мобилизован и направлен в 14-ю запасную стрелковую бригаду. По прибытии нам выдали обмундирование. Свое гражданское платье: пальто грубошерстное, костюм хлопчатобумажный, шапку и ботинки я снес на рынок и продал за буханку хлеба и кусок сала. С товарищами по казарме мы устроили «пир».

Меня определили в минометный батальон. Занятиями нас особенно не загружали. Мы ведь присягу не принимали, ждали отправки в боевые части. Недели через три нас разместили в товарных вагонах и состав ночью тронулся в сторону Москвы. Довольно быстро мы прибыли на подмосковную станцию Кубинка. Затем пешком порядком двинулись на Нарофоминск, в военный городок. Там нас разбили на подразделения. Я снова стал минометчиком. Соединение наше называлось 257-я отдельная стрелковая бригада.

Началась повседневная учеба: изучение минометов, стрелкового оружия, уставов. Но, примерно, недели через две меня вызвали в штаб части, где спросили: «не хочу ли я перейти в отдельную роту разведчиков, куда отбирают самых лучших бойцов, в основном коммунистов и комсомольцев?». Я согласился и был немедленно переведен в разведроту.

Служить там было значительно труднее. Кроме классных, шли ежедневные занятия на местности. Изучалась тактика боевых действий общевойсковой разведки: дозоры, разведка боем, действия на территории противника и т. п. Мы много бегали, ползали. Приходили в казарму очень усталые. После отбоя, достаточно было прикоснуться к нарам, как мгновенно наступал сон.

Служба моя проходила нормально. Все трудности мне удавалось преодолевать. Но однажды неприятность всё же произошла. На утреннем построении командир роты лично проверял состояние оружия. Взяв в руки мою винтовку, с помощью очиненной спички он обнаружил в одном шурупе грязинку, величиной с булавочную головку. За это я получил наказание — наряд вне очереди. После отбоя, когда все бойцы уже спали, меня заставили мыть полы в казарме. Ужасно хотелось спать, но приказ есть приказ. Дважды: командир отделения браковал мою работу и требовал ее повторить. После этого я еле добрался до своих нар. К счастью, за всю свою дальнейшую службу в армии меня больше не наказывали.

Особо стоит сказать о нашем командире взвода. Это был высокий,

худощавый, лет двадцати пяти, лейтенант. В нем была какая-то бесшабашность, безрассудность. Он водил нас по полям в окрестностях Нарофоминска. Начиналась весна. То тут, то там из таявшего снега показывались трупы, валялась брошенная боевая техника, оружие. Кругом были минные поля. Заметив мину, не будучи сапером, лейтенант начинал нас учить, как её разминировать. Чудом никто из нас не погиб. Возможно, потому, что командование его продолжалось всего недели три. Однажды вечером, во время чистки оружия, он достал из кобуры свой пистолет и отдал его почистить бойцу нашего взвода Линькову. Тот вытащил из пистолета обойму, но не заметил, что в патроннике находится патрон, взвел курок и нажал на спусковой крючок. Грянул выстрел и командир взвода упал. Пистолет, оказывается, был направлен в его сторону. Пуля попала в голову, прошла через череп, но, к счастью, не задела мозг. Лейтенанта увезли в госпиталь и больше мы его не видели.

Питание было у нас весьма скудным. На завтрак немного картофеля или перловая каша и чай. На обед прозрачный суп, заправленный постным маслом, чуть-чуть второго и чай. Большую часть пайки хлеба в 600 граммов мы съедали за завтраком. Оставалось немного на обед, а ужин, как правило, был без хлеба.

*
* * *

Наконец, в апреле или начале мая наша учеба закончилась, и мы двинулись пешим ходом на Брянский фронт. Шли ночами. Ежедневно мы проходили по 70—80 километров. Приходилось иногда, как ни странно, на ходу засыпать, чувствуя локоть идущего рядом бойца. Несли на себе 32 килограмма: карабин, гранату, подсумки, лопату, противогаз, вещмешок с НЗ (неприкосновенный запас — патроны, сухари, консервы и др.), плащ-палатку, флягу. На ногах у нас были американские ботинки с жесткой, прессованной подошвой и, конечно, обмотки. Утром, когда останавливались на отдых и ложились на землю, мы мгновенно погружались в сон. С большим трудом дежурному офицеру удавалось разбудить нас на завтрак. Команда «подъем!» в это время плохо срабатывала...

В середине мая мы вышли к передовой. Пехотные подразделения зарывались в траншеи, находясь под пулеметным, минометным и орудийным огнем. Наша рота разместилась в широком овраге, километрах

в пяти от передовой. На задания мы отправлялись в маскировочных костюмах, вечером, когда начинало темнеть. Проходили мимо позиций артиллеристов. Они сочувственно смотрели на нас и говорили «ни пуха, ни пера!».

Саперы обычно готовили для нас проходы в минных полях и проволочных заграждениях. Конечно, идти (вернее ползти) в расположение противника было страшно. Смерть там подстерегала разведчика на каждом шагу. Помню, как-то залегли мы, несколько бойцов, в траве и наблюдали, как большая группа немцев строит огневые позиции для орудий. Каждые пять-десять минут взлетали осветительные ракеты. Мы в это время прижимались к земле. В одну такую вспышку я вдруг заметил сбоку от себя тонкую проволочку и рядом шрапнельную мину. Стоило мне чуть-чуть сдвинуться вправо и мы бы все погибли. При взрыве шрапнельной мины выбрасывается большое количество низко летящих металлических шариков, которые решетят все живое.

Но особенно страшно, когда остаешься один на нейтральной территории. Однажды я испытал это чувство. Мы вдвоем с товарищем были посланы в дозор на нейтральную территорию. Не помню, по какой причине товарищу на некоторое время нужно было вернуться в наше расположение. Он ушел, а я остался в густой, высокой траве один. Появилось необычайно сильное ощущение одиночества. Стало страшно. Перед тобой бесчисленное множество врагов, а ты — один. Трава от ветра колыхается и кажется, что они ползут на тебя. Думается, вдруг это вражеская разведка и ты попадешься к ней в лапы. Время, пока пришел товарищ, казалось вечностью.

Следует сказать, что некоторые из старшего командного состава вели себя непорядочно, а порою вообще глупо. Так, часто пьяный, начальник штаба нашей бригады, подполковник, не помню его фамилию, однажды чуть не погубил наш взвод. Он приказал разведчикам, вместе с батальоном пехоты, идти в наступление, атаковать противника, находившегося в глубоко эшелонированной обороне. В ходе боя мы должны были засекать огневые точки противника. Конечно, это абсурд — находясь в рядах атакующих, засекать огневые точки. Волнение, особый эмоциональный порыв в момент атаки, не позволяют что-то фиксировать, запоминать, анализировать.

Приказано было начать наступление на рассвете. Вечером пехота стала выдвигаться на исходные позиции. Бойцы там были из средне-

азиатских республик, необученные. Скрытно они двигаться не умели. В ночной тиши были слышны громкие разговоры, различные шумы. Немцы, конечно, все это засекли и открыли по колоннам пулеметный и минометный огонь. Падали убитые, громко кричали раненные. Наступление в этих условиях не могло состояться. Между тем, огонь становился все интенсивнее. Наш взвод разведки, находясь в этой массе, также подвергался обстрелу и мог понести большие потери. Тогда командир взвода, младший лейтенант Коннов, московский речник, принял умное решение — продвинуться броском вперед и так выйти из-под обстрела. Он скомандовал: «Броском вперед! Ура!». Мы все крикнули «Ура!» и с автоматами в руках побежали вперед. Стало светло. И я увидел бегущих от нас немцев. Мы дали по ним несколько очередей и они исчезли в высокой траве.

Подбежали к узенькой речушке, на берегу которой были два окопчика немецкого боевого охранения. Возле них лежали два горячих⁶ пулеметных ствола, несколько небольших гранат — «лимонок» и пачки с галетами.

Итак, мы, один взвод, оказались вблизи позиций противника. На берегу речушки валялись советские ручные пулеметы (РПД), карабины, патроны. Дело в том, что по этому направлению не раз неудачно наступали наши подразделения. Трупы солдат лежали в длинной канаве, тянувшейся по нейтральной территории.

Опасаясь нападения немцев, мы стали приводить в порядок, находившиеся здесь пулеметы (чистить, смазывать). Отойти назад, к своим, мы не могли. Согласно известному приказу Сталина 1942 года (кажется № 227), без разрешения вышестоящего начальника отход назад, даже на несколько десятков метров, означал попасть под расстрел («ни шагу назад!»).

Самочувствие было, конечно, скверное. В напряжении прошёл день. С наступлением темноты командир послал упомянутого выше бойца Линькова в штаб бригады доложить об обстановке и получить разрешение на возвращение взвода в свое подразделение. Но не успел Линьков отползти на несколько метров, как был ранен — пуля пробила ему ногу. Пришлось посылать другого бойца. Ночь прошла в тревоге. Немцы, не имея данных о нашей численности, по-видимому, также боялись вне-

⁶У немецких пулеметов имелись сменные стволы. Когда, во время стрельбы, ствол нагревался, его заменяли другим.

запного нападения с нашей стороны. В 200—300 метрах от реки они подожгли деревянный дом. Огонь осветил всю местность.

Наконец вернулся наш боец и передал приказание: немедленно возвращаться в расположение бригады. Под сильным огнем мы поползли по канаве. В некоторых местах пришлось ползти по трупам⁷. Было страшно. Казалось, очередная свистящая пуля и тебя положит на труп.

Почти совсем рассвело, когда мы подошли к нашему боевому охранению, скрывавшемуся за деревьями. Внезапно раздалось: «Стой, кто идет?». Ответили: «Разведка». В ответ: «Ложись! Старший к нам!».

Оказывается, командование бригады не предупредило боевое охранение о предстоящем возвращении нашего взвода. Это разгильдяйство чуть не кончилось обстрелом своих. А что касается посылки взвода разведки в атаку, то это могло нанести большой вред нашим войскам. Ведь разведчики — «глаза и уши» армии, в ходе неудачной операции, могли быть окружены и попасть в плен. Лучших «языков» для противника нельзя и придумать: мы хорошо знали, какие у нас части, их расположение, численность, вооружение, фамилии и звания командиров и т. д.

*

* *

В 1942 году, помнится, 11 августа, в районе Болхова — Мценска, немцы перешли в наступление. Возникла угроза прорыва и выхода противника на фланги 257 стрелковой бригады и 342 дивизии, между которыми прервалась связь. Для уточнения обстановки нашим командованием в штаб 342 дивизии были направлены разведчики — командир взвода Коннов и с ним я. Помню, как мы вышли в район деревни Надеждино, поднялись на высотку, где стоял единственный дом среди вишневого сада. Ветки деревьев гнулись от обилия созревших, почти черных ягод. Мы с большим удовольствием стали лакомиться ими. Где-то через четверть часа командир взвода сказал, что надо идти. А я ему: «давайте еще немного побудем в саду». Но он не согласился и мы пошли. Не успели отойти метров на пятьдесят, как услышали шум самолета. Взглянули вверх, а над нами «висит» немецкий самолет — разведчик, прозванный бойцами «рамой». Действительно он несколько похож на

⁷К сожалению, в сложившейся боевой обстановке у нас не было никакой возможности выполнять работу по захоронению многочисленных трупов. Думаю, что это было сделано нашими частями после изгнания немцев из этой местности.

раму. На наших глазах от самолета отделилась бомба. День был солнечный и ее хорошо было видно. Мы буквально покатались вниз с высоты. Раздался оглушительный взрыв. Нас подбросило и ударило о землю. Когда мы, поднялись снова на высоту, ни дома, ни сада там уже не было, зияла огромная воронка. Задержись мы в саду еще на несколько секунд, от нас ничего бы не осталось. Вообще, за годы войны

Командование батальона. (Справа Валкин М. Х.) 1945 г.

я осознал, какую роль в жизни играет господин случай. Причем, кажется иногда, что обстоятельства складываются для тебя в худшую сторону, а получается наоборот, в лучшую. Приведу пример.

В сентябре месяце 1942 года наша бригада, понеся большие потери в ходе летней кампании, должна была выйти из боев. Мы радовались этому. Теплилась надежда, что пока бригада будет находиться на перестройке, может быть и война закончится.

Недели за две до объявления приказа о нашем уходе в тыл потребовались три разведчика на наблюдательный пункт комбрига. До этого прямым попаданием снаряда были убиты дежурившие там наблюдатели. Командир роты направил туда ефрейтора Черепанова и рядовых Егорова и меня. Через несколько часов мы были на НП. Поочередно вели круглосуточное наблюдение за передним краем, занося в журнал

всё, что делалось на стороне противника. Дней через десять нас пришли сменить бойцы сибирской дивизии, занявшей оборону на нашем участке. Мы тепло попрощались с ними, пожелав «ни пуха, ни пера!» и отправились к месту расположения нашей роты. К середине дня добрались и доложили командиру роты о выполнении задания. Он поблагодарил нас и спросил: «а где мой бинокль?». Бинокля не оказалось, мы забыли его на НП. Поэтому кому-то надо было возвращаться на передовую. А идти назад, в зону артиллерийского и минометного огня, никому не хотелось. Тогда я обратился к командиру роты: «я пойду». Сказал я это не потому, что считал себя очень смелым. Просто мне казалось, что, как комсомолец и бывший студент, идти должен я.

Я благополучно дошёл до наблюдательного пункта, забрал бинокль и двинулся в обратный путь. Стало совсем темно. Когда подошел к месту расположения нашей роты, к оврагу, меня встревожила полная тишина. Обычно в это время кто-то играл на гармонике, кто-то пел, кто-то громко разговаривал. А тут вдруг тишина. И я подумал: не заблудился ли? А что если здесь немцы...? Я решил громко крикнуть и, если не получу ответа, бежать назад, к передовой. Крикнул: «Эй, есть кто-нибудь?». Пауза... А потом голос: «Есть, есть!». Отвечал наш каптенармус (кладовщик). Я обрадовался и спустился вниз. Там был только он и больше ни души. Я спросил: «А где же наши?». Ответ меня ошарашил: «Ушли на задание». Оказывается, из штаба армии был получен приказ: первый поиск необстрелянной еще разведки сибирской дивизии провести вместе с оставшимися в строю нашими разведчиками. Задание состояло в том, чтобы подняться на занятую немцами высотку и захватить «языка». Имелось ввиду внезапно напасть на часового и увести его, а также еще кого-нибудь, кто окажется поблизости.,

Ночь была очень темная, тихая. В момент, когда объединенная группа разведчиков доползла до середины высотки, один из «новеньких» не выдержал и кашлянул. Часовой услышал и поднял тревогу. Немцы осветили ракетами местность и открыли ураганный огонь по разведчикам. Пришлось им быстро уходить с жертвами на руках. Был убит командир роты, старший лейтенант Акимов, а также командир отделения и один боец. Не вернулся в роту и старшина. Возможно он был ранен и его не смогли вынести, а может быть и убит. Какие были потери у сибиряков я не знаю. наших мы опустили в могилу в селе Хамкино, Мценского или Болховского района (точно не помню) Орловской обла-

сти, под автоматные очереди. Мне пришлось произносить прощальное слово. Так печально окончился этот поиск. Если бы я в нём участвовал, может быть и не пришлось мне писать эти воспоминания. Судьба! Итак, бригада уходила на формировку — восполнить потери личного

Валкин М. Х. 1943 г.

состава, вооружения, снаряжения, средств связи и др. От нашей роты после боев осталось в строю где-то человек 12—13. В моей же службе произошли серьезные изменения. Я навсегда расстался с разведкой. В начале октября 1942 года меня пригласили в политотдел бригады и предложили вступить в партию, как «заслужившего эту честь». Я воспринял это как высокую оценку моей службы в разведке. Так я оказался в рядах ВКП(б).

Тем временем, командование решило сделать из меня офицера. И я был направлен на трехмесячные курсы по подготовке младших лей-

тенантов. Закончил их с отличием и мне было присвоено звание лейтенант. В дальнейшем моя служба продолжалась в разных частях 61 армии. До Победы путь оставался еще очень длинным. Для меня его вехами были: Орел, Курск, Чернигов, Мозырь, Рига, Польша и, наконец, Германия. Конец войны я встретил в 25 километрах от Эльбы, в

Валкин М. Х. 1945 г.

городе Кириц. Восьмого мая 1945 года, на рассвете, мы салютовали автоматными очередями в небо над немецкой землей. Мы ликовали. В эти мгновения верилось, что после войны наступит прекрасная жизнь («светлое будущее...»).

Нашим подразделениям было приказано прочесать близлежащую местность с целью выявления и пленения возможно прятавшихся солдат вермахта. Действительно, в кустах, под кронами деревьев, мы находили разбежавшихся немецких солдат, командовали им «хэндэ хох» (руки вверх), изымали оружие и «ценности», как правило, наручные часы. Их бросали в вещмешок, а затем сдавали в штаб части. Вспомни-

нается случай. У одного из солдат оказался серебряный портсигар со встроенной зажигалкой. Мне он очень понравился, но взять его я все же не посмел. А бросать в мешок тоже посчитал излишним: все равно «вверху» его государству не сдадут. И я вернул портсигар немцу. Тот был крайне удивлен. Между прочим, я не помню ни одного случая сопротивления с их стороны. Они безоговорочно выполняли все наши команды.

Итак, фронтовая жизнь закончилась. В конце войны я командовал стрелковой ротой в звании капитана. Мое участие в боях было отмечено орденом Красной звезды, медалями: «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и многими грамотами с благодарностью Верховного главного командования. В послевоенные годы я был награжден орденом Отечественной войны первой степени, а также юбилейными медалями.

Послевоенные годы

Наша часть расположилась в небольшом немецком городе Кириц, о котором я выше упоминал. В городе было тихо, мирно. Пятидесятилетний командир полка, в парадной форме, в сопровождении небольшой охраны, иногда прогуливался по улицам. Здесь же уже гуляли нарядно одетые немецкие девушки. Они с любопытством поглядывали на бравого полковника.

Личный состав части размещался в свободных от жильцов домах. Их было в городе не мало, так как многие семьи нацистских бонз бежали на Запад. В одной из квартир небольшого дома жил я с ординарцем. В соседней квартире разместился командир другой роты, также с ординарцем — пожилым солдатом (из нестроевых), у которого на Украине погибла семья. Ординарец относился к своему молодому начальнику, как отец к сыну. Он старался получше его накормить, насколько возможно облегчить нелегкую службу ротного командира. Однажды сосед зашел ко мне. «Я хочу с тобой посоветоваться, — сказал он. Дело в том, что мой ординарец стал в ночное время куда-то уходить. Я не знаю где он бывает и это меня беспокоит. Учитывая наши взаимоотношения, я как-то не решаюсь у него об этом спросить». Я посоветовал соседу подождать немного, возможно ординарец сам все объяснит.

Прошло два дня. Ко мне снова зашел командир роты и улыбаясь

Валкин М. Х. 2005 г.

сказал: «нас приглашает в гости английская графиня». Я принял это за шутку и говорю ему: «какая там английская графиня здесь, в Германии? Что за чепуха?». «Нет, не чепуха, — сказал он, — нас действительно приглашает английская графиня». «Кто тебе передал приглашение?», — спросил я. «Ординарец», — последовал ответ. «Все это выглядит странно, — продолжал я. Если речь идет об иностранке, надо доложить комбату»⁸ Вечером позвонил комбат: «завтра едем к графине!». На следующее утро комбат, его заместитель по политчасти, мой сосед с ординарцем и я, в трофейной карете, запряженной двумя рысаками, отправились в гости.

Подъезжаем. Перед нами кирпичная стена. Дворецкий раскрывает фигурные металлические ворота, произносит на немецком языке «доб-

⁸В то время связь с иностранцами гражданами было рискованным делом. Можно было угодить в объятия НКВД...

ро пожаловать, господа офицеры!» и осторожно берет под уздцы лошадей. Спускаемся из кареты, а к нам навстречу выходит небольшого роста, лет пятидесяти, седая, хрупкая женщина, в белом платье. «Рада вас видеть, — сказала она на русском языке. — У вас, конечно, возникают вопросы, я все объясню. Но пока я хочу показать вам свое хозяйство».

Первое, что мы увидели, — это кирпичная конюшня, где стояли девять лошадей-рысаков. В ней было просторно, светло, идеально чисто. Я впервые в жизни увидел такое прекрасное помещение для животных.

Затем мы подошли к небольшому пруду, полюбовались плавающими лебедями. «Теперь, — сказала графиня, — зайдём в мой музей». Заходим в зал, площадью, примерно, в 200 квадратных метров. В центре, на постаменте, мы увидели саркофаг с мумией. По периметру, вдоль стен, в витринах были представлены различные украшения из золота, серебра, бронзы. Я был поражён. В университете я слушал лекции по истории древнего Египта и поэтому понимал, какую огромную историческую ценность имеют эти экспонаты.

После осмотра музея графиня пригласила нас к столу. Мы поднялись на второй этаж небольшого дома, в столовую. Стол уже был накрыт. Хозяйка взяла в руки небольшой хрустальный графин с вином и предложила наполнить наши совсем маленькие рюмки. Это было для нас, офицеров, немного странно: мы ведь привыкли пить из стаканов... Произнесли тост за мир, за счастье и приготовились слушать рассказ хозяйки. Между прочим, в комнате не было прислуги. Она сама подходила к окошку в стене. Там транспортёром спускалась вниз, на кухню, не нужная уже посуда, а оттуда поднимались необходимые блюда.

Наконец, графиня начала свой рассказ: кто она, почему оказалась в Германии и откуда у нее такое владение. «Я, — сказала она, — действительно английская графиня, дальняя родственница Уинстона Черчилля. У меня имеются владения в Африке, во Франции и в Германии. Кстати, вино, которым я вас угощаю, — бургундское, из Франции. Ему уже сто пятьдесят лет. У нас существует традиция — хранить в подвалах вино для потомков». Вино было густое, искристое, ароматное, необыкновенно вкусное. Казалось, что в нём не было алкоголя. Голова была совершенно светлая, но тело стало как-то тяжелеть, особенно это чувствовалось в ногах.

«Экспонаты в музей, — продолжала графиня, — поступили из моих

владений в Египте. Там проводились археологические раскопки. Из обнаруженных находок, по договору, я получила определенную часть — все, что вы видели в экспозиции.

Война застала меня в Германии. Я была, как гражданка враждебной страны, интернирована. Но на мою собственность немцы не посягнули, только реквизировали на военные цели трех лошадей». Далее она пояснила, что русский язык изучила в России еще до революции. Бывала в аристократических салонах Санкт-Петербурга, встречалась с членами императорской семьи.

Дело шло к вечеру, мы стали прощаться. Поблагодарили графиню за гостеприимство, пожелали ей самого доброго. Перед отъездом она попросила нас зайти в ее розарий и каждому срезать несколько роз.

Позднее мы узнали историю знакомства ординарца с графиней. Однажды, беседуя с немцами из соседних домов, он спросил, нет ли у них чего-то оригинального из еды. Хотелось бы угостить командира каким-нибудь деликатесом. Немцы сказали, что у них такого ничего нет, но за городом живет английская графиня. У нее могут быть запасы продуктов.

Ординарец поехал к графине. Она его приняла. Знакомство это переросло в близкую дружбу. И накануне отъезда нашей части из этого города графиня предложила ординарцу жениться на ней. В этом случае, по английским законам, ее муж получил бы титул графа и право распоряжаться всеми ее владениями. В ответ он сказал, что болеет ностальгией по родине. Кроме того, по законам СССР его граждане не могут вступать в брак с иностранцами. На что графиня заявила, что сможет этот вопрос урегулировать: «Уинстон позвонит Джо (Сталину — М. В.) и я уверена, что препятствий не будет. Солдат решительно отказался от этого предложения. Они расстались. Через некоторое время мы у него как-то спросили, сколько же лет графине? «Семьдесят», — ответил он. Мы рассмеялись. Ординарец обиделся и заявил: «Я знал женщин, но такой прекрасной никогда не встречал и, наверное, никогда уже не встречу».

В Германии мы оставались недолго. Наша 61 армия 2 Белорусского фронта была расформирована. Кстати, командующего фронтом, маршала Рокоссовского, я никогда не видел. Командующего армией генерала Белова видел издали. Обратил внимание, что на нем были бурка и папаха. Как известно, во время битвы под Москвой он успешно командовал кавалерийским соединением.

Мне было предложено стать командиром одного из «рабочих» батальонов сформировавшихся для работы в Союзе на восстановлении шахт, заводов и т. п. Мною было высказано командованию нежелание уходить на нестроевую службу и меня оставили в регулярных войсках. Я получил направление в Белорусский военный округ. Но прежде, чем явиться в штаб округа, мне было приказано вместе с командным составом моей роты, в сентябре вести пешим порядком от Берлина до Бреста тысячу бывших военнопленных. Это были наши солдаты и младшие командиры, освобожденные из немецкого плена союзниками.

Организовать такой переход было непросто. Чтобы обеспечить управляемость людьми, надо было сформировать из них подразделения. Из них же подобрать командиров отделений, численность которых соответствовала стрелковому взводу. Командирами взводов (фактически рот) я назначил младших командиров моей роты. Командирами рот стали офицеры — штатные командиры взводов, с которыми довелось мне завершать войну. Эти офицеры, как и сержанты, были опытными, исключительно дисциплинированными командирами.

Прежде всего, надо было обеспечить нормальное питание тысячи человек. Нам выдали некоторое количество продуктов. В основном это были консервы (тушенка) и крупы. Но их было недостаточно. Поэтому в пути пришлось закупать у сельского населения картофель и другие овощи.

Серьезной проблемой стало обеспечение «пешеходов» обувью. То у одного, то у другого она разваливалась. Выход из положения все же удалось найти. Была создана группа сапожников. Она выезжала попутным транспортом вперед на два-три перехода, размещалась в одном из находившихся на пути населенных пунктов. Там она ремонтировала, вернее, восстанавливала, пришедшую в негодность обувь. В качестве материала использовалась собранная у населения изношенная обувь (конечно, на добровольных началах).

В следовавших за нами подобных колоннах был целый ряд побегов. Бывшие военнопленные боялись, что на родине их будут репрессировать. У нас же не было ни одного побега. Видимо люди поверили мне, что все будет хорошо. Тогда я именно так и думал. Но теперь я понимаю, что в то время нельзя было им гарантировать неприкосновенность, ведь нахождение в плену считалось преступлением и наши органы безопасности, как известно, работали энергично...

Во всяком случае, мы благополучно прибыли в Брест. Отмечая это, я должен сказать, что в пути всё же случилось чрезвычайное происшествие. В одном из сёл мы остановились на ночлег. Утром командир взвода лейтенант Сиротин вышел в огород, чтобы избавиться от хранившейся у него немецкой гранаты — «лимонки», взорвать ее. Но выбросить он ее не успел. Граната взорвалась у него в руках и он погиб.

Сдав всех людей представителям командования, я отправился в штаб округа для получения назначения. Назначен был командиром роты в 528 стрелковый полк, 130 Таганрогской (многих орденов) дивизии. Мне был предоставлен месячный отпуск и я решил поехать в Хисла-

Валкина А. А. 1945 г.

вичи, где в нашем доме жил с семьей брат Лёва. По пути я заехал в Москву. Это было в середине октября сорок пятого. Там я встретился со своей одноклассницей Аней Мартыненковой, учившейся в Московском фармацевтическом институте. Мы с ней пошли в ЗАГС и зарегистриро-

вали брак. Конечно, о свадьбе тогда не могло быть и речи. Мы скромно отметили это событие с семьей, у которой Аня жила на квартире.

И я приехал в Хиславичи. Там мне пришлось многое узнать о страшных днях оккупации поселка немецко-фашистскими палачами, о зверствах их пособников — ряда жителей поселка и сёл района. В феврале 1942 года, в лютую стужу, все еврейское население было полицией согнано в овраг, на окраине посёлка и расстреляно. Руководил этой «операцией» главный местный полицай по фамилии Шванда. Если существует ад, жариться бы там ему, извергу, и его «сотоварищам», вечно!

Мои родители и семья Брегманых разделили общую участь. Страшная картина их гибели, их мучений, мысленно рисовалась мне. На душе было невероятно тяжело.

Имевшееся в нашем доме имущество было разграблено. Особенно мне было жаль семейного портрета одесского периода (о нем я упоминал выше) и заветного сундука матери. В нем хранились вышитые ею крестом два полотняных полотенца, предназначавшихся в качестве подарка моей будущей жене. В сундуке хранились также тетради и записные книжки покойного брата Лазаря. Перед отъездом на учебу я положил в сундук много сделанных мною фотографий родных и школьных друзей. Всё это бесследно исчезло.

В Хиславичах я встретил гостившего там сына Лёвы от первого брака — Аркадия. Это была моя первая с ним встреча. Тогда ему было лет одиннадцать. Детство его было крайне тяжелым. В годы войны он находился в детском доме в Узбекистане. Голодал там немало, страдал от унижения, побоев и т. п. Была опасность сбиться на преступный путь, но он устоял.

Встреча с Аркадием, по моей вине, омрачилась неприятностью. Во время демобилизации я передал своё личное оружие — пистолет ТТ, продолжавшему службу офицеру. Пистолет мой выглядел красочно. Его рукоятку солдат-умелец инкрустировал серебром и цветным пластиком. На одной стороне был изображён кремль, на другой — звезда. Поэтому я счёл возможным попросить у нового владельца пистолета уступить мне «на память» его трофейный, совсем маленький пистолетик, типа «браунинг», который можно было незаметно носить даже в наружном кармане летней сорочки. Офицер великодушно его мне подарил. Конечно, принимать этот подарок я не имел права. В то время

хранение оружия гражданским лицом наказывалось тюремным заключением. Тем не менее, я решился на это: так мне хотелось иметь этот миниатюрный пистолетик. В Хиславичах он был со мной.

Как-то утром я вышел на улицу. И вдруг из дома выбегает Аркадий с пистолетом в руках и нацеливает его на меня. Я выхватил у него пистолет и сгоряча ударил мальчика по щеке, о чем до сих пор сожалею. Оказывается, пистолет я оставил под подушкой и ребенок заметил это.

Лёва поведал мне о пережитом. В первые же дни войны он был мобилизован и попал на Ленинградский фронт. Там пришлось ему иметь дело со станковым пулеметом «Максим», на своих плечах носить тяжелую ношу. Кроме того, мучил голод, так как паёк был мизерным.

Однажды, несмотря на жесточайшие запретные приказы, Лёва решил отойти немного от передовой, поискать в лесу, под снегом, убитую лошадь. Это удалось. Штыком он нащупал тушу, раскопал ее, отрезал несколько больших кусков, набил ими вещмешок и двинулся в свое подразделение. На несчастье, навстречу попались бойцы заградотряда. Они задержали его и привели к своему командиру. Тот, без долгих разговоров, приказал: «Дезертир, в расход его!». И брата повели расстреливать в ближайшую балку. Как рассказывал он, в голове пронеслось: «Все, жизнь кончена!». На пути к балке неожиданно встретился комиссар из соседней части. Он спросил: «Куда ведете бойца?». Услышав ответ, приказал повернуть обратно. В землянку, к командиру, спустился комиссар. Время ожидания казалось Лёве вечностью. Наконец, они вышли. И командир произнес: «Отпустите его, больше не попадайся!». Мешок с кониной ему, конечно, не вернули.

А на следующее утро — атака. В результате тяжелое осколочное ранение в ногу, гангрена и ампутация выше колена. Затем госпитали, госпитали. И последний из них в Свердловске. Оттуда Лёва послал мне письмо в Казанский университет. Его переслал на мой фронтовой адрес Н. П. Муньков. Так, с братом восстановилась связь. Из Свердловска Лёва приехал в Хиславичи. Дом наш был занят эвакуированными и его туда не пустили. Жена, Наталья и дочь Светлана, скрывавшиеся во время оккупации, ютились в другом месте. Лёва обратился в поселковый совет с просьбой об освобождении дома. Там ему сказали: «Ты не наследник, ты жил отдельно, наследник — младший брат». О сложившейся ситуации Лёва написал мне на фронт. Я немедленно послал ему справку, заверенную командиром части, о том, что отказываюсь от на-

Валкин М. Х. (справа) и брат Л. Х. Валкин г. Ульяновск, 1960 г.

следства в пользу брата. После этого жильцы были переселены и Лёва с семьей занял дом родителей. Устроился на работу в ларёк «Заготовивсырьё». Работа давала возможность семье жить сносно, но мешало вино. В конце концов, он дом продал и переехал в поселок Клетню, Брянской области, где купил небольшой домик. Работы там не было, он продолжал пить. И Таля с двумя девочками (родилась вторая дочь — Дина) уехала к своему брату. Лева остался один. Продал домик и поселился в районном центре Дубровке, той же Брянской области. Там он снимал угол. Потом ему дали однокомнатную квартиру, без удобств. В тоже время районная партийная элита получала квартиры со всеми удобствами.

С ним стала жить рабочая канатной фабрики, по имени Маруся — женщина темная, злобная, особенно после выпивки.

Ему было крайне тяжело. Он лишился возможности передвигаться, отказала «здоровая» нога. В 1978 закончилась его несчастная жизнь. На похороны приехали сын Аркадий, обе дочери и я. Похоронили его в холодном ноябре, на местном кладбище. В 1982 году я установил на его могиле надгробную плиту из гранита, с выбитой надписью: «Инвалид Отечественной войны Валкин Леонид Фролович» (по понятным причи-

Валкин А. Л. г. Рославль, 1970 г.

нам в армии записал он себе такое отчество). В установке памятника мне помогал Аркадий. Несколько раз я посещал кладбище. В это время я зачастую заезжал в Рославль. Аркадий, его жена Дуся и сын Володя тепло меня встречали. Иногда поездки в Рославль я совмещал с поездками в Калугу, где живут Светлана, её дочь Рита и внучка Алина. Дина, к сожалению, рано ушла из жизни. Её сын Игорь, отставной военный моряк, живет в Санкт-Петербурге. Он дважды гостил у нас. Несколько раз я ездил на Украину, в г. Бердянск, однажды с сыном Михаилом, к моему двоюродному племяннику Брегману Фимиану Львовичу (Фиме). Он участвовал в Отечественной войне, был ранен. В мирное время продолжал службу. Я не имел с ним связи. Адрес его мне сообщил Ефим Примеров — брат нашего преподавателя. Мы встретились с ним в Москве, в библиотеке Ленина. Примеров служил с Фимой в одном, Закарпатском, Военном округе. Фима с семье жил тогда в г. Виноградове. Когда вышел в отставку, переехал в Бердянск. Они с женой приезжали

В гостях у Аркадия. Рославль, 1960 годы. Слева направо: я, Аркадий и его жена Дуся

к нам в гости. 26 июня 2009 года Фима ушел из жизни. Остались жена Валентина, дочь Марина и внучка Ангелина. Неоднократно приезжал я в Хиславичи, на место гибели родителей. Меня всегда, поочередно, сопровождали жена, сыновья и внуки. Там, на средства оставшихся в живых родственников погибших, установлен всем им безымянный памятник. К сожалению, он небрежно содержится, за ним никто не ухаживает. Мне, из-за нездоровья, наверное, побывать там больше не придется. В Хиславичах я встретился с Валентином Усовым. Он воевал. Закончил войну в чине старшего лейтенанта. Несколько дней мы провели вместе. Вспоминали школьные годы, узнавали о судьбах учеников и учителей. Позднее я слышал, что с ним случилось несчастье. Он демобилизовался, но не сдал, как положено, личное оружие. За незаконное его хранение попал в тюрьму. К сожалению, в дальнейшем у меня с ним связи не было.

Георгий Перевозчиков и Николай Беляев прошли войну благополучно. Перевозчиков приезжал в Хиславичи. Василий Рубашный во время войны находился в Хиславичах, служил в полиции. Что с ним произошло после войны — не знаю.

Некоторые сведения об учителях и учениках, об обстановке в Хиславичах в годы оккупации содержатся в хранящихся у меня письмах Дворкиной, Домуховского, Минкина и Хилькевича (выпускников 1939 и 1940 годов), а также некоторых других бывших учеников нашей школы. Письма эти адресованы мне, моей жене Анне Андреевне и ее сестре Надежде Андреевне. Наиболее содержательным из них является пись-

Дина Рогова (Валкина) (1948—1996)

мо Петра Домуховского А. А. Валкиной. Письмо послано из Тбилиси 21 января 1984 года. Приведу из него отдельные выдержки.

«<...> В 1940 году, в сентябре месяце, я был призван в ряды РККА, в то время так назывались Вооруженные силы. Прибыл для прохождения службы во 2-й полк связи, Ленинградского военного округа. Там я служил вместе с однокашниками: Володей Шкотским, Валею Усовым и Антоненковым (с параллельного класса), а также с другими мальчиками, возраст которых подлежал призыву в ряды Советской Армии. Марк, Коля Беляев и другие сверстники подлежали призыву на один год позже.

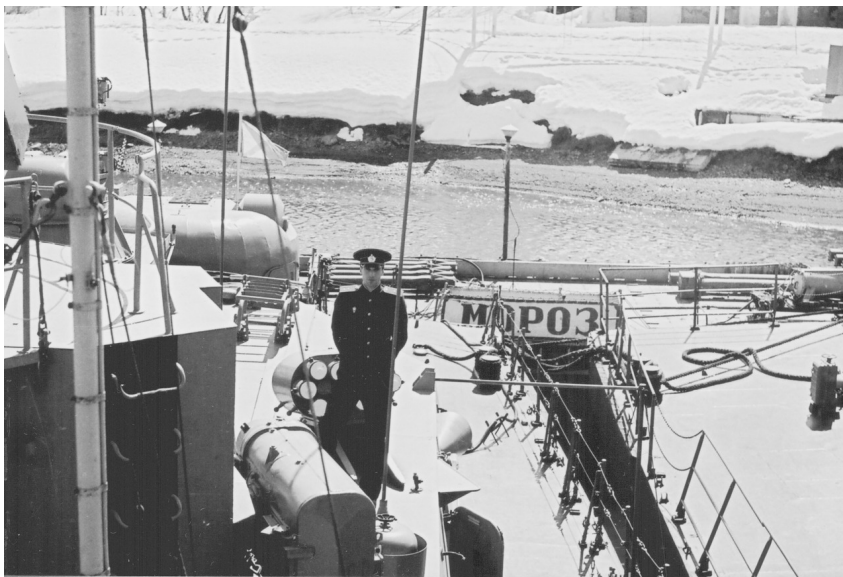
Примерно в августе 1940 года нас вызвали на построение и повели строем в Ленинградское училище связи

Светлана Валкина

им. Ленсовета. Нас зачислили курсантами в специальную группу (ускоренный курс). Выпустили в октябре 1941 года лейтенантами и направили в распоряжение Московского военного округа. Меня назначили на должность помощника связи (наверное, помощником командира полка? — М. В.) 582 артиллерийского полка противотанковой обороны Резерва Верховного командования, где я с этого месяца воевал. Примерно в июне месяце 1942 года нас немцы погнали на юг, до Гойтского перевала (это под Туапсе). Там я выдержал сущий ад от налетов авиации и крайне ожесточенных боев на суше. Мне, не обстрелянному юнцу, досталось крепко.

После окончания боев под Туапсе нас перебросили под

Рогов И. М. (сын Дины). Камчатка 1999 г.

Семья Брегманных, г. Бердянск

Новороссийск, на так называемую Малую землю. Это была жестокая и бездарная операция. На этой проклятой земле меня тяжело ранило. Я лежал трое суток на берегу Черного моря и ждал каждую минуту смерти от падающих авиабомб и артиллерийских снарядов. Это видимо и подорвало мое здоровье <...>

В Хиславичах я был сразу после окончания войны. Там я застал страшную картину разрушения, следы зверства гуннов. Да и наши изверги и подонки не отставали от них.

Хиславичи. Памятник на месте расстрела родителей в 1942 г.

Марк, и твой отец погиб от их рук — палачей из русских. По соседству с нашей семьей жил Жиц Гриша. У него был сын Миша, который очень любил меня. Моя мачеха предлагала Фане, жене Гриши, выехать с ней в тыл. Но она не захотела, мотивируя тем, что в Захарьино остались её родители. Расстреляли её, родителей, а потом моего любимца Мишу. Он был ранен и бедный зашёл во двор к одному лесничему в Мартыновке. И, что ты думала, тот сообщил полицаям. Они вывели его в лес и там добились.

У знакомых отца Лейбиных были две очень красивые дочери. Полицаи вывели семью в ров, возле салотопки, на глазах родителей расстреляли дочерей, а потом их.

Расстрелян Герман — брат Володи Шкотского, из-за предательства Мильшина. Был такой подонок в Хиславичах. Погибло много других наших друзей и знакомых от рук палачей — жителей Хиславич. Отец мой в это время партизанил в районе вместе с секретарем райкома Поярковым и Подберезкиным, которых схватили и казнили. Им стоит в Хиславичах памятник.

Мне известно, что Коля Беляев в Калуге, директор крупного завода. О нем писала «Правда». В. Усов — учитель в поселке Счастье, Донецкой области. Ж. Перевозчиков в Ленинграде. Кузьмин Гриша, Артеменков и Василенков где-то в Хиславичском районе. Овчинникова тоже там. В Хиславичах живет мой хороший друг Володя Журов. Он учился на класс ниже <...>».

Трагически сложилась судьба учителя Е. В. Ржецкого. В годы оккупации он работал в Хиславичах, в немецкой администрации. Наверное, как владеющий немецким языком, он не мог отказаться от этого, опасаясь расправы. Во всяком случае, вёл он себя очень порядочно, помогал многим. Он спас еврейского мальчика, спрятав его в своем доме. Это был огромный риск, грозивший ему неминуемым расстрелом. По свидетельству выпускницы школы Ани Мартыненковой (Валкиной), когда она пришла к нему посоветоваться, как жить в условиях оккупации, он сказал, что надо переждать, на работу не устраиваться. По-видимому, Ржецкий предвидел поражение немцев, верил в нашу победу.

После освобождения Хиславич он был арестован и погиб в застенках НКВД. Впоследствии реабилитирован посмертно. Судьбе его посвящена статья Эллы Максимовой в журнале «Смена» (1972 г., № 2). Инициатором реабилитации Ржецкого был Семён Минкин — выпускник школы (1939 г.).

Василий Хрисанфович Маханек участвовал в войне, вернулся в Хиславичи и продолжил работу в школе. Его уже нет в живых. Евсей Илларионович Севостьянов после войны долгие годы работал в школе. Незадолго до его ухода из жизни, будучи в Хиславичах, я навестил его.

К сожалению, я ничего достоверного не знаю о судьбе Станиславы Станиславовны. Слышал только, что во время войны она вместе с мужем — И. В. Примеровым, находилась в Хиславичах. После освобождения поселка от оккупантов его будто бы мобилизовали и он погиб на фронте.

*

* *

Закончился мой отпуск и из Хиславич я поехал в Брест, к месту службы. Там принял 1-ю стрелковую роту. Учебные занятия роты нередко проводились в Брестской крепости. О героической её защите тогда еще не было известно.

За десять месяцев мне удалось добиться положительных результатов в боевой подготовке — рота заняла первое место в дивизии. У вышестоящих командиров сложилось обо мне мнение как об «отличном строевом командире». Несмотря на это, я был убежден в необходимости ухода из армии, чтобы продолжить учебу в университете.

Как только я узнал, что имеется приказ Сталина о предоставлении права ухода из армии офицерам, мобилизованным со студенческой скамьи, подал рапорт об увольнении. Для командира полка, а затем и дивизии, это было неожиданно: ведь они считали меня «настоящим» офицером. Поэтому старались убедить в ошибочности моего шага, обещали направить в академию и не давали согласия на увольнение. Пришлось пойти на прием к командиру корпуса. Генерал внимательно выслушал меня, понял, что я твердо решил продолжить учебу в вузе и удовлетворил мою просьбу. В июле месяце 1946 года я был уволен из армии. В памяти навсегда остались тяжелые испытания в годы войны, потери родных и близких. Но осталась надежда на лучшее будущее.

Попутно замечу, что оканчивать университет было мне совсем не просто. Дело в том, что мой руководитель по дипломной работе профессорантисемит В. И. Писарев долго держал её у себя, а потом, за месяц до защиты, заявил: «работа не годится» и, что нужно писать новую, на другую тему. Конечно, за месяц невозможно было подготовить новую работу. В результате я не допускался к госэкзаменам. Защищать диплом мог только в следующем году. Понимая, что и тогда Писарев, как заведующий кафедрой, имеет возможность повторить свой демарш, подал заявление ректору с просьбой отчислить меня из университета. Я немедленно выехал в Москву и был принят на исторический факультет МГУ. Там я защитил дипломную работу, сдал госэкзамены и получил документ об окончании университета одновременно с выпускниками Казанского университета.

Писарев подло вёл себя не только по отношению ко мне. В вышедших в свет в Казани в 2010 году воспоминаниях профессора Г. Н. Вульфсона «Страницы памяти» говорится, что Писарев пытался помешать ему защитить кандидатскую диссертацию. Когда сорвать защиту не удалось, Писарев не успокоился и «отправил «телегу» в Высшую аттестационную комиссию (с. 104). В книге указывается, что он занимался и доносами (с. 102). В общем, каждая эпоха рождает своих подлецов.

*

* *

В заключение я немного расскажу о событиях, происшедших в нашей семье за время жизни в Ульяновске. Вскоре после моего приезда в

Ульяновск ко мне приехала супруга Анна Андреевна. Она проработала в аптечной сети города более 50 лет. Из них три десятилетия в аптеке Ульяновского отделения железной дороги, в должности заведующей. В семье хранится целый «букет» ее Почетных грамот.

Наташа, Лев и Миша

5 апреля 1953 года у нас родился сын Михаил. В 1970 году он с золотой медалью окончил 11 среднюю школу и поступил в Ульяновский политехнический институт, на механический факультет. Успешно окончив его (с красным дипломом), он был принят на работу в Димитровградский научно-исследовательский инсти-

тут атомных реакторов в качестве инженера, а затем переведен на должность заместителя главного механика.

В 1979 году он женился на ульяновской девушке по имени Наташа. В 1980 году у них родился сын Лев. С раннего детства у него проявился интерес к работе с компьютером. По окончании школы он, как и отец, поступил в Политехнический институт. Приняли его без экзаменов, по результатам олимпиады, на факультет информационных технологий. Институт он окончил с красным дипломом, со степенью магистра, стал опытным программистом. В настоящее время живет с женой Олей в Калифорнии. В 2006 году у них родился сын Марк, а в 2009 — дочь Алиса.

Внук Лев с супругой Олей

Алиса и Марк

Наш второй сын, Юрий, родился 17 декабря 1958 года. Окончил, как и Михаил, 11-ю школу и поступил в Ульяновский педагогический институт, на естественно-географический факультет. Окончил институт с красным дипломом. 20 лет работал учителем. Сначала в

Валкины в день свадьбы. Слева направо: Юрий, Наташа, Илья и Оля. 2009 г.

селе Карлинское Ульяновского района, затем в Ульяновске. Женился на выпускнице того же института. Оля защитила кандидатскую диссертацию и в настоящее время работает в институте на должности проректора. В 1981 году у них родился сын Илья. Он окончил 62-ю школу, затем пединститут. В 2009 году вступил в брак с выпускницей

Ульяновского университета Наташей. Оба они стали кандидатами наук. Все «наши» кандидаты защищались по специальности биология. Наташа работает в пединституте, Илья в фирме. Мы живем с детьми и внуками дружно. Они нам очень помогают. Миша в последнее десятилетие делает компьютерную подготовку всех моих печатных работ. Супруга и я также стараемся окружать их теплом, вниманием.

Именной указатель

- Агафонова Н. А., 76
Академов В. В., 50, 84, 89
Аквилянов Ю. А., 103
Акимов С. И., 106
Аксаков И. С., 56
Аксаков С. Т., 72
Аксельрод П. Б., 52
Александров Б. А., 41
Алексеев А. Д., 68, 92
Алексеева Ю. М., 74, 77, 84, 89
Алексей Михайлович (царь), 65
Андреев, 137
Андрянов Ф. Д., 48
Аржанцев Б. В., 65
Арсеньев В. К., 54
Артеменков, 162
Артемов И. С., 19
Архангельский Д. И., 31, 37
Архипов Г. А., 36
Астапов М. И., 69
Афанасьев Б. Н., 18
Афанасьева Г. Н., 50
Ахматова А. А., 19
Бабель, 122
Байрамов, 12
Баранов Д. И., 88
Бейсов П. С., 24, 26, 28, 50, 70, 73
Белокриницкий Е. В., 42
Беляев Н., 130, 162
Бернштам Л. А., 67
Бианки В. Л., 54
Благов Н., 26
Благовещенский В. В., 24, 28
Боброва А. Л., 165
Большов А. М., 87, 88, 90, 107
Борисов, 99
Бочкарев А. П., 20, 100
Брегман Б., 120
Брегман П. Л., 127
Брегман Р. И., 120
Брегман Ф. Л., 127, 157
Бурматин С. П., 136
Бутаев М. А., 24, 51
Бутурлин А. С., 45, 54, 55, 57, 62, 63
Бутурлин А. С. (народник), 15, 53, 58--62
Бутурлин В. В., 52
Бутурлин Д. П., 52
Бутурлин К. С., 54
Бутурлин С. А., 53, 54, 60, 62
Бутурлина И. А., 58, 63
Бушканец Е. Г., 7, 13
Бушмакин М. Д., 135
Вавилов Н. И., 137
Вавилов С. И., 137
Валкин Аркадий, 154, 156
Валкин И. Ю., 166
Валкин Л. М., 165
Валкин Л. Х., 114, 116, 119

- Валкин Лазарь, 114, 115, 119, 154
Валкин М. Л., 165
Валкин М. М., 165
Валкин Х. И., 112
Валкин Ю. М., 166
Валкина А. А., 153
Валкина Д. Л. (Рогова), 156
Валкина Н. В., 167
Валкина О. Н., 166
Валкина С. Л., 113, 116
Вальтер Скотт, 122
Варламова А. Ф., 24
Варшавский З. Л., 83
Василенков, 162
Васильев В. П., 99
Верещагин, 41
Верняков А. И., 108
Вертынский Е., 127
Витенберг, 135
Вишневский В., 127
Власов, 98
Вульфсон Г. Н., 135, 164
Гагарин И. С., 55
Гагарин С. И., 58
Гагарина В. М., 58
Гайдар, 122
Гайдашенко К. П., 50
Гайниев С. С., 24
Галицкий О., 127
Гальмуев, 121
Ганкины, 113
Гасимов Ф. Г., 5
Гауз Н. С., 50, 52
Геллер Э. Р., 24
Герасин В. Ф., 23
Глазунов И., 83
Гнутов М. А., 24
Голенко З. И., 17, 19
Головчинер Я. М., 24
Гончаров И. А., 45, 63, 70
Гончаров Н. А., 67, 75
Гончарова А. М., 68
Городцов А. В., 31
Греков Б. Д., 135, 137, 138
Грен В. Н., 17, 18
Григорович Д. В., 72
Гриценко Н. П., 24, 25, 28
Давыдов Д., 72
Данилова, 44
Дворкина Х., 127
Демиховская Е. К., 92
Демиховская О. А., 92
Димитров Г., 14
Домуховский П., 130, 159
Дриз Б. С., 21
Дубровский С. М., 13, 15
Дульский П. М., 16
Дьяконов В. М., 9, 31
Егерев В. В., 16
Егорова Н. М., 77
Еремин Н. М., 101
Ерохин А. А., 122
Ефимов А. В., 137
Ефимов Ю. Д., 50
Жданова М. Б., 69, 73, 77, 89
Житков Б. М., 54
Жиц Г., 162
Жиц М., 162
Жиц Мария, 122
Жуков Н. Н., 39
Журов В., 132, 162
Жюль Верн, 122
Закс А. Б., 77
Залесский А., 127

- Зворыкин Н. А., 54
Золотов А. С., 75
Зорин В. С., 86
Зощенко М. М., 19
Зубов А. Н., 110
Иванов Д. Ф., 20
Иванова М. Г., 26, 36
Ивашенцев А. П., 54
Кабанов А. С., 17
Кабанов К. А., 17
Кавалеров, 130
Кадьян А. А., 60
Казас И. А., 78
Казас Н. М., 78
Казюхин В. В., 42, 65
Калешак С. С., 124, 163
Калинин М. И., 14
Кандудин В., 128
Каплан М. В., 103
Карамзин Н. М., 72
Карманов А. Г., 26
Кирилин, 8
Кирмалов М. В., 81
Киров С. М., 14
Китаевский В. О., 22, 42
Клюев О. А., 66
Ковалевский М., 10
Коваленко, 122
Кожевников В. С., 48
Коларов В., 14
Колбин Г. В., 106, 107
Коллонтай А. М., 52
Кони А. Ф., 91
Коннов, 142, 143
Константинова Л., 65
Коринфский, 16
Королев А. Я., 18
Косминский Е. А., 137
Костин М. Н., 105
Кохова А. И., 97
Краденов П. И., 16
Кривов М. И., 24, 51
Кротковы, 53
Крумбмиллер (Алеева) З. А., 79
Крупский Б., 51
Кузин В. А., 11
Кузнецов И. М., 102
Кузьмин Г., 130, 131
Куликов Ю. И., 22
Кутейников И. А., 90
Кутузов М. И., 8
Лавров П. Л., 60
Ланков А. А., 87, 106, 108
Левина Р. Е., 24
Лейбины, 162
Ленин В. И., 19, 39, 40, 43, 44, 49,
95, 106
Лигачев Е. К., 106, 107
Линьков, 140, 142
Лихачев Д. С., 3
Лобкарёва А. В., 77, 84, 89
Лопатин Г., 60
Лытяков, 100
Ляменкова, 123
МУньков Н. П., 138
Маврин А. К., 94
Майков Н. А., 67
Майн Рид, 122
Макеева И. Ф., 110
Малинин Н. А., 76
Маркелова А. Н., 89
Марковников В. В., 60
Маркс К., 52
Мартыненков А. С., 132

- Мартыненко (Валкина) А. А., 126
Мартыненко (Власова) Н. А., 129
Маханек В. Х., 163
Мельник В. И., 92
Мерперт Н. Я., 32, 33
Мильшин, 132
Минаев Д. Д., 72
Минкин С., 163
Михайлов В. Г., 88
Молотов В. М., 137
Москвитина Л. В., 106
Моторин А. В., 40
Музалевская А. А., 82
Музалевский В. В., 82, 89
Музалевский П. А., 82
Муньков Н. П., 8, 9, 134, 135, 138,
155
Натансон М., 60
Никитина Н. И., 24, 71
Новиков З., 127
Огарёв Н. П., 72
Огрызкова А. Д., 22
Орлов В. В., 48, 52
Орлов В. И., 48
Орлов Ю. В., 52
Орлова Б. С., 52
Павел Александрович (князь), 80
Панкова М. С., 42
Панкратова А. М., 137
Панова В. И., 50, 51
Первухин Н. Г., 5
Перевозчиков Г., 130
Перевозчиков Л., 127
Перовская С., 60
Петраченков, 122
Пигарев К. В., 55
Писарев В. И., 164
Писаревский Л. И., 65
Плакатин А. П., 135
Пластов А. А., 37, 39
Подберезкин, 162
Поддубный М., 62
Поддубская Е. А., 101
Полевой Ю. З., 15
Поливанов В. Н., 30
Полунин, 59
Пономарев В. И., 135
Потанин Г. Н., 72
Поярков, 162
Праведнов В. Ф., 48
Преснякова В. В., 108
Примеров Е. В., 157
Примеров И. В., 124, 163
Пришвин М. М., 54
Прусаков В. Н., 44
Пугачёв В. И., 51
Пузыревский П. И., 38
Пушкин А. С., 45, 127
Радишевский, 97
Раевский В. Ф., 24
Раневская М., 130
Резвцов А. Д., 73, 80
Резвцов Б. А., 92
Резвцов Б. Д., 68
Резвцов Н. Б., 73, 89
Резвцова А. Н., 71, 73, 80
Резвцова Александра Н., 80
Резвцова Е. Н., 80
Резвцова Н. Н., 68, 73, 79, 89, 91
Ржецкий Е. В., 163
Римский-Корсаков, 80
Рогов И. М., 161
Родченков В., 130, 131
Рождественский О. В., 17

- Ромбовский Ю. А., 51
Рубашная Г., 130
Рубашный В., 130, 132
Рудольф, 89
Рябиков В. В., 48, 49
Савельева Э. А., 36
Савич М. М., 35, 42, 50, 89
Садовников Д. Н., 72
Салтыков А. А., 122
Салтыков А. Л., 122
Самсонов Ю. Г., 109
Сверкалов В. Н., 108
Свирский, 122
Севостьянов Е. И., 124
Седов В. В., 36
Сергей Александрович, 80
Серегин И. М., 101
Сибгатулин И. Х., 50
Симонова С., 130
Ситников К. П., 138
Скиталец С. Г., 72
Скочиллов А. А., 45
Скулков И. П., 29
Смирнов А. П., 30, 35
Смирнов В. С., 17
Смирнов Н. Н., 24
Смирнова В. С., 15
Смирнова И. В., 77
Солженицын А. И., 55
Сорин, 121
Сорокин А. И., 50
Сталин И. В., 14, 19, 132, 151
Степанов П. Д., 30
Столыпин П. А., 65
Суперанский М. Ф., 64
Сытин С. Л., 65
Сякин А., 130
Таманова В. Ф., 22
Тарле Е. В., 137
Татарский М. Я., 21, 22
Тимирязев К. А., 60
Тихонов А. И., 50
Толстая А. А., 80
Толстая С. А., 61
Толстой Л. Н., 52, 61, 79
Толстой С. Л., 61
Томуль А. И., 107
Трегубов Н. Н., 67
Трейгут (Резвцова) А. К., 80, 91
Трейгут К., 80, 91
Трофимов Ж. А., 109
Тютчев Ф., 56
Ульянов И. Н., 109
Усов В., 130
Устюжанин Е. И., 9, 135
Федоров Г. Н., 50
Федоров–Давыдов Г. А., 36
Фенимор Купер, 122
Филатов В. П., 54
Флоринский, 12
Фурцева Е. А., 45
Хайкин Е., 120
Халиков А. Х., 36
Ханин Л. И., 11
Хитрово Б. М., 65
Хмарский И. Д., 88
Ходорович В. Н., 110
Хрущёв Н. С., 20
Цявловская Т. Г., 55
Чаадаев П. Я., 56
Чевелев А. П., 24
Чернов М. В., 95
Чернявский Ф., 20
Черчилль У., 150

Чехов А. П., 79
Чеченев Б. А., 85
Чинкова, 123
Чистов Б., 18
Шаврыгина Н. А., 42
Шайков Н., 130, 132
Шаманов В. А., 93
Шамов Г. Ф., 10, 11, 134, 138
Шандлер, 128
Шаталина Е., 106
Шевцов, 135
Шиндин, 99
Шкляев, 135
Шкотский В., 130, 159
Шкотский Г., 162
Шмидт О. Ю., 137
Шодэ А. А., 106
Шостак Е. Н., 79
Шпанов Н., 136
Штемпель, 106
Штоколов Б., 70
Эллисон, 135
Югов А., 43
Юноша–Шанявский И. К., 35
Юргенс, 84
Юшков С. В., 135
Языков Н. М., 72
Яковлев Д. И., 94
Яковлев И. Я., 102
Яшин М., 55

ИЗ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ АВТОРА

1. Валкин М. Х. Симбирская губерния в годы Октября и Гражданской войны. Новая экспозиция. Блокнот агитатора. Издание «Ульяновской правды», 1956, № 5.
2. Валкин М. Х. Из истории музейного строительства в Симбирской губернии. Государственный архив Ульяновской области. Известия научного совета. Вып. 1, с. 181—189. Ульяновск, 1959.
3. Валкин М. Х. Александр Сергеевич Бутурлин. Материалы к биографии. Ульяновск, 1961.
4. Валкин М. Х. Из неопубликованных материалов С. А. Бутурлина. Ученые записки Ульяновского педагогического института. Ульяновск, 1963, т. XVIII, вып. 3, с. 84—104.
5. Валкин М. Х. Новые материалы о революционере — народнике А. С. Бутурлине. Там же. Серия общественных наук, т. XX11, вып. 1, 1966, с. 243—277.
6. А. С. Бутурлин о Льве Толстом. Избранные письма. Вступительная статья, подготовка текста и примечания М. Х. Валкина. Ульяновск, 1971.
7. Валкин М. Х. Массовая работа музея. Краеведческие записки, вып. 5., с. 19—29 Ульяновск, 1982.
8. Валкин М. Х. К истории создания музея И. А. Гончарова. Симбирский вестник, вып. 1, с. 150—176. Ульяновск, 1993.
9. Валкин М. Х. Краеведческий музей в 1950—1980 годах (из воспоминаний). Там же, вып. 2, с. 146—176. Ульяновск, 1994.
10. Валкин Марк. Из моей жизни. Ульяновск, 1994.
11. Валкин Марк. Краеведческие заметки. Ульяновск, 1998.
12. Валкин Марк. Забавное и грустное. Ульяновск, 1999.
13. Валкин М. Х. Социально-экономическое развитие края в XVIII веке. Историческое краеведение. Учебное пособие для VII—IX классов общеобразовательных учреждений., с. 57—62. Ульяновск, 2000.
14. Валкин Марк. Музей И. А. Гончарова. Из истории создания. Ульяновск, 2001.
15. Валкин Марк. Тайна великого писателя (И. А. Гончаров и А. К. Трейгут). Димитровград, 2002.
16. Валкин М. Х. К вопросу о формировании и изучении Бутурлинской

- коллекции Ульяновского областного краеведческого музея. Бутурлинский сборник, с. 108—112. Ульяновск, 2003.
17. Валкин М. Х. Музей «Симбирская классическая гимназия». Из истории создания. Историко-мемориальный заповедник «Родина В. И. Ленина. Материалы второй научной конференции, посвященной краеведу С. Л. Сытину, с. 218—228. Ульяновск, 2005.
 18. Валкин М. Х. О работе коллектива музея в 1950—80 годах. Музей вчера, сегодня, всегда. Страницы истории Ульяновского областного краеведческого музея им. И. А. Гончарова, с. 63—98. Ульяновск, 2005.
 19. Валкин М. Х. К вопросу о популяризации научного наследия С. А. Бутурлина и увековечении его памяти в Ульяновске. Бутурлинский сборник (№ 2), с. 66—78. Ульяновск, 2006.
 20. Валкин М. Х. Музей «Симбирская чувашская учительская школа». Научная концепция создания экспозиций. Ульяновск, 2006.
 21. Валкин М. Х. Тайна великого писателя (И. А. Гончаров и А. К. Трейгут). Издание второе, дополненное. Ульяновск, 2006.
 22. Валкин М. Х. О первом выпуске «Краеведческих записок». Добрый гений наших краеведов. Краеведческий сборник, посвященный памяти Н. И. Никитиной, с. 227—232. Ульяновск, 2007.
 23. Валкин Марк. Музей И. А. Гончарова. Из истории создания. Издание 2, дополненное. Ульяновск, 2009.